

ISSN 1993-1824

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

2/2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 15, № 2

Апрель – июнь 2022

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — А. С. Коленикова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 15, No. 2

April – June 2022

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriluk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Белоножко М. Л., Герасимова Г. И., Пинигин И. Е. Социально-экономические теории управления развитием территории	9
Зборовский Г. Е. К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции	23
Костина С. Н., Новикова О. Н. Стиль поведения родителей по отношению к активности старшеклассников в Интернете	40
Лебедев Б. В. Тенденции развития технологий в контексте глобальных проблем	56
Переладов А. М., Силин А. Н. Мотивационный механизм у разных групп вахтового персонала в Арктике	67
Попкова А. А., Фомичев И. Ю., Шляков А. В. Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций в системе развития территорий: ценности и направления	77
Цыганенко Н. Д. Система социального партнерства Российской Федерации: профсоюзный взгляд на пути развития	90
Шеломенцева В. П., Донцов С. С., Игнатова Е. В. Оценка социально-психологического самочувствия населения Восточного Казахстана	101

CONTENTS

Belonozhko M. L., Gerasimova G. I., Pinigin I. E. Socio-economic theories of territorial development management	9
Zborovsky G. E. To the study of social well-being of youth: key provisions of the conception	23
Kostina S. N., Novikova O. N. Parenting styles in their stance to pastime of high school pupils in the Internet	40
Lebedev B. V. Technologies development trends in the context of global problems	56
Pereladov A. M., Silin A. N. Motivational mechanism in different groups of shift worker personnel in the Arctic	67
Popkova A. A., Fomichev I. Yu., Shlyakov A. V. Networking of non-profit organizations in the territorial development system: values and directions	77
Tsyganenko N. D. System of social partnership of the Russian Federation: a trade union view on the way of development	90
Shelomentseva V. P., Dontsov S. S., Ignatova E. V. An assessment of socio-psychological well-being of the population of Eastern Kazakhstan	101

УДК 316.334.52

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-9-22

Социально-экономические теории управления развитием территории

**Марина Львовна Белоножко, Галина Ивановна Герасимова,
Иван Евгеньевич Пинигин**

*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет,
Тюмень, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических аспектов управления развитием пространств и территорий. Для уточнения концептуальных подходов основные идеи классифицируются в соответствии с положениями, специфичными для каждой научной области (социология, экономика, география и т. д.). Синтез характеристик категории «управление развитием» позволяет сосредоточиться на наиболее значимых подходах каждой науки. Среди детерминант анализируемых теорий адаптивное управление и развитие человеческого потенциала (социология); инновационная экономика единого пространства; климатический и природный потенциал местности (социальная география). Сформулирован вывод о том, что объединяющим началом комплексного исследовательского процесса заявленной проблемы является эффективное применение методов социального управления.

Ключевые слова: адаптивное управление, концепция, парадигма, пространство, развитие, регион, социальная сфера, территория, теория

Для цитирования: Белоножко, М. Л. Социально-экономические теории управления развитием территории / М. Л. Белоножко, Г. И. Герасимова, И. Е. Пинигин. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-9-22 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 9–22.

Socio-economic theories of territorial development management

Marina L. Belonozhko, Galina I. Gerasimova, Ivan E. Pinigin

*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen,
Tyumen, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical aspects of the management of the development of spaces and territories. To clarify the conceptual approaches, the main ideas are classified according to the provisions specific to each scientific field (sociology, economics, geography, etc.). The synthesis of the characteristics of the category "development management" allows you to focus on the most significant approaches of each science. Among the determinants of the theories there are adaptive management and human potential development (sociology); innovative economy of a single space; the climatic and natural potential of the area (social geography). It is concluded that the unifying beginning of the complex research process of the stated problem is the effective application of social management methods.

Keywords: adaptive management, concept, paradigm, space, development, region, social sphere, territory, theory

For citation: Belonozhko, M. L., Gerasimova, G. I., & Pinigin, I. E. (2022). Socio-economic theories of territorial development management. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 9-22. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-9-22

Введение

При операционализации категории «развитие» учитываются различные парадигмальные подходы, в которых в первую очередь маркируются одинаковый контекст и объединяющие идеи. Следовательно, действенным оказывается междисциплинарная парадигма, учитывающая наработки философии, социологии и других научных школ. Исходя из этого, рабочей гипотезой является тезис о необходимости расширения методологической составляющей за счет интеграции эвристического потенциала различных дисциплин, что позволяет изучить категорию «развитие территории» во всем ее многообразии.

Общенаучная дефиниция «развитие» представляет собой форму движения, структурированного особым образом. При этом включенные в этот процесс единицы соотносятся между собой, обозначая сущностные характеристики субъектов на начальном и завершающем этапах, характеризуют результат и окончательное их состояние в количественных и качественных показателях. Для территориального развития принципиальными условиями выступают управленческий потенциал, конкретно-историческая среда и ресурсы, внешние факторы, субъективные и ситуативные параметры.

Материалы и методы

Междисциплинарность методологического основания теории пространственного (территориального) развития обусловлена исследованиями зарубежных и отечественных ученых по вопросам социологии управления, философии, социальной географии, экономической социологии. Междисциплинарная функциональность основывается на принципе связности и дополнительности и выступает рабочей гипотезой данной работы [1].

Философское и общенаучное понимание феномена «развитие» отражает закономерности активных, взаимосвязанных изменений, появляющихся противоречий, продуцирующих новое состояние систем [2]. Термины «пространство» и «пространственный» интерпретируются как синонимический ряд категорий «территория» и «территориальный» [3].

Результаты и обсуждение

Э. Дюркгейм, О. Конт, Г. Спенсер обосновывают развитие через эволюционный подход, акцентируя внимание на прогрессе, характеризующемся переходом к более совершенной модели социума. Г. Гегель, Ф. Энгельс связывают развитие с диалектическими противоречиями, присущими социуму и существующими между парами разной определенности (старое/новое; истинное/ложное и т. д.), столкновение которых преодолевает несоответствия и формирует необходимые преобразования, переход от одного состояния в другое, эволюцию через объектив дуализма и саморазвития всего сущего [4].

Н. Кареев отождествляет развитие и прогресс, поэтому трактует социальный эволюционизм как результат комплексного единства изменений природного каркаса, социально-экономических и культурных достижений социума, включая взаимопонима-

ние и сотрудничество между людьми, что в целом обеспечивает рост качества жизни как отдельных индивидов, так и всех членов общества [5]. Идеи Г. Спенсера, Ф. Ницше, Д. Фиске постулируют социальный дарвинизм, объясняя эволюцию борьбой за природные ресурсы и акцентируя внимание на социальном конфликте как движущей силе становления идеального общества. Ряд ученых (Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, Й. Шумпетер и др.) считают, что цивилизация не идет по пути линейного развития и прогресса, а имеет открытый циклический, закономерно повторяющийся характер, сохраняя компоненты исходного состояния и привнося на каждом новом витке инновационные элементы [6].

В самом общем виде диффузия инноваций (возникновение, распространение, накопление, насыщение) в рамках территориальной модернизации определяется и коррелируется с уровнем урбанизации, производства, распределения знаний, социально-культурной и национальной стабильностью. В этом случае излишнее государственное регулирование инновационной деятельностью замедляет естественную рыночную координацию, поэтому государственный контроль эффективен в сфере налоговых льгот, нормотворчества и законодательного закрепления приоритета наукоемких разработок.

Развитие территории как некой пространственно-временной формы организации человеческой жизни предполагает взаимосвязанность и взаимообусловленность ее элементов, их включенность в преобразующие процессы жизненного мира (по Э. Гуссерлю) [7]. Уточняя данные представления, Т. Субботина рассматривает человека в качестве центрального звена «опорного каркаса» территории, связанного с «...деконцентрацией объектов жизни населения, субурбанизацией... оптимизацией информационных телекоммуникационных и транспортных систем» [8]. Об этом же пишет С. Пирогов: «Привлекательность территории определяется не только инфраструктурой, строительством жилья, уровнем доходов, но и представлениями людей о возможностях личностного роста и социально-психологического комфорта, степенью персональной безопасности и др.» [9]. Следовательно, ориентированность только на экономическую эффективность становится преградой развития территории и предписывает делать ставку на зонирование особых участков с последующим объединением разных производственных резидентов (от нефтеперерабатывающих предприятий до местных креативных индустрий). Движение по пути прогресса видится на основе межотраслевого баланса, учета индекса человеческого развития (ИЧР), социального фактора и оптимального управления территорией.

Априорное значение имеют обе стороны развития: постепенность, поступательность (эволюция) и скачок (революция). Этот вектор может быть прогрессивным, то есть убирающим разногласия и противоречия между членами общества, и регрессивным, означающим деградацию, закрепление отсталости. Прогрессивное развитие — это усложнение системы и замена простых элементов на сложные и высокоорганизованные. Регресс (инволюция), напротив, — стагнация и потеря важных общественных функций, отсутствие сбалансированного поступательного движения. Принципиальным признаком развития выступает самодвижение, когда некий источник активности располагается внутри системы и является имманентным процессом преодоления противоре-

чий, видимых на уровне замещения существующих архаичных элементов принципиально новыми компонентами.

География становится оператором онтологических категорий при условии включения в анализ общественных практик вопросов социальной политики государства. Географический детерминизм Г. Бокля, И. Гердера, Ш. Монтескье и др. трактует процесс развития как результат действия природных сил, так как климатические изменения, разнообразие флоры и фауны, другие естественные факторы определяют его основной характер. Среди них эндогенные параметры, связанные с ростом инновационных технологий, наличием определенного количества занятых на региональных производствах, имеющих необходимые знания и компетенции. Ученые подчеркивают, что примат знаний эффективен в передовых странах, а на территориях догоняющего развития с низким уровнем доходов на душу населения актуальны количественные показатели: многочисленность рабочей силы, внерыночное регулирование, доминирование государства и т. д. Только по истечении определенного времени важными становятся научные исследования, инновационные знания, интеллектуальные системы и т. д. [10]. Характеристику эндогенных и экзогенных факторов анализирует К. Боулдинг, доказывая уязвимость расширения территории, которая чревата утратой контроля в связи с демографическими и логистическими проблемами [11].

Следовательно, идеи ученых-географов постулируют синтез различных характеристик функционирования территории, выделяя для картирования мест особые доминантные свойства, среди которых социально-демографические и миграционные параметры, поведенческие, религиозные и ментальные характеристики населения. Анализ позволяет констатировать междисциплинарную парадигму фреймирования, объясняющую «развитие территории» через конструкт позитивных изменений, в основе которых находятся различные показатели: качество жизни населения (ИЧР), ресурсный потенциал региона, его социально-экономические, природные и географические особенности.

В классической политэкономии утверждается, что в ходе исторической человеческой деятельности концентрация труда и его разделение осуществляются на небольших по размеру формирующихся участках. Так, А. Смит пишет: «...значительное увеличение количества работы, которое может выполнить в результате разделения труда одно и то же число рабочих, зависит от трех различных условий: во-первых, от увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от экономии времени, которое обыкновенно теряется на переход от одного вида труда к другому; и, наконец, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких» [12].

Дж. М. Кейнс полагает, что экономическое развитие — это в первую очередь рост производства и доходов, увеличение рабочих мест и занятости, что влечет за собой отраслевую конкуренцию, специализацию производств и разделение труда [13]. Дж. Фридман указывает на то, что в границах «центр — периферия» обновление всегда начинается на передовых участках, постепенно распространяясь на остальные географические области [14]. Аналогичные идеи представлены Д. Рикардо, освещающего абсолютные/относительные преимущества с точки зрения «точек роста», которыми в разное время становятся торговля, строительство, машиностроение, сфера услуг или дру-

гие отрасли, определяющие в конкретно-исторический момент экономическую эффективность данной местности. В трудах отечественных ученых (С. Валентей, А. Гранберг, Л. Лимонов и др.) концептуализируются проблемы формирования эволюционных точек геоэкономического роста и социального развития российских территорий. Ю. Дроздова, П. Минакир, А. Татаркин и др. во главу угла ставят информационное и материальное обеспечение региона, рассматривая этот принцип с точки зрения какого-то главного системообразующего фактора [15]. А. Субетто, С. Полумиенко, Л. Рыбаков репрезентируют идеи неоднородности и многофункциональности пространства, акцентируя внимание на моделировании информационно-коммуникативных потоков, учете геоландшафтной специфики, выступающих интеграционной силой положительной динамики региональных преобразований [16].

Корректным остается тезис об исторически сложившейся специализации и ведущей экспортирующей отрасли, при которой из региона вывозится хорошо продаваемый продукт или природные ресурсы. В этом случае растет зависимость от конъюнктурного внешнего спроса. При этом необходимо учитывать, что чем меньше регион, тем меньше у него перспектив для диверсификации производства и возможностей для формирования символических ресурсов, престижа места, геобрендинга, использования коммуникативно-информационных ресурсов.

Таким образом, экономическая парадигма строится на целостном подходе к развитию территории, интегрируя в едином процессе социальные, экологические, ресурсные и производственные элементы. Акцент делается на современные инновации, содействующие росту конкурентоспособности, устойчивости пространственных экономических трансформаций.

Социологические теории территориально-пространственных структур опираются на идею Э. Гидденса о локализации мест как «способов структуриации и пространственно-временной упорядоченности в рамках глобальных социальных систем» [17]. Т. Парсонс, анализируя общество с социально-экономических и политических позиций, обращает внимание на нормативный порядок, который реализуется только в границах некоторой территории (territorial area) [18]. Е. Амница, Н. Зубаревич, Ю. Лаврикова считают, что на одной территории могут существовать не одна, а несколько социально-экономических пространств, имеющих финансовую, производственную, аграрную или иную специализацию [19]. Б. Большаков, О. Кузнецов, П. Кузнецов отмечают важнейший результат функционирования пространства — устойчивость развития, предполагающего комфортность проживания жителей, целостность их мировоззренческих ориентаций, социально-культурную стабильность, бережное отношение к среде обитания и т. д. [20].

Рассмотрение проблем кластеризации территории характерно для трудов Р. Блэшфилда, М. Вонга, Л. Краснова Л. С. Макара и др. Они считают, что кластер — это результат общественного развития с решающей ролью управленческих механизмов, так как данное предсистемное состояние взаимосвязанных компонентов общества характеризуется нестабильностью и чревато распадом без «продуманной системы управленческих воздействий» [21]. С. Макара, выделяя основные атрибутивные характеристики кластеров (концентрация, конкуренция, кооперация), отмечает наличие в них ло-

кальных эффективных производств, асимметричных социально-экономических отношений, необходимых для развития «полюсов роста» [22].

Такая урбанизированная форма расселения, как агломерация, возникает благодаря интенсивным связям мест компактного проживания людей и контактированию населенных пунктов, хозяйствующих акторов, в целом активизирующих конкурентные, демографические, технологические, образовательные и другие факторы. Недостатком становления такой структуры является социально-экономический разрыв между небольшими городами и мегаполисами, а также усиление проблем инфраструктурного обеспечения территории [23]. Тем не менее кластерный и агломерационный принципы структурирования пространств являются действенными для решения социальных вопросов, так как в этом случае присутствует некая локальная концентрация и дифференциация на основе единства управленческих стратегических решений относительно функционирования социальной сферы на подведомственной территории. Также возрастает роль институциональных районообразующих факторов, к которым О. Тюрбеев относит социально-демографические институты, регламентирующие динамику изменений численности жителей, вопросы миграции и расселения и всю социокультурную подсистему, представленную национальным составом населения, моральными нормами и ценностями, а также религиозными традициями и народными обычаями. Важную роль в данной модели играют институты информационно-коммуникативного направления, формирующие связь между всеми подсистемами: гражданское общество, законодательная власть, управленческие структуры всех уровней и т. д. Немаловажное влияние на развитие территории оказывают социальные институты, формирующие оптимальное функционирование природно-ресурсного и экономического потенциала региона [24].

Генезис теорий управления территориями исследуется в рамках основополагающих парадигм зарубежной и отечественной науки: рациональной бюрократии М. Вебера, единства управления А. Файоля; институционализма Д. Норта и др. Т. Парсонс рассматривает политическую силу (легитимное насилие) в контексте определенной территории и пишет, что «организация управления на территории является важным моментом системы политического влияния» [18]. А. Овчаров, Т. Овчарова считают, что социальная пространственная подсистема в границах управления является важным звеном и включает в себя этнические, национальные и классовые формы взаимодействия, а также устанавливаемые связи и пересечения между общностями, группами и отдельными индивидами. В целом социальная подсистема имеет «аксиологическую установку на человека как на цель общественного развития и главную функцию социального управления — интегративную». Авторы отмечают важные факторы такого развития — институциональное доверие, создающее базу для принятия управленческих решений в социальной сфере (регулирование миграционных потоков, минимизация публичных рисков, рост качества и доступности медицинских услуг и пр.), в целом комплексное совершенствование социальной инфраструктуры [25].

В этом случае актуализируется процесс согласованности интересов всех территориальных субъектов, повышается роль вовлеченности жителей в принятие решений, касающихся улучшения условий их проживания, и, как следствие, растет значимость управления социальной сферой, формирующейся в виде интегрированной структуры,

функционирующей на разных иерархических уровнях. Наряду с этим учитываются другие показатели, связанные с планированием значимых критериев успешности территории, стратегическим целеполаганием, оценкой эффективности социального управления и т. д.

Эволюция социологической мысли позволяет включать в поле социального управления вопросы общественной транзитивности в контексте основных тенденций нелинейного развития регионов как самоорганизующихся и саморазвивающихся сложных систем, позволяющих в прямое госрегулирование включать не только центральные, но и периферийные территории, что облегчает задачу освоения пустотных районов. В этой связи вопросы местного самоуправления находятся в поле внимания М. Белоножки, С. Киричука, А. Радченко, А. Плахонина, В. Федосеевой и др. [26].

Таким образом, системный и комплексный подход к управлению пространственной организацией включает все аспекты развития, при котором территория рассматривается не как объект администрирования с неким набором агрегатных функций, но как целостная система, где наиболее важными становятся вопросы формирования законодательно-нормативной базы, управленческие решения (планирование, мотивация, контроль, целеполагание) и информационно-коммуникативные технологии. Особое место в иерархической системе управления занимает государство, значимость исходящих решений от которого предопределяется основным законом (конституцией) и различными регламентирующими деятельность нормативно-правовыми актами. Государственное управление как часть социального управления характеризуется тем, что оно призвано поддерживать единство, целостность и устойчивость функционирования общества. Фактически любая подготовка и последующая реализация управленческих решений государственного уровня нацелены на благоприятные изменения социума, позитивные сдвиги в протекающих в нем процессах.

А. Гранберг рассматривает несколько моделей управления регионом. «Квазимодель» предполагает регулирование социально-экономических процессов и установление благоприятного сотрудничества всех ветвей власти, находящихся на разноуровневых позициях. В основе трактовки региона как квазикорпорации идея нахождения на территории крупного самостоятельного субъекта собственности, существенно влияющего на развитие территории, ее доходов, распределение рабочих мест, налогообложение и т. д. Рыночная парадигма рассчитана на поддержку предпринимательства и развитие локальных бизнес-структур. Оптимизация управления в этих случаях требует сочетания государственного и рыночного саморегулирования, общественного контроля и участия граждан в принятии решений. Конвергенция всего перечисленного гарантирует, по мнению ученого, преодоление негативных последствий частнопредпринимательской деятельности, обеспечивает соблюдение крупным бизнесом принципов социальной ответственности. Все это определяет современный тренд на развитие региона как социума, то есть совокупности людей, живущих на одной территории с развитой экономикой и социальной инфраструктурой (образование, здравоохранение, культура, экология) [27].

В. Каганский изучает ряд управленческих парадигм территориального функционирования, базирующихся на стратегическом целеполагании, формализованном плани-

ровании производственных циклов, обоснованных на экономических и социальных индикаторах. Так, семиотическая парадигма объясняет способ создания пространственных систем через регулирование процедур районирования. Методологическая база этой парадигмы — картирование посредством тщательной разработки социальной политики территории, где решающее значение придается полноте информации, визуально-символическим решениям. Онтологический подход сосредоточен на непосредственном изучении и координировании территориальных систем. Концепт строится исходя из самого процесса принятия управленческих решений, отражающего сущность исторических и текущих знаний о территории. Ментальная парадигма чаще всего вносит ясность в проблему идентичности национального регионализма, выделяя ее как наиболее значимую в структуре культурно-этнических концепций. При опоре на социально-конструктивную парадигму управленцами разрабатываются и проводятся изменения с использованием методов социальной инженерии. К ним относятся административное деление, кластеризация, установление рекреационных зон, символов и кодов и т. д. Интеграционный подход охватывает весь спектр и все виды территориальной управленческой деятельности [28].

С точки зрения социологии управления важна опора на процедуры регламентирования и регулирования комплексной архитектуры отраслевых конкурентоспособных предприятий, производящих значимые для общественного развития продукты и услуги, сформированный сектор инфраструктурных производств, выстраиваемых под эгидой единой управленческой системы. Благодаря ей аккумулируются смешанные инвестиции (частно-государственное партнерство), рационально используется ресурсный потенциал региона в целом, формируются благоприятные условия для его развития.

Социологический подход к проблеме адаптивного управления территорией основывается на методологии синтеза параметров «подстройки» стратегий ее развития, исходя из актуальной повестки. В любом случае главенствующим принципом остаются комплексность и многоаспектность, сочетающие геопланирование, долгосрочность трендов, воздействие внешних факторов и т. д. Все это призвано обеспечить подлинный, а не декларативный вектор развития территории в пределах эффективной системы кластеров (макрорегионов), располагающих «точками роста», инвестициями, рабочими местами, эффективными производствами, функционирующими в условиях вызовов антропо-техногенной эволюции.

Квалифицированные управленческие решения табуируют нездоровую конкуренцию отдельных территорий между собой за объемы финансирования вместо нацеленности на итоговые показатели и социально-экономическую результативность. Согласование интересов и управленческая поддержка способствуют общей оптимизации бизнес-среды, созданию рыночных стимулов и соответствующих институтов, а также специализации и разделению труда, усложнению и повышению эффективности всех внутритерриториальных процессов, их дифференциации/интеграции и т. д.

Эффективная управленческая парадигма формирует условия для устранения неравномерности производственных и дислокационных процессов, вызванных вариативностью распределения плотности населения, уровнем развития бизнеса и его экономической отдачей, а также естественными показателями, такими как климат, состояние

флоры и фауны, транспортная доступность и т. д. Благодаря государственному регулированию активизируется производственная специализация и дифференциация, реализуются программы диверсификации производства и инвестиционного проектирования. Трансформации осуществляются во временных отрезках и в контексте сложных изменений, с учетом взаимозависимостей, затрагивающих все социально-природные и социально-экономические системы, которые нередко порождают серьезные экологические и общественные проблемы. Все это требует активизировать поиски соединения экологических, технологических, логистических и воспроизводственных процессов в масштабах сложившейся системы разделения труда конкретных предприятий различных форм собственности и организационно-правового статуса, производящих определенную продукцию, характерную для данной природно-климатической зоны.

Управление реализуется по внешнему треку (подчинение структурам федерального значения) и внутреннему, то есть осуществляется непосредственное регулирование всей системы жизнедеятельности территории. Здесь функции местного самоуправления связаны с принятием самостоятельных решений по устранению проблем проживающего населения, сохранению региональной специфики, соблюдению взаимовыгодного баланса интересов между центром и периферией, предотвращению сепаратизма, что напрямую коррелирует с повышением уровня жизни и ростом показателей благополучия проживающего населения. С точки зрения целостного развития территории все управленческие цели и задачи трансформируются в многоуровневую систему разного рода индикаторов социальной и экономической сферы. Большое значение придается перестройке мышления руководителей, их ориентации на территориальное, а не узкоотраслевое развитие, что также повышает системность всего комплекса среды обитания (социальная сфера, экономика, духовность, культура, коммуникации).

Из вышеизложенного следует, что многие исследователи связывают социально-экономическое благополучие отдельных территорий с наличием людских, природных и материальных ресурсов, рациональной системой разделения труда, обоснованностью расселения, соответствующей инфраструктурой и другими ключевыми элементами системы, размещенными на локальных участках, в том числе кластерах или агломерациях, являющихся разновидностью интегрированных территориальных образований. Устойчивость территории как единого социально-экономического организма детерминруется не только наличием производств, встроенных в систему разделения труда, но и эффективным, инновационно-творческим отношением к использованию ресурсов, востребованных на региональном, федеральном и международном уровнях, а также специализацией профильных знаний, учете управленческого и человеческого фактора.

Успех освоения территории также зависит от предпринимательской активности, эффективной системы управления, деятельности институтов, влияющих на рост материального, социально-экономического и человеческого потенциала, бережно используемого в рамках комплексного подхода, означающего концентрацию усилий по всем направлениям: экономика, политика, социальная сфера, управление, инфраструктурная и экологическая политика. Эффективное пространственное (территориальное) развитие невозможно осуществить без системного подхода, предполагающего высокую производственную и социальную мобильность, накопление и распространение информации и

знаний, внедрение адаптивных механизмов управления. Из чего следует, что в интересах развития территории участники инициализируют соглашения, устанавливают связи, образуя социально-экономическую систему, представляющую собой совокупность рыночно-коммерческих производств, информационно-коммуникативных отношений, технологических решений и надлежащей управленческой деятельности.

Использование принципа многоуровневого управления (федеративное/региональное/местное) обеспечивает интегральный подход в решении конкретных вопросов, учет особенностей, преемственность и сохранность традиций территории. В этом случае пространство рассматривается как полифункциональная система, имеющая различные центры субъектности, равновесность которых во многом определяется своевременной подготовкой и реализацией соответствующих управленческих решений. Небезосновательно большая роль уделяется информационно-коммуникативным, технологическим аспектам и проектному управлению, учитывающему нестабильность внешней и внутренней среды подконтрольной территории.

Выводы

Таким образом, управление территорией носит многоаспектный и комплексный характер и в научных трудах отечественных и зарубежных ученых рассматривается как специально организованная целенаправленная деятельность, упорядоченная во времени и пространстве, учитывающая закономерности и объективные законы, ориентированные на прогресс и эффективное функционирование. При принятии управленческих решений принимаются во внимание природно-климатическая специфика, конкурентные преимущества региона в виде успешных отраслей, технических и технологических инноваций, а также высокие стандарты социального обеспечения и в целом приоритетное внимание к человеку, росту ИЧР. Субъектом управления являются социальные институты, представленные системой законодательной и исполнительной власти всех уровней и территориальной иерархии. Их функционирование строится на общности долгосрочных целей, интегрированности стратегий, пропорциональности и сбалансированности всех видов деятельности, оптимальном сочетании координации, централизации/децентрализации, оптимизации прогнозирования и контроля использования ресурсов.

Механизмами социального управления развития территории выступают структуры социальных институтов, формирующиеся на постоянной основе, определяющие цели и задачи развития территории, что обеспечивает комплексный рост ее потенциала. Анализ современных социально-экономических концепций демонстрирует актуальность теоретического обоснования сбалансированности методологических подходов к проблеме территориального развития. Отличительный признак изучаемой дефиниции — междисциплинарная интеграция научных исследований по данной тематике.

Список источников

- [1] Дубровских, А. А. Классическая логика снятия и неклассическая логика дополненности / А. А. Дубровских. — Текст : непосредственный // Исторические, фило-

- софские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 9–2 (59). – 2015. – С. 72–75.
- [2] Бородин, В. В. Проблемы отрицания и развитие / В. В. Бородин ; АН СССР, Ин-т философии. – Москва : Наука, 1991. – 181 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Социально-экономическая география : понятия и термины : словарь-справочник / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. А. П. Горкин. – Смоленск : Ойкумена, 2013. – 328 с. – Текст : непосредственный.
- [4] Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель ; перевод с немецкого. – Москва : Мысль, 1974. – Перевод изд.: *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Erster Theil. Die Logik* / Georg Wilhelm Friedrich Hegel, 1840. – 452 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Кареев, Н. Н. Историология. Теория исторического процесса / Н. Н. Кареев. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 328 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер ; перевод с немецкого В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко, перевод с английского В. С. Автономова. – Москва : Эксмо, 2007. – 864 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Минск, Москва : Харвест : АСТ, 2000. – 752 с. – Текст : непосредственный.
- [8] Субботина, Т. В. Гносеологический и онтологический аспекты территориальных природно-общественных систем / Т. В. Субботина. – DOI 10.17072/2079-7877-2017-2-31-42. – Текст : непосредственный // Географический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 31–42.
- [9] Пирогов, С. В. Концептуальные модели управления развитием города / С. В. Пирогов. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1 (17). – С. 114–128.
- [10] Romer, P. M. Increasing Returns and Long-Run Growth / P. M. Romer. – DOI 10.1086/261420. – Direct text // *Journal of Political Economy*. – 1986. – Vol. 94, Issue 5. – P. 1002–1037.
- [11] Боулдинг, К. Э. Экономическая наука и социальные системы / К. Э. Боулдинг // Панорама экономической мысли конца XX столетия : в 2 т. / Перевод с английского, под редакцией В. С. Автономова, С. А. Афонцева. – Санкт-Петербург : Экономическая школа. – С. 907–927. – Текст : непосредственный.
- [12] Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит ; перевод с английского. – Москва : Эксмо, 2009. – 957 с. – Перевод изд.: *Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations* *Classics of Political Economy* / Adam Smith, 1863. – Текст : непосредственный.
- [13] Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс ; перевод с английского. – Москва : Гелиос АРВ, 2012. – 204 с. Перевод изд.: *The general theory of employment, interest and money* / John Maynard Keynes, 1936. – Текст : непосредственный.

- [14] Фридман, М. Свобода выбирать : наша позиция / М. Фридман, Р. Фридман ; перевод с английского Т. Югай. – Москва : Новое издательство, 2007. – 356 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). – Перевод изд.: Free Choose : A Personal Statement / Milton Friedman, Rose Friedman. New York, 1980. – Текст : непосредственный.
- [15] Дроздова, Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей / Ю. А. Дроздова. – DOI 10.19181/vis.2019.28.1.557. – Текст : непосредственный // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10, № 1 – С. 82–103.
- [16] Субетто, А. И. Системогенетическая парадигма теории времени и пространства : монография / А. И. Субетто. – Санкт-Петербург: Астерион, 2016. – 60 с. – Текст : непосредственный.
- [17] Гидденс, Э. Устроение общества : очерки теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – Москва : Академический проект, 2005. – 528 с. – Текст : непосредственный.
- [18] Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2002. – 832 с. – Текст : непосредственный.
- [19] Зубаревич, Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала / Н. В. Зубаревич. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 5–19.
- [20] Кузнецов, О. Л. Система природа — общество — человек : устойчивое развитие / О. Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов, Б. Е. Большаков ; Гос. науч. центр Рос. Федерации ВНИИГеосистем, Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна». – Москва ; Дубна : Ноосфера, 2000. – 390 с. – Текст : непосредственный.
- [21] Краснова, Л. В. Социальная кластеризация как поле групповой сопричастности / Л. В. Краснова. – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. – № 3–1 (43). – 2006. – С. 229–234.
- [22] Макар, С. В. Пространственные структуры агломерационного типа : кластеры / С. В. Макар. – Текст : непосредственный // Внеэкономические факторы пространственного развития. Сборник статей / Отв. ред. В. Н. Стрелецкий. – Москва : Эслан. – 2015. – С. 189–198.
- [23] Лаппо, Г. М. География городов / Г. М. Лаппо. – Москва : Владос. – 1997. – 480 с. – Текст : непосредственный.
- [24] Тюрбеев, О. Г. Институциональные факторы развития региона (на примере республики Калмыкия) / О. Г. Тюрбеев. – Текст : непосредственный // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 8 – С. 232–237.
- [25] Овчаров, А. О. Комплексная парадигма социального управления / А. О. Овчаров, Т. Н. Овчарова. – Текст : непосредственный // Политика и Общество. – 2017. – № 8. – С. 130–143.
- [26] Киричук, С. М. Субъекты местного самоуправления в России / С. М. Киричук, М. Л. Белоножко. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2011. – № 4. – С. 21–23.
- [27] Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов / А. Г. Гранберг; государственный университет «Высшая школа экономики». – 3-е изд. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 494. – Текст : непосредственный.

- [28] Каганский, В. Л. Основные практики и парадигмы районирования / В. Л. Каганский. – Текст : непосредственный // Региональные исследования. – 2003. – № 1 (2). – С. 17–30.

References

- [1] Dubrovskikh, A. A. (2015). Classical logic of removal and non-classical logic of complementarity. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, (9-2(59)), pp. 72-75. (In Russian).
- [2] Borodkin, V. V. (1991). Problemy otritsaniya i razvitie. Moscow, Nauka Publ., 181 p. (In Russian).
- [3] Gorkin, A. P. (2013). Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy: slovar'-spravochnik. Smolensk, Oykumena Publ., 328 p. (In Russian).
- [4] Hegel, G. W. F. (1840). Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Erster Theil. Die Logik. (In German).
- [5] Kareev, N. N. (2011). Istoriologiya. Teoriya istoricheskogo protsessa. Moscow, LIBRO-KOM Publ., 328 p. (In Russian).
- [6] Shumpeter, J. A. (2003). Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Capitalism, socialism and democracy. (In German).
- [7] Husserl, E. (2000). Logical research. Cartesian reflections The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a strict science. Minsk, Moscow, AST Publ., pp. 290-323. (In Russian).
- [8] Subbotina, T. V. (2017). Gnoseological and ontological aspects of territorial natural-social systems. Geographical bulletin, (2(41)), pp. 31-42. (In Russian). DOI: 10.17072/2079-7877-2017-2-31-42
- [9] Pirogov, S. V. (2012). Conceptual models of management development of the city. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, (1(17)), pp. 114-128. (In Russian).
- [10] Romer, P. M. (1986). Increasing Returns and Long-Run Growth. Journal of Political Economy, 94(5), pp. 1002-1037. (In English). DOI: 10.1086/261420
- [11] Boulding, K. E. (2002). Economic science and social systems. Panorama of economic thought at the end of the 20th century: in 2 volumes. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., pp. 907-927. (In Russian).
- [12] Smit, A. (1863). Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations Classics of Political Economy. (In English).
- [13] Keynes, J. M. (1936). The general theory of employment, interest and money. London, Palgrave Macmillan, 472 p. (In Russian).
- [14] Fridman, M., & Fridman, R. (1980). Free Choose: A Personal Statement. New York. (In English).
- [15] Drozdova, Yu. A. (2019). Resource approach in studying territorial communities. Bulletin of the Institute of Sociology, 10(1), pp. 82-103. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557
- [16] Subetto, A. I. (2016). Sistemogeneticheskaya paradigma teorii vremeni i prostranstva. St. Petersburg, Asterion Publ., 60 p. (In Russian).

- [17] Giddens, E. (2005). *Ustroenie obshchestva: ocherki teorii strukturatsii*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 528 p. (In Russian).
- [18] Parsons, T. (2002). *O sotsial'nykh sistemakh*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 832 p.
- [19] Zubarevitch, N. V. (2010). Cities as centers of modernization of economy and human capital. *Social Science and Contemporary World*, (5), pp. 5-19. (In Russian).
- [20] Kuznetsov, O. L., Kuznetsov, P. G., & Bol'shakov, B. E. (2000). *Sistema priroda - obshchestvo - chelovek: ustoychivoe razvitie*. Moskva, Dubna, Noosfera Publ., 390 p. (In Russian).
- [21] Krasnova, L. V. (2006). Social clustering as a field of communal co-participation. *Tambov University Review: Series Humanities*, (3-1(43)), pp. 229-234. (In Russian).
- [22] Makar, S. V. (2015). *Prostranstvennye struktury aglomeratsionnogo tipa: klastery. Vneekonomicheskie faktory prostranstvennogo razvitiya*. Moscow, Eslan Publ., pp. 189-198. (In Russian).
- [23] Lappo, G. M. (1997). *Geografiya gorodov*. Moscow, Vlados Publ., 480 p. (In Russian).
- [24] Tyurbeyev, O. G. (2018). Institutsional'nye faktory razvitiya regiona (na primere respublik Kalmykiya). *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, (8), pp. 232-237. (In Russian).
- [25] Ovcharov, A. O., & Ovcharova, T. N. (2017). Kompleksnaya paradigma sotsial'nogo upravleniya. *Politika i Obshchestvo*, (8), pp. 130-143. (In Russian).
- [26] Kiritchuk, S. M., & Belonozhko, M. L. (2011). Subjects of local government in Russia. *News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 20-23. (In Russian).
- [27] Granberg, A. G. (2003). *Fundamentals of the regional economy*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 495 p. (In Russian).
- [28] Kaganskiy, V. L. (2003). Osnovnye praktiki i paradigmy rayonirovaniya. *Regional'nye issledovaniya*, (1(2)), pp. 17-30. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 19.05.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 19.05.2022.

УДК 364.658-053.81

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-23-39

К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции

Гарольд Ефимович Зборовский

Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые положения концепции социального благополучия молодежи. Концепция предназначена для ее использования в рамках междисциплинарного исследования, осуществляемого в ХМАО — Югре. Ключевые положения концепции: 1) понятие социального благополучия, в том числе социального благополучия молодежи; 2) структура социального благополучия молодежи; 3) факторы социального благополучия молодежи; 4) теоретико-методологическая рамка к исследованию социального благополучия молодежи. В статье осуществлен краткий обзор концепций социального благополучия в зарубежной и отечественной науке. Цель статьи состоит в том, чтобы разработать теоретическую методологию исследования, на основе которой могла бы быть создана эмпирическая методология, а также методика проведения эмпирического исследования таких групп молодежи, как работающая, студенческая молодежь, неработающая и неучащаяся молодежь.

Ключевые слова: структура социального благополучия, факторы социального благополучия, методологическая рамка изучения социального благополучия, молодежь, концепции социального благополучия в зарубежной и отечественной науке

Для цитирования: Зборовский, Г. Е. К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции / Г. Е. Зборовский. — DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-23-39 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2022. — № 2. — С. 23–39.

To the study of social well-being of youth: key provisions of the conception

Garold E. Zborovsky

Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The article discusses the key provisions of the concept of social well-being of youth. The conception is intended for its use in the framework of interdisciplinary research carried out in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra. Key provisions of the conception: 1) the concept of social well-being, including the social well-being of youth; 2) the structure of social well-being of youth; 3) factors of social well-being of youth; 4) theoretical and methodological framework for the study of social well-being of youth. The article provides a brief overview of the conceptions of social well-being in foreign and Russian science. The aim of the article is to develop a theoretical research methodology, on the basis of which an empirical methodology could be created, as well as a methodology for conducting an empirical study of different groups of young people, such as working youth, students, unemployed youth, and non-studying youth.

Keywords: structure of social well-being, factors of social well-being, methodological framework for the study of social well-being, youth, conceptions of social well-being in foreign and Russian science

For citation: Zborovsky, G. E. (2022). To the study of social well-being of youth: key provisions of the conception. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (2), pp. 23-39. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-23-39

Введение

Изучение социального благополучия населения и его отдельных структур является важной теоретической и практической задачей общества. От уровня и качества социального благополучия людей зависят их мироощущение, готовность активно участвовать в социальных, экономических и политических процессах, касающихся как личной, семейной, так и общественной жизни. Ощущение и восприятие существующего благополучия в том или ином регионе, на той или иной территории, в городе или поселке заметно влияет на принятие важных решений в жизни людей. Особенно это касается различных групп молодежи — как работающей, так и учащейся. Динамика их социального благополучия, колебания в его восприятии, удовлетворенность жизнью, учебой, работой, семейно-бытовой и дружеской средой ближайшего окружения, ощущение счастья и радости и многие другие характеристики повседневного бытия — все это проблемы, требующие своего изучения, знания и решения.

Цель статьи состоит в том, чтобы разработать теоретическую методологию исследования, на основе которой могла бы быть создана эмпирическая методология, а также методика проведения эмпирического исследования таких социальных общностей (групп), как работающая, студенческая молодежь, неработающая и неучащаяся молодежь. Цель статьи конкретизирована в следующих задачах: 1) характеристика понятия социального благополучия, в том числе социального благополучия молодежи; 2) рассмотрение структуры социального благополучия молодежи; 3) трактовка факторов социального благополучия молодежи; 4) выявление теоретико-методологической рамки исследования социального благополучия молодежи.

Однако, прежде чем перейти к анализу результатов теоретического исследования, остановимся на кратком обзоре концепций социального благополучия в зарубежной и отечественной науке.

Литературный обзор

Интерес к концептуальному анализу социального благополучия наметился в зарубежных исследованиях, начиная с 1960-х гг., в отечественных — значительно позже, с рубежа XX–XXI вв. Причины такого временного лага следует видеть, по нашему мнению, в существенно различавшихся реальных достижениях, характеризовавших во второй половине прошлого столетия социальное благополучие значительной части населения развитых западных стран, с одной стороны, и Советского Союза (в 1990-е гг. и последующие десятилетия России) — с другой.

Первоначально работы зарубежных авторов в области изучения социального благополучия носили преимущественно экономический и психологический характер, и только спустя некоторое время к ним присоединились социологи. В 1960–1970-е гг. интерес к проблематике благополучия среди зарубежных авторов проявили в экономи-

ческой литературе Р. Истерлин, А. Тверски, Д. Хамармеш и др., в психологической — Н. Бредбёрн, Е. Динер, Д. Канеман, К. Кейес, Р. Лукас, К. Рифф и др. Лишь с конца прошлого столетия к анализу социального благополучия подключились социологи (П. Бурдьё, М. Джекман, Р. Джекман, Д. Трейман, Р. Ходж и др.).

Среди проведенных исследований и появившихся на их основе теорий особо следует охарактеризовать психологическую концепцию благополучия К. Рифф (США). Она выделила целый ряд компонентов позитивного психологического функционирования личности как основы ее благополучия: хорошее самочувствие, наличие цели в жизни, способность эффективно управлять своей жизнью и окружающим миром, позитивные отношения с другими людьми, чувство самоопределения, чувство постоянного собственного роста и развития себя как личности [1]. Несмотря на использование, прежде всего, психологического подхода к исследованию благополучия, названная концепция оказала немалое влияние на последующее развитие исследований в названной предметной области.

Что касается отечественных исследователей, то большой разницы во времени между их экономическими, психологическими и социологическими работами не было. Научная деятельность российских авторов в рамках указанной проблемы началась лишь с конца 1990-х гг., а по-настоящему раскрылась в XXI в., причем во втором десятилетии более активно, чем в первом. Возникшие кризисные явления экономического, социального, эпидемиологического характера в последние годы обострили интерес к проблематике социального благополучия населения, в особенности молодежи.

Среди отечественных исследователей социального благополучия следует отметить таких авторов, как Н. А. Батулин, С. А. Башкатов, Л. А. Беляева, Г. Л. Воронин, М. К. Горшков, Н. В. Гоффе, Г. В. Градосельская, Е. В. Давыдова, С. А. Дукарт, Ю. Б. Епихина, В. П. Засыпкин, Г. Е. Зборовский, Т. С. Карабчук, О. А. Кислицына, Н. Д. Коленникова, Е. Ю. Костина, А. В. Кученкова, А. С. Лысухо, Г. А. Монусова, Е. В. Новгородова, М. С. Петренко, Е. А. Попов, Г. В. Разинский, П. Е. Сушко, Н. Е. Тихонова, Ж. Т. Тощенко, М. Ф. Черныш, Ф. Э. Шереги, В. А. Шилова, Е. А. Шуклина и др.

Поскольку речь идет о кратком обзоре концепций социального благополучия в зарубежной и отечественной социологии, отметим, что с подробным анализом зарубежных исследований социального благополучия можно ознакомиться в работе [2], с характеристикой отечественных работ по указанной проблеме — в работе [3]. Рассмотрение важных трактовок зарубежных и отечественных исследований социального благополучия на стыке экономики, психологии, культурологии, этики представлено в работе [4].

Отмечая наличие многих эмпирических исследований по проблематике социального благополучия и смежных с ней тем, а также написанных по их материалам большого количества статей, мы вместе с тем подчеркиваем отсутствие монографических работ по названной проблематике и, соответственно, научную и практическую необходимость их появления.

Нельзя не отметить значительного влияния на отечественных исследователей социального благополучия (и экономистов, и психологов, и социологов) зарубежных

разработок индексов его характеристики и измерения. В своих работах о человеческом развитии и социальном благополучии людей международные авторы используют несколько индексов измерения.

- Индекс развития человеческого потенциала ООН (Human Development Index — HDI), включающий суммарные измерения человеческого развития.
- Индекс лучшей жизни (OECD Better Life Index), учитывающий жилищные условия, доход, работу, образование, здоровье, гражданские права, безопасность и пр.
- Глобальный индекс благополучия (Gallup-Healthways), включающий пять основных аспектов (успех, социальное, финансовое, физическое и общественное благополучие) и измеряемый по пятибалльной шкале.
- Всемирный индекс счастья (Happy Planet Index — HPI), основные компоненты которого: ожидаемая продолжительность жизни, опыт благополучия и экологический след.
- Индекс процветания (Prosperity Index), вычисляемый на основе 89 различных показателей, которые отбираются путем анализа 8 аспектов (экономика, бизнес, управление, образование, здоровье, безопасность, личные свободы, социальный капитал).
- Индекс социального прогресса (Social Progress Index), выделяющий три аспекта благополучия (основные потребности человека, основы благополучия и возможности).
- Национальные расчеты благополучия (National accounts of well-being), в котором выделяют индивидуальное благополучие (эмоциональное благополучие, удовлетворенность жизнью, жизненная энергия, жизнестойкость и самооценка, позитивное доверие и принадлежность) [5].

В связи с наличием большого количества публикаций, в которых анализируются результаты эмпирических исследований социального благополучия с учетом использования различных индексов социальных измерений, возникает необходимость сравнения этих результатов. При этом главным становится обнаружение тенденций, которые выявляются в процессах такого сравнения, это задача специального теоретико-эмпирического исследования.

Материалы и методы исследования

Статья написана на основе вторичного анализа публикаций, посвященных комплексу вопросов, связанных с изучением социального благополучия в целом, в том числе социального благополучия молодежи и студентов. С целью создания концепции социального благополучия и разработки ее ключевых проблем были использованы материалы его теоретических и эмпирических исследований в отечественной и зарубежной науке. Общее количество публикаций, содержащих результаты таких исследований и использованных при написании статьи, составило свыше 250 работ. Учитывая, что исследование социального благополучия молодежи задумано как междисциплинарное, при работе над статьей авторское внимание было уделено материалам социологического, экономического, психологического, социокультурного характера, а также тем, которые были выполнены в рамках изучения социальной работы.

При подготовке статьи были использованы методы теоретического анализа: индукции, дедукции, обобщения, классификации, типологии, компаративный и др. Особый интерес был проявлен к применению методов анализа статистических данных и к трактовке результатов эмпирических исследований социального благополучия.

Результаты и обсуждение

Понятие социального благополучия, в том числе социального благополучия молодежи
Категориальный анализ социального благополучия предполагает в качестве необходимой предпосылки его терминологическую и лингвистическую характеристику. Это особенно важно отметить, потому что в литературе, особенно научно-популярной, в СМИ, социальных сетях социальное благополучие часто отождествляется с сопряженными с ним понятиями социального самочувствия, социальной безопасности, благосостояния, благополучной и стабильной жизни, счастья, удовлетворенности жизнью, ее качеством и др. [6–15].

Академический «Словарь русского языка» определяет благополучие как «спокойное, без каких-либо нарушений течение дел, жизни». В качестве «рядоположенных» используются слова «счастье», «довольство, обеспеченность». По мнению авторов «Словаря», «благополучный» — это «сопровождаемый успехом, удачный», «живущий вполне спокойно, без каких-либо неприятностей», «находящийся в состоянии благополучия» [16].

Единого, общепринятого или хотя бы широко распространенного определения социального благополучия научная литература не предлагает. Его отсутствие обусловлено наличием разных критериев и методологических подходов к трактовке этого понятия. Многое в его интерпретации зависит и от того, в рамках какой науки рассматривается социальное благополучие. Чаще и больше всего оно изучается в теории социальной работы, в экономической и социологической науках.

В теории социальной работы социальное благополучие характеризуется как интегральный показатель эффективности функционирования социальной сферы, отражение социального самочувствия, уровня благосостояния, качества жизни населения, индикатор социальной безопасности общественной системы в целом. Характеристики экономического роста, причем именно те, которые конкретизируются через показатели социального благополучия населения, являются предметом анализа в экономической науке.

В рамках социологической науки мы предлагаем рассматривать социальное благополучие как интегральный феномен, отражающий взаимосвязь объективных и субъективных характеристик положения в обществе его различных субъектов. Вопрос в том, кто рассматривается в качестве субъекта социального благополучия. Социальное благополучие — это общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей (его субъектов), в которых они удовлетворяют свои потребности и интересы, реализуют социальные ожидания и жизненные планы. С позиций социологии социальное благополучие выступает как интегральный показатель баланса социального статуса субъекта жизнедеятельности с его субъективными харак-

теристиками (потребностями, интересами, ценностными ориентациями, мотивацией поведения) и возможностями их удовлетворения.

Обратим внимание на значение слов «социальное» и «благополучие», образующих используемый термин, причем как порознь, так и вместе, в единстве. «Социальное» подчеркивает особый, общественный аспект термина «благополучие», в то время как в отдельных науках, например в психологии, речь идет просто о благополучии, имеется в виду отдельного человека, личности. Что касается самого благополучия, то в основе его лежит позитивный смысл, означающий, по сути, получение и наличие полученных благ. Источниками благ могут быть как общество (его социальные структуры), так и отдельные люди (группы людей). Конечно, можно говорить и о социальном благополучии, но в этом случае меняется смысл самой конструкции, приобретающей тогда уже изначально негативную направленность.

Несмотря на заявленный междисциплинарный подход к трактовке социального благополучия, определяющую роль в нем, по нашему мнению, будет играть социологическая трактовка самого феномена и его понятия. Такая позиция обусловлена спецификой социологической науки, одной из ее основных функций — обобщением социального знания. С учетом этого обстоятельства рассмотрим некоторые критерии, используемые нами для анализа и феномена, а также самого понятия социального благополучия.

Важным критерием определения социального благополучия является объект-субъектный. В соответствии с ним для одних авторов социальное благополучие выступает как объективный феномен, для других — как субъективный, для третьих — как синтез объективного и субъективного. Одни пишут, что «социальное благополучие можно охарактеризовать как объективное общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания» [17]. Другие полагают, что «благополучие — оценочное понятие, и поэтому в значительной степени субъективное. Следовательно, и рассматривать его надо на основе субъективного подхода» [4]. Что касается «совмещения» объективного и субъективного в трактовке социального благополучия, то примером такого подхода может служить позиция третьих: «Социальное благополучие рассматривается как интегральное понятие, в основе которого лежит система взаимосвязанных элементов, отражающих разные аспекты окружающей человека действительности. ...Субъективная картина, субъективная оценка социального благополучия значит для индивида не меньше, если не больше, чем объективная» [2].

Последние из цитированных авторов связывают субъективный аспект социального благополучия с определенным его субъектом — индивидом. Это очень важно отметить, поскольку трактовка социального благополучия общества в целом, его групп, слоев, социальных общностей не может ограничиться лишь восприятием, субъективной картиной, субъективной оценкой. В связи с этим обязательными характеристиками социального благополучия выступают такие объективные показатели социальных субъектов, как их экономическое, демографическое и социокультурное положение.

Вместе с тем в отдельных работах [2] подчеркивается наличие расхождений между субъективными представлениями индивидов о параметрах благополучия и его

объективными статистическими оценками. Их авторами показывается неадекватность в восприятии общественным мнением реальности социального благополучия. Они полагают, что негативным аспектам повседневной жизни, разнообразным угрозам и рискам придается слишком большое значение, что не соответствует реальному положению вещей. В то же время позитивные моменты жизни недооцениваются. По мнению исследователей, во многом это связано с недостаточной информированностью населения, а также искаженными сведениями, получаемыми из СМИ и других источников (социальных сетей и пр.). Результатом переоценки негативных сторон и недооценки позитивных аспектов могут стать снижение удовлетворенностью жизни и формирование соответствующего поведения людей [2].

Важным подходом к интерпретации социального благополучия является конкретизация объекта изучения. Что является объектом рассмотрения — социальное благополучие общества, региона, города, поселка, села, или речь идет о социальном благополучии отдельных социальных общностей (групп): молодежи, студентов, рабочих предприятий, работников бизнеса и др.? Отвечая на вопрос, подчеркнем, что социальное благополучие нельзя рассматривать как «сумму благополучия» отдельных людей. Оно выступает как особое качественное состояние.

Отвечая на поставленный вопрос, мы полагаем, что объектом исследования может выступать и то, и другое. Все зависит от поставленной задачи. В нашем случае ею является рассмотрение социального благополучия молодежи и составляющих ее групп в возрасте от 17 до 35 лет. Но при этом мы не должны забывать и о месте их пребывания, учебы и работы. В этом отношении социальное благополучие городов, поселков, сел является важным фоновым фактором, также требующим своего осмысления. Неслучайно в стране и в наиболее крупных ее регионах регулярно, по несколько раз в году, проводится конкурс наиболее благополучных городов и поселков с точки зрения проживания в них населения.

В связи со сказанным отметим две методологические особенности исследования социального благополучия. Первая заключается в необходимости учитывать показатели благополучия отдельных социальных групп и общностей, включая социально-профессиональные, образовательные, гендерные, этнические, возрастные. Вторая особенность касается рассмотрения субъективного аспекта благополучия этих групп и общностей, а также противоречий, возникающих между субъективным и объективным его измерением. Именно эти две особенности должны быть учтены в исследовании названных социальных общностей и групп, направленном на восполнение дефицита научного знания об их социальном благополучии.

Мы полагаем, что приоритетным должно стать исследование проблематики социального благополучия российской молодежи, поскольку она является одной из наиболее массовых социальных общностей. В этой связи следует специально подчеркнуть высокий удельный вес молодежи (большой группы людей в возрасте 14 до 35 лет) в ХМАО — Югре.

Согласно статистическим данным на 2021 год, численность молодежи в округе составляла 466 400 человек (округление до сотни), или 27,6 % от численности всего

населения округа (она составляла 1 687 000 человек¹). Возрастная структура молодежи образована следующими группами:

- от 14 до 17 лет — 80 100 человек;
- от 18 до 19 лет — 31 000 человек;
- от 20 до 24 лет — 83 600 человек;
- от 25 до 29 лет — 110 200 человек;
- от 30 до 34 лет — 161 500 человек².

Поскольку молодежь является чрезвычайно дифференцированной и структурированной по многим критериям (демографическим, образовательным, профессиональным, этническим и др.) социальной общностью, возникает необходимость конкретизации объектов исследования в составе молодежи. Таковыми являются для нас две общности студентов, получающих среднее профессиональное и высшее образование: работающая и неработающая (а также неучащаяся) молодежь. Социальное благополучие именно этих категорий молодежи является конкретным объектом нашего исследования.

Говоря о предмете исследования социального благополучия молодежи, мы считаем необходимым выделять и анализировать порознь и во взаимосвязи его предметные зоны. Эти зоны охватывают как объективные, так и субъективные стороны социального благополучия молодежи, и касаются труда, профессиональной деятельности, образования, учебы, здоровья, быта, досуга, семейной жизни, социальной активности и удовлетворенности ситуацией в этих сферах. Но нужно иметь в виду, что, помимо объективной и субъективной сторон социального благополучия, существуют еще и объективные и субъективные факторы, определяющие или влияющие на это благополучие.

Структура социального благополучия молодежи

Структура социального благополучия молодежи представляет собой взаимосвязь основных элементов этого феномена. С точки зрения методологии нашего исследования они представляют собой особые предметные зоны этого благополучия. Конечно, их специфика во многом будет определяться образом жизни тех или иных групп молодежи, наличием определенных его доминант. Так, если мы исследуем работающую молодежь, то доминантой ее социального благополучия будет трудовая деятельность, занятость, заработная плата и субъективная удовлетворенность ими как один из основных факторов, его определяющих. Если объектом исследования выступают студенты вузов и колледжей, то доминантой их социального благополучия является получаемое образование и субъективная удовлетворенность им.

При этом мы должны понимать, что и в первом, и во втором случае необходимо допускать различные отклонения от предложенных трактовок. Одни из этих отклонений могут быть вызваны противоречиями и несоответствиями между объективными и субъективными аспектами социального благополучия. К примеру, у работающих молодых людей может не быть удовлетворенности содержанием труда, или их совсем не

¹ Население Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.01.2022).

² Население Ханты Мансийского автономного округа по данным Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/naselenie-hmao/> (дата обращения: 10.01.2022).

устраивает зарплата — при том что они хорошо трудятся; во втором случае студентам может не нравиться профессия, которую они выбрали при поступлении в учебное заведение. Понятно, что в подобных ситуациях снижается уровень социального благополучия молодых людей. Другие отклонения имеют иную природу, но могут также сильно влиять на уровень социального благополучия. В таком качестве в исследованиях молодежи часто оказываются семейные проблемы. Одна из них — отсутствие собственного жилья у молодых семей.

Помимо двух названных предметных зон социального благополучия молодежи (связанных с работой и получаемым образованием), необходимо отметить и такие, как здоровье, социальная безопасность, материальное положение, взаимодействие с социумом, досуг. В свете сказанного ранее эти предметные зоны социального благополучия молодежи охватывают не только их объективные, но и субъективные характеристики, включающие в себя удовлетворенность и собственным здоровьем (равно как и здоровьем близких людей), и материальным положением, и социальной безопасностью, и взаимодействием с социумом, и проведением свободного времени.

Факторы социального благополучия молодежи

Социальное благополучие — переменная, подверженная постоянным изменениям во времени. В этом смысле мы говорим о динамике социального благополучия молодежи. Она может иметь как позитивный, так и негативный вектор, равно как и оставаться в границах одного и того же «нединамичного» состояния. При этом позитивный вектор означает улучшение социального благополучия молодых людей, негативный вектор — его ухудшение.

Динамика социального благополучия молодежи означает также, во-первых, изменение количественных характеристик самого социального благополучия, во-вторых, появление новых показателей и индикаторов. Последние возникают в связи с появлением новых форм деятельности у тех или иных общностей (групп, отдельных индивидов) и факторов, влияющих на перемены в социальном положении этих субъектов молодежи. Трансформации в их социальном благополучии связаны также с качественными переменами жизнедеятельности.

Социальное благополучие молодежи обусловлено рядом факторов, имеющих как объективный, так и субъективный характер. Среди них стоит отметить следующие: материальное положение, доход, бытовые условия жизни, наличие семьи (в том числе детей), возраст, здоровье, возможность получать образование и медицинское обслуживание разного уровня и качества и др. Объективные характеристики социального благополучия молодежи мы можем получать из данных статистических, экономических, демографических исследований. Источником информации о субъективных характеристиках социального благополучия молодежи выступают результаты социологических исследований различных групп молодежи, касающиеся их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, жизненных планов, социальных ожиданий. Большую роль в получении информации о субъективных характеристиках социального благополучия играет изучение общественного мнения молодежи, связанного с его проблематикой.

Теоретико-методологическая рамка для исследования социального благополучия молодежи

Методологическая рамка включает в себя ряд научных подходов, имеющих разную природу. Одна группа подходов характеризуется общенаучной природой, другая — междисциплинарной и третья — дисциплинарной природой. К первой группе целесообразно относить системный, институциональный, социокультурный, пространственно-временной подходы. Вторая группа представлена общностным, аксиологическим, ресурсным подходами. Что касается третьей группы, то среди них выделяются социологический, психологический, социально-психологический, экономический подходы.

Рассмотрение каждого из этих подходов применительно к анализу социального благополучия молодежи не стоит перед нами как задача данной статьи. Реализация такой задачи требует гораздо большего пространства, чем журнальная публикация. Поэтому здесь мы остановимся лишь на некоторых аспектах трех подходов, которые представляют каждую из трех групп. Это институциональный, общностный и социологический подходы. Отчасти будут затронуты и некоторые иные подходы, рассмотрение отдельных сторон которых позволит усилить методологический анализ. В таком методологическом синтезе и состоит потенциал междисциплинарного исследования социального благополучия молодежи.

Начнем с общностного подхода, поскольку он для нас выступает как доминирующий. Дело в том, что мы характеризуем молодежь в первую очередь как социальную общность, включающую в себя ряд подобщностей. Как указывалось выше, главными среди них являются работающая, учащаяся, а также неработающая и неучащаяся молодежь. Каждая из этих подобщностей включает в себя различные группы: работающая молодежь — занятых в экономике города и села (городская и сельская работающая молодежь); учащаяся молодежь — учащихся в учебных заведениях общего и профессионального (среднего и высшего) образования, то есть обучающихся в школах, колледжах, вузах; наконец, неработающая и неучащаяся молодежь, включающая группы молодых людей, по разным причинам не занятая ни в производстве, ни в образовании.

Если говорить о сущностно-содержательной трактовке социальной общности, то в самом общем виде будем понимать под ней объединение (совокупность) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы взаимодействия и совместной жизни как малых, так и больших групп людей. По нашему мнению, главные признаки социальной общности следующие: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к данной общности (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функций самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [18]. Такой подход позволяет определить социальную общность как реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную совокупность и взаимосвязь людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям.

Нетрудно обнаружить два важных положения: 1) многие из названных выше признаков социальной общности вполне применимы при характеристике молодежи, начиная с демографического (возраст как один из основных признаков молодежи); 2) общностная трактовка социального благополучия молодежи успешно сочетается с позициями социологического, психологического и социально-психологического подходов [19; 20].

Приведенные положения требуют дополнительных объяснений. Дело в том, что названные подходы обладают значительным теоретическим, методологическим и методическим потенциалом для изучения различных аспектов молодежной проблематики, в том числе возможностями и предпосылками исследования как объективных, так и субъективных характеристик и их показателей для трактовки социального благополучия молодежи. Эти возможности часто базируются на том обстоятельстве, что молодые люди часто воспринимают собственное бытие как благополучное, насколько они сами ощущают его в таком качестве. Отсюда делается важный вывод о допустимости трактовки релятивности (относительности) социального благополучия. Названные социологический и психологический подходы как раз и объединяют возможности изучения внутрилличностных механизмов восприятия социального благополучия молодежи.

Применяя социологический подход к изучению молодежи, мы рассматриваем ее как социальную общность, характеризующуюся наличием не только возрастных границ (14–35 лет), но и иных демографических и социальных показателей. Главными среди последних выступают ее авангардная миссия и многочисленные функции, ее «текущая» (З. Бауман) структура и невероятная социальная мобильность, превращающая молодежь в мощный миграционный ресурс. Не обходят социологи вниманием возможности молодежи в воспроизводстве социальной структуры общества. В сфере пристального интереса социологии — жизненные планы и ценностные ориентации молодежи, ее мотивация и задачи профессионального становления, выполнение различных социальных ролей. К этому следует добавить оказывающиеся зачастую в предметной зоне социологического и психологического анализа особенности социализации молодежи и ее различных групп.

Мы не можем не отметить специально особое внимание, которое уделяется различными отраслями социологического знания исследованию социальной структуры, труда, образования (в том числе среднего профессионального и высшего), студенчества [21–23]. Особо следует подчеркнуть необходимость использования подходов, разработанных в социологии молодежи. С этих позиций привлекает внимание недавно изданная монография [24].

С учетом примененных подходов появляется возможность рассматривать социальное благополучие молодежи как социальный и социально-психологический конструкт. Важно только не забывать, что он находится в зоне влияния нормативно-ценностных ориентиров. Сквозь их призму и следует рассматривать взаимосвязанность важнейших социальных и социально-психологических детерминант процесса формирования и оценивания социального благополучия молодежных общностей — групповых норм, ценностей, решений, группового сравнения и давления.

Методологическая близость социологического и социально-психологического подходов создает возможность совместного исследования социального благополучия молодежи. Эта совместность обусловлена таким общим предметным полем, как переживание молодежью определенных социальных эмоций (радости, счастья, удовлетворенности, уверенности и др.). На такой базе становится возможным проектирование социальных технологий обеспечения социального благополучия молодежи. В его основе лежит соединяющая социологический и социально-психологический подходы идея связи индивидуальных и социальных изменений. Ее относительная простота заключается в том, что изменения, происходящие в индивиде, приводят к изменениям социальной среды и, наоборот, преобразование социальной среды меняет самого индивида.

Еще одно сочетание методологических подходов, важное для нас, имеет институциональную направленность. Речь идет о взаимосвязи социологического и экономического подходов. Она касается такого предмета их сочетания, как социальное благополучие молодежи под углом зрения социальных и экономических институтов, задействованных в его обеспечении. Как установили экономисты и социологи, существуют зоны глубоких институциональных разрывов в этом процессе, наблюдается дисбаланс в «портфеле» социальных и экономических инвестиций в социальное благополучие образовательных, профессиональных, семейных и иных молодежных общностей.

Наряду с зонами сочетания, сопряжения, связи социологического и экономического подходов на основе институциональных интересов у каждого из них остаются возможности и для их использования в дисциплинарном анализе. Так, сторонники социологического подхода рассматривают социальное благополучие молодежи и ее отдельных подобщностей через включение его в структуру общественных связей и отношений, благодаря развитию которых отдельные институциональные разрывы могут нивелироваться. Социологический подход позволяет характеризовать социальное благополучие молодежи как один из важнейших институциональных ресурсов.

Экономический подход, в отличие от социологического, направлен на оценку издержек, связанных с преодолением этих разрывов, затрат на социальное благополучие молодежи в условиях экономической и социальной неопределенности, выявление экономических характеристик этого процесса. Экономический подход актуален, когда меняются спрос и предложение на рынке молодежных инициатив в сфере образования (прежде всего профессионального), трудовой активности, социальной мобильности, миграционных связей и возможностей их использования.

Еще одна значимая проблема экономического подхода — экономические убытки, связанные с формированием условий социально благополучного бытия молодежи. Эти условия рассматриваются как предпосылка ее закрепления в различных сферах и структурах северного автономного округа. Как следствие, возникает большой интерес к созданию и внедрению новых адаптационных стратегий молодежи, рождающихся на стыке социологического, экономического, психологического, социально-психологического поиска.

Выводы

Указанные ключевые положения концепции социального благополучия молодежи северного региона позволяют, по нашему мнению, перейти к разработке эмпирической методологии и методики проведения полевого исследования. Потребуется своего решения вопрос о его выборке, методах и инструментальной базе. Основные различия, как нам кажется, должны коснуться решения вопроса о конкретизации объекта эмпирического исследования — работающей и учащейся (студенческой) молодежи ХМАО — Югры. Именно с ними могут быть связаны особенности методики исследования каждой из этих молодежных общностей.

Особое внимание мы хотели бы обратить на исследование социального благополучия студенчества автономного округа. Являясь по определению авангардной социальной общностью среди молодежи, оно во многом определяет будущее округа, его перспективы. Забота о социальном благополучии студентов — это забота о будущих успехах ХМАО — Югры. Особенно это касается вопроса об их будущем трудоустройстве и жизнеустройстве. Ощущая собственное социальное благополучие в округе, студенты меньше подвержены миграционным настроениям и обретают большую уверенность в возможности собственного роста и удовлетворении основных жизненных потребностей и интересов. Эта гипотеза требует проверки и подтверждения с помощью хорошо разработанной методики исследования.

Отсюда следует еще один важный вывод — о необходимости руководства, всего менеджмента югорских вузов превратить проблематику обеспечения социального благополучия студентов в одно из основных направлений своей деятельности. Традиционно вузы обращают внимание на академические достижения учащейся молодежи, видя прежде всего в них залог ее будущих успехов. Мы полагаем, что, создавая благоприятные условия для достижения социального благополучия студентов, можно таким образом также способствовать их успешности на территории автономного округа.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания по науке БУ «Сургутский государственный педагогический университет» на 2021–2023 гг. по теме «Динамика социального благополучия молодежи в условиях Севера: югорский срез в контексте общероссийских тенденций».

Список источников

- [1] Ryff, C. D. Psychological well-being in adult life / C. D. Ryff. – Direct text // *Current Directions in Psychological Science*. – 1995. – Vol. 4, Issue 4. – P. 99–104.
- [2] Гоффе, Н. В. Социальное благополучие : восприятие реалий / Н. В. Гоффе, Г. А. Монусова. – DOI 10.31429/26190567-19-3-21-36. – Текст : непосредственный // *Южно-российский журнал социальных наук*. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 21–36.

- [3] Лысухо, А. С. Обзор российских исследований по теме «социальное благополучие» : основные исследования и результаты / А. С. Лысухо. – DOI 10.19181/INAB.2020.1.1. – Текст : непосредственный // ИНАБ. – 2020. – № 1. – С. 7–17.
- [4] Петренко, М. С. Критерии социального благополучия : универсализм и проблемы социокультурного измерения / М. С. Петренко, С. А. Дукарт – DOI 10.18799/26584956/2019/3(34)/977. – Текст : непосредственный // Векторы благополучия : экономика и социум. – 2019. – № 3 (34). – С. 79–90.
- [5] Кислицына, О. А. Измерение качества жизни/благополучия : международный опыт / О. А. Кислицына. – Москва : Институт экономики РАН, 2016. – 62 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Сушко, П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян : проблема разграничения понятий / П. Е. Сушко. – DOI 10.19181/snsp.2020.8.1.7094. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 1(29). – С. 48–62.
- [7] Layard, R. Happiness : Lessons from a new science. – London : Penguin Group, 2011. – 320 p. – Direct text.
- [8] Смолева, Е. О. Счастье и деньги : материальные аспекты субъективного благополучия / Е. О. Смолева. – DOI 10.15838/ptd.2020.3.107.10. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2020. – № 3 (107). – С. 144–166.
- [9] Черныш, М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе / М. Ф. Черныш. – DOI 10.19181/snsp.2019.7.2.6407. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 2 (26). – С. 9–33.
- [10] Тихонова, Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью : динамика и факторы / Н. Е. Тихонова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2015. – № 3. – С. 19–33.
- [11] Андрееenkova, А. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе : сравнительный анализ / А. В. Андрееenkova, Н. В. Андрееenkova. – DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-1-67-81. – Текст : непосредственный // Дискурс. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 67–81.
- [12] Кученкова, А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие : соотношение понятий и способов измерения / А. В. Кученкова. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. – 2016. – № 2 (4). – С. 118–127.
- [13] Костина, Е. Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества / Е. Ю. Костина. – Текст : электронный // Universum : общественные науки : электронный научный журнал. – 2015. – № 6 (16). – URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/2277>. – Дата публикации: 27.06.2015.
- [14] Градосельская, Г. В. Субъективные и объективные оценки благосостояния / Г. В. Градосельская. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 86–98.

- [15] Щекотин, Е. В. Социальное благополучие и качество жизни : рискологическая модель измерения качества жизни / Е. В. Щекотин. – Текст : непосредственный // Социология и общество : глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса, Уфа, 23–25 октября 2012 г. / Российское общество социологов [и др.]. – Москва : РОС, 2012. – С. 8098–8101.
- [16] Словарь русского языка : в 4 т. / Академия наук СССР, Институт русского языка ; под редакцией А. П. Евгеньева. – Москва : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 702 с. – Текст : непосредственный.
- [17] Медведева, Г. П. Социальное благополучие как смысл социальной деятельности / Г. П. Медведева, Я. В. Шимановская. – Текст : непосредственный // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 293–299.
- [18] Зборовский, Г. Е. Теория социальной общности : монография / Г. Е. Зборовский. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – 304 с. – Текст : непосредственный.
- [19] Subjective well-being : three decades of progress / E. Diener, E. M. Suh, R. E. Lucas, N. L. Smith. – Direct text // Psychological Bulletin. – 1999. – № 125 (2). – P. 276–302.
- [20] Rath, T. Wellbeing : The Five Essential Elements / T. Rath, J. K. Harter., J. Harter. – New York : Simon and Schuster, 2010. – 232 p. – Direct text.
- [21] Тощенко, Ж. Т. Прекариат. От протокласса к новому классу = Precariat. From protoclass to new class : монография / Ж. Т. Тощенко ; Российская академия наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российский государственный гуманитарный университет. – Москва : Наука, 2018. – 350 с. – Текст : непосредственный.
- [22] Тощенко, Ж. Т. Социология труда. Учебник и практикум. / Ж. Т. Тощенко, Г. А. Цветкова. – Москва : Юрайт, 2018. – 472 с. – Текст : непосредственный.
- [23] Зборовский, Г. Е. Социология высшего образования : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – 539 с. – Текст : непосредственный.
- [24] Горшков, М. К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Ryff, C. D. (1995). Psychological well-being in adult life. *Current Directions in Psychological Science*, 4(4), pp. 99-104. (In English).
- [2] Goffe, N. V., & Monusova, G. A. (2018). Well-being: reality and its perception. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 19(3), pp. 21-36. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-19-3-21-36
- [3] Lysukho, A. S. (2020). Review of Russian research on "Social well-being": main studies and results. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study, (1), pp. 7-17. (In Russian). DOI: 10.19181/inab.2020.1.1

- [4] Petrenko, M. S., & Dukart, S. A. (2019). Criteria of social well-being: universalism and problems of socio-cultural dimension. *Journal of wellbeing technologies*, (3(34)), pp. 79-90. (In Russian). DOI: 10.18799/26584956/2019/3(34)/977
- [5] Kislitsyna, O. A. (2016). *Izmerenie kachestva zhizni/blagopoluchiya: mezhdunarodnyy opyt*. Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences Publ., 62 p. (In Russian).
- [6] Sushko, P. E. (2020). Happiness and Social Well-Being in the Estimates of Russians - the Problem of Differentiation of Concepts. *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika*, 8(1), pp. 48-62. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094
- [7] Layard, R. (2011). *Happiness: Lessons from a new science*. London, Penguin Group, 320 p. (In English).
- [8] Smoleva, E. O. (2020). Happiness and money: material aspects of subjective well-being. *Problems of territory's development*, (3(107)), pp. 144-166. (In Russian). DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10
- [9] Chernysh, M. F. (2019). Factors of Influence on the State of Happiness in the Contemporary Russian Society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 7(2(26)), pp. 9-33. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6407
- [10] Tikhonova, N. E. (2015). Russians' life satisfaction: dynamics and factors. *Social sciences and contemporary world*, (3), pp. 19-33. (In Russian).
- [11] Andreenkova, A. V., & Andreenkova, N. V. (2019). Comparative analysis of life satisfaction determinants in Russia and in Europe. *Discourse*, 5(1), pp. 67-81. (In Russian). DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-1-67-81
- [12] Kuchenkova, A. V. (2016). Social self-perception and subjective well-being, a review of definitions and measurement models. *RSUH/RGGU bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art studies*, (2(4)), pp. 118-127. (In Russian).
- [13] Kostina, E. Yu. (2015). Social wellbeing and social security in the context of globalization of modern society. *Universum: social sciences*, (6(16)). (In Russian). Available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/2277>
- [14] Gradosel'skaya, G. V. (2003). Sub"ektivnye i ob"ektivnye otsenki blagosostoyaniya. *Sociological journal*, (3), pp. 86-98. (In Russian).
- [15] Shchekotin, E. V. (2012). Sotsial'noe blagopoluchie i kachestvo zhizni: riskologicheskaya model' izmereniya kachestva zhizni. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: materialy IV Ocherednogo Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa*, Ufa, October, 23-25, 2012. Moscow, ROS Publ., pp. 8098-8101. (In Russian).
- [16] Evgen'ev, A. P. (1985). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh. Tom 1*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 702 p. (In Russian).
- [17] Medvedeva, G. P., & Shimanovskaya, Ya. V. (2018). Social well-being as meaning of social activity. *The law and practice*, (4), pp. 293-299. (In Russian).
- [18] Zborovsky, G. E. (2009). *Teoriya sotsial'noy obshchnosti*. Ekaterinburg, Gumanitarnyy universitet Publ., 304 p. (In Russian).

- [19] Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., & Smith, H. L. (1999). Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*, (125(2)), pp. 276-302. (In English).
- [20] Rath, T., Harter, J. K., & Harter, J. (2010). *Wellbeing: The Five Essential Elements*. New York, Simon and Schuster, 232 p. (In English).
- [21] Toshchenko, Zh. T. (2018). *Precariat. From protoclass to new class*. Moscow, Nauka Publ., 350 p. (In Russian).
- [22] Toshchenko, Zh. T., & Tsvetkova, G. A. (2018). *Sotsiologiya truda. Uchebnik i praktikum*. Moscow, Yurayt Publ., 472 p. (In Russian).
- [23] Zborovsky, G. E., & Ambarova, P. A. (2019). *Sotsiologiya vysshego obrazovaniya*. Ekaterinburg, Gumanitarnyy universitet Publ., 539 p. (In Russian).
- [24] Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2020). *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy*. Moscow, FNISTS RAN Publ., 688 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 19.05.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 19.05.2022.

УДК 347.635:004.77

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-40-55

Стиль поведения родителей по отношению к активности старшекласников в Интернете

Светлана Николаевна Костина¹, Ольга Николаевна Новикова²

¹*Кафедра теории, методологии и правового обеспечения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

²*Центр цифровизации и развития образовательных систем, ГАУ ДПО «Институт развития образования Пермского края», Пермь, Россия*

Аннотация. Внимание исследователей к проблематике отношения родителей к активности детей и подростков в Интернете, а также их влияния на данную активность постоянно растет в связи с усиливающимися процессами цифровизации, в том числе в результате пандемии COVID-19. В данной статье предпринята попытка на материалах проведенного авторами опроса старшекласников Пермского края выявить стили поведения родителей по отношению к активности их детей в Интернете и определить факторы, которые обуславливают тот или иной стиль. Исследование показало, что стиль поведения родителей по отношению к активности детей в Интернете определяется двумя группами факторов: особенностями детей (пол, класс, успеваемость) и особенностями семьи (количество детей в семье, уровень жизни семьи, обеспеченность цифровыми устройствами, использование родителями информационно-коммуникационных технологий). Преобладающим стилем поведения родителей опрошенных старшекласников Пермского края является отсутствие ограничений. В то же время применение ограничивающего стиля не приводит к существенному снижению времени, которое старшекласники проводят в Интернете.

Ключевые слова: школьники, Интернет, стили родительского поведения, интернет-активность

Для цитирования: Костина, С. Н. Стиль поведения родителей по отношению к активности старшекласников в Интернете / С. Н. Костина, О. Н. Новикова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-40-55 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 40–55.

Parenting styles in their stance to pastime of high school pupils in the Internet

Svetlana N. Kostina¹, Olga N. Novikova²

¹*Department of Theory, Methodology and Legal Support, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

²*Center for Digitalization and Development of Educational Systems, Institute for the Development of Education of the Perm Territory, Perm, Russia*

Abstract. Researchers pay special attention to the problem of parents' attitude to the activity of children and adolescents in the Internet and their influence on this activity. The reason for such detailed study of this issue is the increasing processes of digitalization, including due to the COVID-19 pandemic. We have conducted a survey among high school pupils in Perm region. In this article, based on the data obtained, we create a classification of parenting styles in their stance to pastime of their children in the Internet and identify the factors that determine a particular style of behavior.

The study showed that there are two groups of such factors. One group is the characteristics of children (gender, class, academic performance); the other group is the characteristics of the family (the number of children in the family, family living standards, the availability of digital devices, the use of information and communications technology by parents). The predominant parenting style is the absence of restrictions. At the same time, the use of a restrictive style doesn't lead to a significant decrease in pastime of high school pupils in the Internet.

Keywords: pupils, the Internet, parenting styles, Internet activity

For citation: Kostina, S. N., & Novikova, O. N. (2022). Style of parents' behavior in their stance to pastime of high school pupils in the Internet. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 40-55. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-40-55

Введение

Повсеместное проникновение цифровых технологий в жизнедеятельность детей вызвало активный интерес к изучению данной проблематики в современных научных исследованиях. В результате технологического прогресса в области цифровых медиа возник широкий круг новых проблем, произошли изменения ситуации с воспитанием детей, появились новые сложные задачи для родителей. Так, сегодня, как никогда раньше, дети имеют доступ к широкому спектру цифровых медиатехнологий как дома, так и в учебной среде. При этом уменьшение размеров смарт-карманных устройств означает, что их использование становится менее очевидным и его легче скрыть [1], а родители могут даже не знать, что их дети делают в сети [2]. Кроме этого, растущая конвергенция цифровых медиатехнологий, включая появление различных гибридов цифровых медиаплатформ, привела к тому, что у родителей может не хватать технических навыков и компетенций, чтобы они могли надлежащим образом контролировать деятельность своих детей в Интернете [3].

Анализ роли родителей в формировании стиля поведения детей во взаимодействии с цифровыми технологиями в основном ведется в рамках теорий цифрового воспитания и цифрового родительского посредничества. В то же время можно отметить, что, несмотря на увеличивающееся количество исследований в данной сфере, их результаты не носят однозначный характер. Этому, на наш взгляд, способствует и высокая динамика происходящих общественных изменений, связанных с цифровизацией, что также отражается на стиле поведения в Интернете как детей, так и их родителей. В данном контексте также можно говорить и о влиянии таких факторов, как национальные особенности цифрового неравенства, а также возникшая в результате пандемии COVID-19 необходимость массового использования интернет-технологий в школьном обучении [4].

В соответствии с вышеизложенным теоретическая значимость исследования заключается в попытке анализа стилей родительского поведения по отношению к времяпрепровождению старшеклассников в Интернете, влияния родителей на активность школьников в Интернете и их отношения к этому. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов в практике работы общеобразовательных организаций.

Литературный обзор

В основе концепции цифрового воспитания лежат представления психологической науки о воспитании в целом. Д. Баумринд еще в середине 60-х годов XX века на основе таких шкал, как «теплота — вовлеченность» и «контроль — требования», выделила три основных стиля семейного воспитания: авторитетный (authoritative), авторитарный (authoritarian) и снисходительный (permissive) [5], к которым впоследствии был добавлен еще индифферентный (laissez-faire). За прошедший период на основе концепции Д. Баумринд появилось достаточно много других классификаций стилей воспитания [6].

В результате усиливающегося внимания к цифровому миру детства появилось понятие «цифровое воспитание» и выросло количество исследований, в которых делаются попытки анализа стилей цифрового воспитания. Так, М. Валке, С. Бонте, Б. Де Уевер и И. Ротс в 2010 году предложили понятие стиля интернет-воспитания для изучения влияния на фактическое использование Интернета детьми дома на основе двух измерений — «родительский контроль» и «родительское тепло» [7]. Результаты их исследования показали, что стиль интернет-воспитания зависит не только от социально-демографических особенностей родителей (пола, уровня образования и возраста), но также связан с уровнем использования Интернета родителями, собственным отношением родителей к Интернету и их опытом работы в Интернете. Стили воспитания оказывают существенное влияние на использование детьми Интернета: так, самый высокий уровень использования детьми Интернета наблюдается при разрешительном стиле воспитания; самый низкий уровень — при авторитарном [7].

Изучение родительских практик по отношению взаимодействия детей с различными медиа и техническими устройствами привело к появлению концепции цифрового родительского посредничества. В. К. Клименко и С. С. Савенышева определяют родительское посредничество как практики, с помощью которых родители пытаются управлять и регулировать опыт взаимодействия своих детей со средствами массовой информации и цифровыми устройствами; регуляторные стратегии, которые родители вводят для максимизации выгод и минимизации рисков для своих детей; «новый» и «специфический» тип воспитания [8]. Однако, как отмечает В. Конок с соавторами, концепция стиля цифрового воспитания шире, чем концепция посредничества родителей, поскольку она включает в себя рекомендации для родителей и их участие в использовании детьми цифровых устройств, а также учитывает эмоциональную природу стилей воспитания, а не сосредотачивается исключительно на родительском поведении, как в случае родительского посредничества [9]. Однако для нашего исследования более применима концепция цифрового родительского посредничества.

Исследование родительского посредничества началось с изучения контроля родителями просмотра телевидения детьми, а в дальнейшем — особенностей взаимодействия родителей и детей в использовании других цифровых технологий (Интернета, смартфонов, социальных сетей, видеоигр и т. д.). Одна из первых концепций цифрового родительского посредничества была предложена С. Ливингстоном с соавторами в 2011 году. Она включала пять основных типов посредничества родителей [10]: активное посредничество в использовании Интернета; активное посредничество в обеспече-

нии безопасности в Интернете; ограничительное посредничество с точки зрения времени, действий, содержания и использования; технические ограничения; мониторинг, отражающий постфактум проверку интернет-активности.

В дальнейших исследованиях выделялось различное количество стилей цифрового родительского посредничества, которые в основном являются вариациями приведенных выше концепций цифрового воспитания и родительского посредничества. Так, П. Никкен в своих исследованиях отметил несколько типов родительской медиации между детьми и цифровой средой: ограничительная (основанная на запретах, строгих ограничениях), активно-несогласная (основанная на негативизме и неприятии медиа), активно-позитивная (основанная на объяснении своей позиции касательно медиа, а также совместных обсуждений рисков и правил), совместное использование медиа (совместный просмотр, игры) [3]. Л. С. Кларк предложил четыре стратегии взаимодействия родителей и детей по отношению к цифровым медиа: стратегия активного, ограничительного и совместного просмотра, а также совместного обучения [11]. В исследовании EU Kids Online на основе стилей посредничества родителей были определены четыре кластера посредничества: универсальное, предпочтительное активное посредничество, предпочтительное ограничительное посредничество и пассивное [12].

Одной из наиболее часто встречающихся задач исследования цифрового родительского посредничества выступает выявление факторов, которые определяют его содержание. Так, И. Эдигви на основе анализа ряда исследований выделил несколько групп таких факторов [13]: возраст и пол родителей, возраст и пол детей, уровень образования и доход родителей, структура семьи, семейное положение, этническая принадлежность и состав домохозяйства, характеристики домохозяйства в использовании цифровых мультимедийных устройств, цифровая грамотность родителей.

На наш взгляд, факторы, влияющие на цифровое родительское посредничество, можно разделить на следующие группы:

- 1) социально-демографические характеристики семьи — возраст, пол и образование родителей; возраст и пол детей; социально-экономическое положение, количество членов семьи и количество детей [14];
- 2) социально-психологические характеристики семьи — восприятие родителями цифровых навыков своих детей; медийная грамотность и уровень цифровых навыков родителей; взгляды родителей на различные воздействия медиаконтента на их детей; стили воспитания детей; уровень участия и общения родителей и детей [15]; особенности поведения детей в сети [16];
- 3) технологические возможности использования в семье цифровых медиа — спектр возможностей, доступных для доступа в Интернет [17]; частота использования и количество ИКТ-устройств в доме [16].

В целом результаты исследований факторов родительского посредничества носят достаточно противоречивый характер. В ряде исследований устанавливается ведущая роль в способности родителей участвовать в технологической социализации своих детей, акцентировано внимание на таких родительских характеристиках, как положение в обществе и образование [8]. Считается, что родители с более высоким уровнем образования и доходов, как правило, поддерживают своих детей посредством активно-

го посредничества, в то время как родители с более низким уровнем образования и доходов полагаются в большей степени на ограничения и правила, так как не обладают достаточным временем и компетенциями для занятий с детьми [3].

В то же время в других исследованиях отрицается роль демографических факторов и подчеркивается, что посредничество родителей больше зависит от использования родителями цифровых технологий и моделей взаимодействия между родителями и детьми [18]. Так, в исследовании А. Х. Н. Иена, Дж. Парка, Л. Чена и М. Ченга было установлено, что родители с более высоким уровнем владения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способны лучше обеспечить эффективную поддержку и руководство для своих детей в отношении общего использования ИКТ [12]. При этом уровень владения родителями ИКТ напрямую был связан с их уровнем образования, доходностью работы и, соответственно, наличием дома передовой инфраструктуры ИКТ.

Материалы и методы

В качестве материалов были использованы данные, полученные в ходе выборочного опроса учащихся 8–11-х классов ряда общеобразовательных школ Пермского края в апреле — мае 2021 года. Опрос проводился в режиме онлайн с помощью Google Forms. Для определения выборочной совокупности применялась гнездовая выборка — на первом этапе было отобрано 10 средних школ муниципальных образований Пермского края (за исключением г. Перми), в каждой из которых опрашивались обучающиеся из параллелей 8–11-х классов. Всего в опросе приняли участие 912 школьников. Среди респондентов были учащиеся из различных типов поселений: 60,5 % опрошенных обучались в городских школах, 39,5 % — в сельских. Из них 33,2 % — учащиеся 8-х классов, 17,2 % — учащиеся 9-х классов, 23,2 % — десятиклассники и 26,3 % — одиннадцатиклассники.

Основная гипотеза исследования состояла в том, что отношение родителей к присутствию старших подростков в сети Интернет будет определять особенности их поведения в Интернете. На основе теоретического анализа мы выделили два основных стиля поведения родителей по отношению к времяпрепровождению детей в Интернете — ограничивающий и неограничивающий. Ограничивающий стиль включает варианты частичного ограничения — установление ограничений на каждый день, в течение учебной недели или в зависимости от успеваемости (частично-ограничивающий стиль), а также полный запрет использования Интернета (запретительный стиль).

В ходе анализа была составлена матрица корреляций ответов респондентов о различных сторонах их взаимодействия с сетью Интернет и стилем поведения родителей. На основе этого были выделены наиболее значимые факторы, определяющие стиль поведения родителей по отношению к времяпрепровождению детей в Интернете.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ результатов исследования выявил, что основным стилем поведения родителей по отношению к времяпрепровождению школьников в Интернете, по мнению опро-

шенных старшеклассников, является неограничивающий стиль (71,8 % опрошенных). В наименьшей степени представлен запретительный стиль (2,7 %). Ограничивающего стиля придерживаются 25,4 % родителей, из них 6,1 % устанавливают ограничения на каждый день, 7,2 % — в течение учебной недели, а 12,1 % — в зависимости от успеваемости школьника.

Таблица 1

Влияние стиля поведения родителей на продолжительность времяпрепровождения детей в Интернете, в % от ответивших

	Стиль поведения родителей по отношению к времяпрепровождению школьников в Интернете					В целом по мас-сиву
	Запрещают проводить время в Интернете	Устанавливают ограничения времени в Интернете на каждый день	Ограничивают время в Интернете в течение учебной недели	Ограничивают время в Интернете в зависимости от успеваемости	Не ограничи-вают время в Интернете	
Количество времени, которое школьники проводят в Интернете						
Менее получаса	8,0	5,4	1,5	0,0	1,2	1,5
От получаса до 1 часа	4,0	8,9	1,5	2,7	2,4	2,9
1–3 часа	8,0	23,2	31,8	30,0	15,6	18,8
3–5 часов	48,0	33,9	34,8	30,9	30,8	31,8
Более 5 часов	32,0	28,6	30,3	36,4	49,9	45,1
Ежедневно школьники занимаются следующими видами деятельности в Интернете						
Сидят в соцсетях, на форумах	68	71,4	65,1	77,2	72,9	72,7
Играют в компь-ютерные и онлайн-игры	16	26,8	30,4	40,3	20	23,2
Ищут информа-цию для подго-товки к школьным занятиям	60	41,3	52,5	47,3	46,7	45,3
Смотрят новости, читают статьи в разных сферах	40	32,1	30,3	24,6	37,4	35,1
Занимаются сво-им хобби	28	26,8	28,8	35,5	37	33,9
Слушают музыку, смотрят видео и фильмы	68	67,8	74,7	77,2	81,9	79,9
Снимают и выкладывают фото и видео в Интернете	12	5,4	0	2,7	3,8	3,7

Согласно нашей гипотезе, ограничения со стороны родителей должны значительно сокращать количество времени, которое подросток проводит в Интернете. Однако результаты исследования показали, что данная взаимосвязь носит не вполне однозначный характер (табл. 1). Безусловно, больше всего времени проводят в сети те школьники, к которым применяется неограничивающий стиль — почти половина из них указали, что ежедневно находятся в сети более 5 часов. Полный запрет Интернета хотя и увеличивает долю школьников, которые проводят в нем до 1 часа в день, но в целом не снижает долю тех, кто остается в сети более 3 часов. Оптимальные результаты в наибольшей степени обеспечивает частично-ограничивающий стиль родителей, который повышает долю подростков, находящихся в Интернете 1–3 часа, практически до трети (ограничения в течение учебной недели).

Применение ограничительных мер родителями коррелирует не только с количеством времени, но и с видами деятельности, которыми подростки занимаются в сети (см. табл. 1). Старшеклассники, родители которых применяют запретительный стиль, чаще, чем в целом по массиву, используют сеть Интернет для подготовки к школьным занятиям, просмотра новостей, а также для съемки и выкладывания фото и видео в Интернете. Школьники, родители которых применяют неограничивающий стиль, ежедневно занимаются всеми видами деятельности в сети незначительно чаще, чем в целом по массиву. В целом можно говорить о наличии взаимосвязи скорее между количеством времени, проводимом в Интернете, и видами деятельности в Интернете.

Применение родителями того или иного стиля поведения в отношении времяпрепровождения детей в Интернете коррелирует с мнением школьников о том, как навыки использования цифровых гаджетов влияют на различные сферы их жизни (табл. 2). Абсолютное большинство старшеклассников, родители которых придерживаются неограничивающего стиля, считают, что навыки работы с компьютером и Интернетом помогают им в учебе (94,3 % согласны с данным утверждением) и в хобби (76,3 % согласных), делают их жизнь интереснее (85,2 % согласных). Больше всего тех, кто не ощущает влияния навыков ИКТ на различные стороны своей жизни, оказалось среди тех школьников, родители которых предпочитают запретительный стиль. Четверть детей из этой группы придерживаются мнения о том, что навыки работы с ИКТ не помогают в учебе, треть считает, что данные навыки не помогают в хобби, и 28 % не согласны, что навыки ИКТ делают их жизнь интереснее.

При этом не столь однозначна взаимосвязь стиля поведения родителей с мнением школьников по вопросам влияния навыков ИКТ на возможность получать материальную выгоду, продолжить обучение и достичь успеха в современном мире. Так, например, среди школьников, у которых родители придерживаются запретительного стиля, больше всего сторонников крайних мнений о влиянии навыков ИКТ на жизненный успех — абсолютно согласных и абсолютно не согласных с данным утверждением. Вероятнее всего, крайности во мнении этой категории старших подростков объясняются недостаточностью количества и качества их личного опыта использования компьютера и Интернета для решения реальных учебных, жизненных или профессиональных задач и отсутствием качественного цифрового посредничества со стороны родителей.

Таблица 2

Взаимосвязь между стилем поведения родителей по отношению к времяпрепровождению детей в Интернете и оценкой школьниками влияния навыков ИКТ на различные аспекты их жизни, в % от числа ответивших

	Запрещают проводить время в Интернете	Устанавливают ограничения времени в Интернете на каждый день	Ограничивают время в Интернете в течение учебной недели	Ограничивают время в Интернете в зависимости от успеваемости	Не ограничивают время в Интернете	В целом
«Мои навыки работы с компьютером и Интернетом помогают мне в учебе»						
Абсолютно согласен	40,0	46,4	59,1	51,8	65,8	61,7
Скорее согласен	28,0	42,9	27,3	41,8	28,5	30,9
Скорее не согласен	12,0	8,9	10,6	0,9	1,8	3,1
Не согласен	12,0	0,0	3,0	1,8	1,2	1,6
Затрудняюсь ответить	8,0	1,8	0,0	3,6	2,6	2,6
«Мои навыки работы с компьютером и Интернетом помогают мне в моем хобби (увлечении)»						
Абсолютно согласен	32,0	53,6	36,4	46,4	49,3	47,8
Скорее согласен	20,0	30,4	37,9	30,0	27,0	28,2
Скорее не согласен	16,0	0,0	7,6	10,0	7,8	7,8
Не согласен	16,0	8,9	10,6	7,3	8,7	8,9
Затрудняюсь ответить	16,0	7,1	7,6	6,4	7,2	7,3
«Мои навыки работы с компьютером и Интернетом уже сейчас помогают мне получать материальную выгоду (доход)»						
Абсолютно согласен	16,0	17,9	17,9	11,8	13,7	13,5
Скорее согласен	32,0	25,0	25,0	21,8	14,4	16,6
Скорее не согласен	12,0	10,7	10,7	18,2	16,3	16,4
Не согласен	24,0	32,1	32,1	32,7	45,0	41,9
Затрудняюсь ответить	16,0	14,3	14,3	15,5	10,5	11,6
«Мои навыки работы с компьютером и Интернетом позволяют сделать мою жизнь интереснее»						
Абсолютно согласен	52,0	42,9	42,4	56,4	56,4	53,3
Скорее согласен	16,0	41,1	45,5	27,3	27,3	31,4
Скорее не согласен	12,0	8,9	4,5	6,4	6,4	6,1
Не согласен	16,0	3,6	1,5	0,0	0,0	2,5
Затрудняюсь ответить	4,0	3,6	6,1	10,0	10,0	6,7
«Мои навыки работы с компьютером и Интернетом помогут мне в дальнейшем при поступлении в вуз или техникум (колледж)»						
Абсолютно согласен	32,0	35,7	31,8	31,8	41,8	39,3
Скорее согласен	28,0	39,3	40,9	34,5	31,1	32,7
Скорее не согласен	12,0	12,5	12,1	10,0	10,1	10,4
Не согласен	16,0	7,1	6,1	6,4	5,6	6,1
Затрудняюсь ответить	12,0	5,4	9,1	17,3	11,3	11,5
Итого	100	100	100	100	100	100
«Без хороших навыков работы с компьютером и Интернетом в современном мире невозможно достичь успеха»						
Абсолютно согласен	48,0	32,1	28,8	25,5	34,2	33,0
Скорее согласен	24,0	42,9	36,4	36,4	36,6	36,6
Скорее не согласен	4,0	16,1	22,7	19,1	15,0	15,8
Не согласен	16,0	5,4	7,6	5,5	6,6	6,7
Затрудняюсь ответить	8,0	3,6	4,5	13,6	7,6	7,9

Анализ показал, что стиль поведения родителей по отношению к времяпрепровождению детей в Интернете определяется рядом факторов, которые можно разделить на две группы — особенности школьника и особенности семьи.

К особенностям школьника относятся его пол, класс обучения (который, безусловно, связан с возрастом), успеваемость. Чем старше класс (соответственно, старше возраст школьника), тем чаще родители применяют неограничивающий стиль: не ограничивают время нахождения в Интернете по отношению к 56,1 % учащихся 8-х классов, 73,9 % девятиклассников, 77,6 % десятиклассников и 85 % одиннадцатиклассников. Что касается влияния пола, то неограничивающий стиль значительно чаще применяется в отношении девушек (78,1 %), чем юношей (60,7 %). Среди юношей чаще встречался ответ, что родители ограничивают время в Интернете в зависимости от успеваемости.

Чаще применяют ограничивающий или запретительный стили поведения родители тех детей, у кого успеваемость ниже — если среди родителей отличников таких всего четверть (25,5 %), то среди родителей троечников — 39,6 %, при этом ограничения в основном носят характер наказания — 20,8 % троечников указали, что родители ограничивают время в Интернете в зависимости от их успеваемости.

Ко второй группе факторов — особенности семьи — мы отнесли количество детей в семье, место проживания, уровень жизни, обеспеченность цифровыми устройствами и особенности использования родителями ИКТ. Анализ не выявил существенных отличий между стилями поведения родителей школьников в зависимости от места проживания: неограничивающего стиля придерживаются 73,2 % городских родителей и 69,7 % проживающих в сельской местности.

Более значимым фактором оказалось количество детей в семье — в данном случае можно наблюдать практически прямую связь роста применения ограничивающего стиля с увеличением количества детей в семье. Так, по отношению к «единственным детям» родители более склонны применять неограничивающий стиль (75,7 %). В семьях, где детей двое, неограничивающий стиль применяют 70,7 % родителей, а в семьях с 4 детьми — 60,5 %. Обратная зависимость наблюдается с запретительным стилем — в семьях с 1 ребенком его придерживаются 1,1 % родителей, с 2 детьми — 1,6 %, с 4 детьми — 5,3 %, а 5 детьми — 15 % родителей.

Стиль поведения родителей также коррелирует с оценкой старшеклассниками уровня жизни семьи. Школьники, считающие, что их родители используют запретительный стиль, гораздо чаще выбирали вариант «Покупаем в основном только еду» (56 % против 41,4 % по массиву в целом) и значительно реже вариант «Купили автомобиль или квартиру» (8 % против 15,7 %) по массиву.

Проведенный анализ обеспеченности подростков гаджетами показал, что существует взаимосвязь между стилем поведения родителей и обеспеченностью семьи и подростка лично цифровыми средствами доступа в Интернет. Так, почти все опрошенные подростки указали, что у них есть личный смартфон, причем треть из них выходят в Интернет исключительно с этого гаджета. Настольные компьютеры находятся в личном пользовании у 26,9 % опрошенных школьников, у 43,4 % человек они есть в семье. Треть старшеклассников указали, что пользуются личными ноутбуками (нетбуками или

ультрабуками), 39,5 % — что такой гаджет есть в семье. В меньшей степени опрошенные школьники используют планшет (у 17,5 % есть личный планшет, у 27,9 % — семейный). При этом было выявлено, что намного чаще для подростков ограничивают время в Интернете в тех семьях, где гаджеты находятся в совместном пользовании. Так, например, владеют личным ноутбуком 36,5 % подростков, которым не ограничивают время в Интернете, и 19,1 % тех, кому время ограничивают в зависимости от успеваемости. Настольный персональный компьютер находится в общем пользовании семьи у 55,4 % подростков, которым устанавливают ограничения на каждый день, и у 41,7 % тех, кому время в Интернете не ограничивают.

Таблица 3

Взаимосвязь между стилями поведения родителей по отношению к времяпрепровождению детей в Интернете и положительными оценками школьников особенностей поведения родителей в отношении использования ИКТ, в % от числа ответивших

	Запрещают проводить время в Интернете	Устанавливают ограничения времени в Интернете на каждый день	Ограничивают время в Интернете в течение учебной недели	Ограничивают время в Интернете в зависимости от успеваемости	Не ограничивают время в Интернете	В целом по массиву
Мои родители на работе в основном работают с компьютером и Интернетом	60	50	50	42,7	54	45,1
Мои родители много своего свободного времени проводят за компьютером и в Интернете	52	25	24,3	22,7	23,6	24,5
Мои родители стараются быть в курсе технических новинок	56	44,7	50	33,6	45,5	44,6
Мои родители стремятся покупать новые, самые современные гаджеты	48	34	23,2	28,2	26,8	27,9
Мои родители хотят, чтобы я получил навыки работы с компьютером и Интернетом больше, чем дают в школе	52	48,2	34,9	41,9	39,6	40,3

Согласно нашей гипотезе, особенности применения родителями ИКТ выступают одним из ключевых факторов, определяющих их отношение к активности школьников в Интернете. Старшеклассникам в ходе опроса было предложено оценить, насколько они согласны с рядом утверждений, касающихся использования ИКТ их родителями: «Мои родители на работе в основном работают с компьютером и Интернетом»; «Мои родители много своего свободного времени проводят за компьютером и в Интернете»;

«Мои родители стараются быть в курсе технических новинок»; «Мои родители стремятся покупать новые, самые современные гаджеты»; «Мои родители хотят, чтобы я получил навыки работы с компьютером и Интернетом больше, чем дают в школе». Далее были построены корреляционные таблицы парных взаимосвязей, после чего в итоговой таблице (табл. 3) были представлены результаты сумм процентов ответов «абсолютно согласен» и «скорее согласен». Так, например, среди опрошенных подростков, считающих, что родители не ограничивают им время в Интернете, 54 % абсолютно согласны и согласны с утверждением о том, что их родители в основном работают с компьютером и Интернетом.

Достаточно интересной представляется взаимосвязь между стилем поведения родителей по отношению к времяпрепровождению детей в Интернете и особенностями использования родителями ИКТ. Из тех, кто придерживается запретительного стиля поведения, больше половины работают в основном с компьютером и Интернетом, а среди сторонников ограничивающего стиля — половина или менее. Среди сторонников запретительного стиля больше тех родителей, кто проводят много свободного времени с ИКТ (52 %), а среди придерживающихся неограничивающего стиля таких всего 23,6 %.

Если оценить эти данные в контексте с другими полученными данными, а также зная, что в территориях, в которых проводился опрос, почти нет работников высокотехнологичных отраслей экономики, можно было обоснованно предположить, что часть родителей запрещает детям проводить время в Интернете потому, что материально-технические возможности семьи не позволяют пользоваться цифровыми гаджетами и Интернетом всем членам семьи одновременно и в неограниченном количестве.

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты носят достаточно дискуссионный характер. Запретительный стиль родителей если и встречается, то скорее связан с особенностью семьи — многодетностью и более низким материальным положением. По нашему мнению, преобладание неограничивающего стиля поведения родителей по отношению к активности старшеклассников в Интернете связано с целым рядом факторов: это и возрастные особенности старшеклассников, объективно влекущие за собой снижение возможностей родительского контроля; и растущая учебная необходимость в использовании компьютера и Интернета для самоподготовки; и в целом не сложившиеся пока у родителей, проживающих в средних и малых городах, оптимальные формы цифрового родительского посредничества. Безусловно, на отношении родителей сказалась и ситуация с пандемией COVID-19, из-за которой использование ИКТ стало повседневной необходимостью как для старших школьников, так и для самих родителей — как для учебы (работы), так и для общения и отдыха.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. В основном, по оценкам старшеклассников, их родители придерживаются неограничивающего стиля поведения по отношению к времяпрепровождению детей в Интернете. Часть родителей реализует частично-ограничивающий стиль цифрового посредничества, который может касаться установления ежедневных ограничений, связан-

ных либо с распределением нагрузки в рамках учебной недели, либо с успеваемостью. В наименьшей степени родители склонны проявлять запретительный стиль.

2. Хотя стиль поведения родителей по отношению к активности детей в Интернете оказывает определенное влияние на продолжительность времени, которое школьники проводят в сети, необходимо отметить, что запреты и ограничения не приводят к его существенному снижению. Однако применение ограничительных мер родителями снижает количество времени, которое подростки тратят в Интернете на развлекательные виды деятельности.

3. Применение родителями запретительного стиля приводит к тому, что старшеклассники в меньшей степени ощущают выгоды от использования Интернета как в учебной, так и в неучебной деятельности.

4. Применение родителями того или иного стиля поведения в отношении времяпрепровождения детей в Интернете коррелирует с мнением школьников о том, как навыки использования цифровых гаджетов влияют на различные сферы их жизни (см. табл. 2). Абсолютное большинство старшеклассников, родители которых придерживаются неограничивающего стиля, считают, что навыки работы с компьютером и Интернетом помогают им в учебе (94,3 % согласны с данным утверждением) и в хобби (76,3 % согласных), делают их жизнь интереснее (85,2 % согласных). Больше всего тех, кто не ощущает влияния навыков ИКТ на различные стороны своей жизни, оказалось среди тех школьников, чьи родители предпочитают запретительный стиль.

5. Стиль поведения родителей по отношению к времяпрепровождению старшеклассников в Интернете связан с особенностями самих подростков (пол, класс, успеваемость). Неограничивающие стратегии чаще применяются по отношению к девушкам, ученикам одиннадцатых классов, а также хорошо успевающим школьникам. Частично-ограничивающее и запретительное поведение родителей во многом связано с уровнем учебной успешности подростков и используется в основном не как средство воспитания, а как средство наказания.

6. На стиль поведения родителей оказывают влияние такие факторы, как количество детей в семье, социально-экономическое положение семьи, обеспеченность цифровыми устройствами. В семьях с 1 ребенком преобладает неограничивающий стиль цифрового посредничества. Запретительный стиль скорее связан с социально-экономическим положением семьи — многодетностью и более низким материальным положением. При этом было выявлено, что намного чаще ограничивающие стили применяют родители в семьях, где цифровые устройства (ноутбуки, планшеты, настольные ПК) используются совместно всеми членами семьи, а не находятся в личном пользовании подростка.

7. Проверка гипотезы о том, что стиль поведения родителей по отношению к интернет-активности старшеклассников определяется особенностями использования родителями ИКТ, показала неоднозначные результаты. В целом сторонники неограничивающего стиля, по мнению опрошенных школьников, меньше используют ИКТ как в трудовой деятельности, так и в проведении свободного времени.

Направления дальнейших исследований о влиянии родителей на активность детей в Интернете связаны с имеющимися ограничениями данного исследования.

Во-первых, выборку составляли только ученики 8–11-х классов. Закономерно, что чем старше возраст школьников, тем меньше у родителей возможностей контролировать их поведение, в том числе и активность в Интернете. Необходимо формировать понимание того, как родители выстраивают и корректируют свое отношение к активности детей в Интернете по возрастным категориям детей, а также сам процесс того, как меняется это отношение в ходе взросления школьников. Однако в поле зрения ученых попадают в основном отдельные возрастные группы детей (например, дошкольники, подростки и т. д.).

Второе ограничение исследования связано с тем, что изучение мнения школьников проводилось без учета мнения самих родителей по данному вопросу. Представляется вполне вероятным, что мнения и оценки родителей и детей могут не совпадать. Кроме того, для более качественной и обоснованной оценки стилей цифрового посредничества родителей необходимы выявление и анализ социально-психологических характеристик семей, таких как восприятие родителями цифровых навыков своих детей; медийная грамотность и уровень цифровых навыков родителей; взгляды родителей на различные воздействия медиаконтента на их детей; стили воспитания детей; уровень участия и общения родителей и детей, мотивация родителей при использовании ими того или иного стиля цифрового посредничества и оценка ими результатов своего отношения к цифровой активности их детей.

Более углубленное исследование с учетом вышеуказанных факторов позволило бы не только расширить научно-теоретические представления о рассматриваемом вопросе, но и получить практические педагогические результаты, в частности, оценить, насколько применяемые родителями стили цифрового посредничества способствуют или не способствуют развитию их детей, в том числе их успеваемости и социально-психологическому благополучию, и разработать практические рекомендации по формированию оптимальных стилей цифрового посредничества родителей.

Список источников

- [1] Vincent, J. Mobile Opportunities : Exploring Positive Mobile Opportunities for European Children / J. Vincent ; POLIS. – London : the London School of Economics and Political Science, 2015. – URL: https://www.generazioniconnesse.it/_file/documenti/d%20POLIS_Vincent_Mobile-Opportunities_2015.pdf. – Text : electronic.
- [2] Billington, C. How digital technology can support early language and literacy outcomes in early years settings : a review of the literature / C. Billington. – London : National Literacy Trust, 2016. – URL: https://cdn.literacytrust.org.uk/media/documents/2016_06_16_free_research_-_digital_technology_early_literacy_review_2016_oWCanmt.pdf. – Text : electronic.
- [3] Nikken, P. Implications of low or high media use among parents for young children's media use / P. Nikken. – Text : electronic // Cyberpsychology : Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. Special Issue : Young Children's Use of Digital Media and Parental Mediation. – 2017. – Vol. 11, Issue 3. – URL: <https://doi.org/10.5817/CP2017-3-1>.

- [4] Костина, С. Н. Цифровое неравенство школьников в условиях дистанционного обучения : кейс Пермского края / С. Н. Костина, О. Н. Новикова. – DOI 10.14529/ssh210310. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 77–86.
- [5] Baumrind, D. Effects of authoritative parental control on child behavior / D. Baumrind. – DOI 10.2307/1126611. – Direct text // Child Development. – 1966. – № 37 (4). – P. 887–907.
- [6] Орлова, А. В. Стиль семейного воспитания как фактор, влияющий на развитие уверенности у детей школьного возраста / А. В. Орлова. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований : педагогика и психология. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 316–318.
- [7] Internet parenting styles and the impact on Internet use of primary school children / M. Valcke, S. Bonte, B. De Wever, I. Rots. – DOI 10.1016/j.compedu.2010.02.009. – Direct text // Computers & Education. – 2010. – Vol. 55, Issue 2. – P. 454–464.
- [8] Клименко, В. К. Электронные устройства и ребенок : опосредующая роль родителей (по материалам зарубежных исследований) / В. К. Клименко, С. С. Савеньшева. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 4. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN420.pdf>.
- [9] Konok, V. Associations between child mobile use and digital parenting style in Hungarian families / V. Konok, N. Bunford, A. Miklósi. – DOI 10.1080/17482798.2019.1684332. – Direct text // Journal of Children and Media. – 2020. – Vol. 14, Issue 1. – P. 91–109.
- [10] Livingstone, S. How Parents of Young Children Manage Digital Devices at Home : The Role of Income, Education and Parental Style / S. Livingstone, G. Mascheroni, M. Dreier [et al.]. – London, 2015. – URL: http://eprints.lse.ac.uk/63378/1/_lse.ac.uk_storage_LIBRARY_Secondary_libfile_shared_repository_Content_EU%20Kids%20Online_EU_Kids_Online_How%20parents%20manage%20digital%20devices_2016.pdf. – Text : electronic.
- [11] Clark, L. S. Parental mediation theory for the digital age / L. S. Clark. – Direct text // Communication Theory. – 2011. – Vol. 21. – P. 323–343.
- [12] The significance of cultural capital and parental mediation for digital inequity / A. H. Yuen, J. Park, L. Chen, M. Cheng. – DOI 10.1177/1461444816667084. – Direct text // New Media & Society. – 2018. – Vol. 20, Issue 2. – P. 599–617.
- [13] Adigwe, I. Identifying the Moderating and Mediating Variables in Parental Mediation Practices in Nigerian Families in the Digital Age / I. Adigwe. – DOI 10.1177/20563051211033817. – Direct text // Social Media + Society. – 2021. – Vol. 7, Issue 3. – P. 323–343.
- [14] Parental Behaviors and Involvement in Children's Digital Activities among Israeli Jewish and Arab Families during the COVID-19 Lockdown / G. M. Karabanov, M. Asaf, M. Ziv, D. Aram. – DOI 10.1080/10409289.2021.1882810. – Direct text // Early Education and Development. – 2021. – Vol. 32, Issue 6. – P. 881–902.

- [15] Warren, R. Multi-platform mediation : U.S. mothers' and fathers' mediation of teens' media use / R. Warren. – DOI 10.1080/17482798.2017.1349685. – Direct text // Journal of Children and Media. – 2017. – Vol. 11, Issue 4. – P. 485–500.
- [16] Nikken, P. Developing scales to measure parental mediation of young children's internet use / P. Nikken, J. Jansz. – DOI 10.1080/17439884.2013.782038. – Direct text // Learning, Media and Technology. – 2014. – Vol. 39, Issue 2. – P. 250–266.
- [17] Mascheroni, G. The mobile Internet : access, use, opportunities and divides among European children / G. Mascheroni, K. Ólafsson. – Text : electronic // New Media & Society. – 2015. – № 17. – URL: <https://doi.org/10.1177/1461444814567986>
- [18] Shin, W. Parental mediation of children's digital technology use in Singapore / W. Shin, B. Li. – Text : electronic // Journal of Children and Media. – 2017. – Vol. 11, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1080/17482798.2016.1203807>. – Published: 08.07.2016.

References

- [1] Vincent, J. (2015). Mobile Opportunities: Exploring Positive Mobile Opportunities for European Children. London, the London School of Economics and Political Science. (In English). Available at: https://www.generazioniconnesse.it/_file/documenti/d%20__POLIS_Vincent_Mobile-Opportunities_2015.pdf
- [2] Billington, C. (2016). How digital technology can support early language and literacy outcomes in early years settings: a review of the literature. London, National Literacy Trust. (In English). Available at: https://cdn.literacytrust.org.uk/media/documents/2016_06_16_free_research_-_digital_technology_early_literacy_review_2016_oWCanmt.pdf
- [3] Nikken, P. (2017). Implications of low or high media use among parents for young children's media use. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. Special issue: Young Children's Use of Digital Media and Parental Mediation, 11(3). (In English). Available at: <https://doi.org/10.5817/CP2017-3-1>
- [4] Kostina, S. N., & Novikova, O. N. (2021). Digital divide in distance learning: the case of Perm krai. *Bulletin of the South Ural State University. Series: social sciences and the humanities*, 21(3), pp. 77-86. (In Russian). DOI: 10.14529/ssh210310
- [5] Baumrind, D. (1966). Effects of authoritative parental control on child behavior. *Child Development*, (37(4)), pp. 887-907. (In English). DOI: 10.2307/1126611
- [6] Orlova, A. V. (2017). The style of family education as a factor affecting the development of confidence in children of school age. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 6(3(20)), pp. 316-318. (In Russian).
- [7] Valcke, M., Bonte, S., De Wever, B., & Rots, I. (2010). Internet parenting styles and the impact on Internet use of primary school children. *Computers & Education*, 55(2), pp. 454-464. (In English). DOI: 10.1016/j.compedu.2010.02.009
- [8] Klimenko, V. K., & Savenysheva, S. S. (2020). Electronic devices and the child: the mediating role of parents (based on materials from foreign studies). *World of Science. Pedagogy and psychology*, (4). (In Russian). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN420.pdf>

- [9] Konok, V., Bunford, N. & Miklósi, A. (2020). Associations between child mobile use and digital parenting style in Hungarian families. *Journal of Children and Media*, 14(1), pp. 91-109. (In English). DOI: 10.1080/17482798.2019.1684332
- [10] Livingstone, S., Mascheroni, G., Dreier, M., Chaudron, S., & Lagae, K. (2015). *How Parents of Young Children Manage Digital Devices at Home: The Role of Income, Education and Parental Style*. London. (In English).
- [11] Clark, L. S. (2011). Parental mediation theory for the digital age. *Communication Theory*, 21, pp. 323-343. (In English).
- [12] Yuen, A. H., Park, J., Chen, L., & Cheng, M. (2018). The significance of cultural capital and parental mediation for digital inequity. *New Media & Society*, 20(2), pp. 599-617. (In English). DOI: 10.1177/1461444816667084
- [13] Adigwe, I. (2021). Identifying the Moderating and Mediating Variables in Parental Mediation Practices in Nigerian Families in the Digital Age. *Social Media + Society*, 7(3), pp. 323-343. (In English). DOI: 10.1177/20563051211033817
- [14] Karabanov, G. M., Asaf, M., Ziv, M. & Aram, D. (2021). Parental Behaviors and Involvement in Children's Digital Activities among Israeli Jewish and Arab Families during the COVID-19 Lockdown. *Early Education and Development*, 32(6), pp. 881-902. (In English). DOI: 10.1080/10409289.2021.1882810
- [15] Warren, R. (2017). Multi-platform mediation: U.S. mothers' and fathers' mediation of teens' media use. *Journal of Children and Media*, 11(4), pp. 485-500. (In English). DOI: 10.1080/17482798.2017.1349685
- [16] Nikken, P., & Jansz, J. (2014). Developing scales to measure parental mediation of young children's internet use. *Learning, Media and Technology*, 39(2), pp. 250-266. (In English). DOI: 10.1080/17439884.2013.782038
- [17] Mascheroni, G., & Ólafsson, K. (2015). The mobile Internet: access, use, opportunities and divides among European children. *New Media & Society*, (17). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1177/1461444814567986>
- [18] Shin, W., & Li, B. (2017). Parental mediation of children's digital technology use in Singapore. *Journal of Children and Media*, 11(1), pp. 1-19. (In English). DOI: 10.1080/17482798.2016.1203807

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 19.05.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 19.05.2022.

УДК 008

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-56-66

Тенденции развития технологий в контексте глобальных проблем

Богдан Владиславович Лебедев

Кафедра разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Научно-технический прогресс за последние 200 лет вывел человечество на очень высокий, постоянно обновляющийся уровень жизни. Каждый месяц, а иногда и ежедневно мы слышим о новых открытиях и изобретениях в различных сферах: от науки до образования. Человечество в настоящее время едино как сущностно и социально, так и интеллектуально благодаря развитию технологий. Единство и всеобщность знаний и технологий возрастают пропорционально смене поколений, всемирное хозяйство сегодня является крепкой платформой, удерживающей одновременно все аспекты культурно-исторического развития человеческого бытия. Сегодня поиск и определение наиболее перспективных направлений развития человеческого бытия становятся необычайно важными в контексте глобальных проблем. Их актуальность основана на целом ряде тенденций: ускорение процессов общественного развития, мгновенное и всеобщее воздействие современных технологий и средств массовой информации, увеличение антропогенного воздействия на окружающую среду, ярко выраженное обострение задачи выживания человечества и т. д. Человек оказался в абсолютно новой, ранее невиданной и не пройденной ситуации, однозначно требующей философского осмысления.

В данной статье приведен анализ тенденций развития человечества в контексте глобализованного мира. Рассмотрены три основных аспекта развития современного научно-технического прогресса: развитие компьютерных технологий, робототехника и производство роботов, развитие генной инженерии. Статья призывает к более глубокому философскому осмыслению внедряемых технологий.

Ключевые слова: глобальные проблемы, технологии, генная инженерия, информация, человек, общество, Интернет, наука

Для цитирования: Лебедев, Б. В. Тенденции развития технологий в контексте глобальных проблем / Б. В. Лебедев. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-56-66 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 56–66.

Technologies development trends in the context of global problems

Bogdan V. Lebedev

Development and Exploitation of Oil and Gas Fields, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. For the last 200 years humanity reached very high, technological level. Every day we are receiving news about new technologies, inventions and new issues in different categories of human being: from science to education and more. Humanity nowadays connected societally, by entity and we can say that our civilization has common intellect. All this things happened because of constant, continuous connection between people, which is produced by technologies development. Increasing of the technologies level is proportional to the generation changing, today world economy became strong base, which holds every aspect of human being, cultural and historical ways of civilization. Nowadays, searching and finding out mostly perspective ways of human development became very actual in context of global problems. Today our civilization came to the new world, which

we never felt yet. Everyone should look at it with the philosophical view, we should find out every problem, which could be leaded by new technologies, because if we won't do this, our descendants probably couldn't even exist.

In this article showed and analyzed trends of human development in context of human being. We consider the main aspects of the development of modern scientific and technological progress: the development of computer technology, robotics and the production of robots, the development of genetic engineering. Attention is drawn to a deeper philosophical understanding of the technologies being introduced.

Keywords: global problems, technologies, genetic engineering, information, human, society, the Internet, science

For citation: Lebedev, B. V. (2022). Technologies development trends in the context of global problems. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 50-66. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-50-66

Введение

Любой человек, живущий в современном обществе, не может не замечать, насколько много и с какой частотой обновляется информация о достижениях в самых различных сферах человеческого бытия: начиная от совершенствования систем фильтрации воды, заканчивая изобретениями для изучения и освоения далеких космических объектов. Характерность социума определяют способы и средства сбора, обработки, хранения и распределения информации [1]. Этому способствует то, что современное общество крепко связано глобальной сетью под названием Интернет, который и позволяет мгновенно доставлять огромные объемы информации от одного человека другому. Технологическое развитие предоставило истории человечества своего рода направленность. Инструментально полезная информация имеет тенденцию накапливаться из поколения в поколение, так что каждое новое поколение начинало не с начала, и у него была технологически более продвинутая отправная точка, чем у его предшественника [2]. Знания сегодня стали всеобщими и всеобщими, человеческая цивилизация заселила большую часть земного шара, и уже на протяжении 100 лет наблюдается процесс глобализации, который, в свою очередь, притянул за собой ряд известных, пожалуй, каждому человеку глобальных проблем, требующих поиска путей их решения. К числу таковых относят такие проблемы, как проблема демографии, экологии, ограниченность ресурсов, международный терроризм, ядерная угроза, проблема мира и разоружения, а также проблема бедности населения. Все эти проблемы обладают специфичностью развития в двух, иногда очень тесно связанных направлениях. Первое — это вопросы, в основе которых лежит антропогенный характер, что говорит о их связи с социальными факторами внутри человеческого общества и его развитием. Второе — вопросы природного характера, которые также имеют в своем начале человеческий фактор, но, в отличие от первой группы, эти проблемы практически не могут быть решены самим человеком, или же они решаемы при крупном вложении материального фактора. Чрезмерные успехи в покорении природы поставили человеческое существование перед лицом величайшего вызова из всех, порожденных деятельностью самого человека [3].

Исходя из вышеизложенного, цель статьи — анализ направления тенденций мирового развития и взаимодействия человека с ними, формулирование теоретических

положений, а также разработка научных выводов в области перспектив и особенностей развития технологий и их влияния на социальную жизнь человека.

Исходя из поставленной цели определены основные задачи статьи: 1) проанализировать и раскрыть аспекты современных направлений развития технологий; 2) определить социальную значимость для каждой из рассматриваемых технологий; 3) описать современные технологии, которые находятся на стадии введения в использование обществом; 4) определить потенциальную проблему, которую может вызвать внедрение технологии и определить масштабность ее влияния; 5) сформулировать теоретические выводы, разработать практические рекомендации и обозначить необходимость осмысления вновь вводимых технологий.

Необходимость философского осмысления новых изобретений существовала всегда, и в наше время она становится еще более актуальной, поскольку сегодняшний мир уже погружен в процесс глобализации. Дальнейшее существование цивилизации в большей степени зависит от действий, предпринятых нами и нашими современниками сегодня. Эти действия, бесспорно, должны быть направлены на ее сохранение и дальнейшее развитие. Сегодня мы наблюдаем колоссальный рост технологий и изобретений, огромные прорывы в науке и технике, мир вышел на новый, ранее не испытанный уровень развития.

Материалы и методы

Согласно поставленной цели и сформулированным задачам в работе использованы философские (всеобщие) и общенаучные методы (диалектический, системный, синергетический, метод анализа и синтеза и др.). Например, с помощью диалектического метода были определены тенденции и перспективы развития технологий и их влияние на социум; системный метод был использован при анализе и структурировании направлений развития технологий; метод анализа дал возможность понять, какие последствия могут повлечь за собой потенциальные проблемы для всего общества в целом, на это нас уже призывали обратить внимание авторы следующих работ: Н. Н. Понарина «Глобальные проблемы современности в контексте будущего человечества» (2016 год), Л. Н. Шабатура «Проблема человека в метафизических координатах русского космизма» (2016 год), М. В. Савин «Массовизация науки в контексте современности: социокультурный аспект» (2015 год), Г. Йонас «Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации» (2004 год), А. В. Горохова «Основные теории медиаиндустрии и коммуникаций в современном массовом обществе» (2009 год), Т. Л. Иванова «Концептуальные основы и приоритеты стратегического планирования и управления» (2020 год), и др.

Для достижения поставленной цели были рассмотрены материалы работ Гордона Мура, Чарльза Дарвина и Марка Цукерберга. Основываясь на данных источников, были приведены и проанализированы современные технологии, тенденции их развития и направления совершенствования. Кроме того, с помощью анализа уже существующих на сегодняшний день технологических и научных решений были сделаны прогнозы результатов внедрения новых технологий в социологическом аспекте для человечества.

Данные материалы использовались для получения результатов и проведения обсуждений путем применения методов исследования, описанных выше.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим направление, связанное с научно-техническим прогрессом: выделим три основных глобальных направления развития науки и техники (развитие компьютерных технологий, робототехника и производство роботов, развитие генной инженерии) и остановимся подробнее на каждом из них.

Развитие компьютерных технологий

Поскольку современному миру присуще ежедневное непрерывное обновление, и практически любая информация доступна почти каждому человеку, развитие всех аспектов человеческого бытия в наше время происходит с небывалой ранее скоростью, которую порой сложно отследить. Многие ученые пытаются эмпирическим путем описать изменчивость нашего мира и предсказать, в какую сторону суждено повернуть человечество. Кроме них, множество писателей-фантастов и футурологов размышляют над этими изменениями, пытаясь продумать различные сценарии развития науки, техники и человечества в целом. К примеру, Гордон Мур еще в 1965 году выявил закономерность, впоследствии названную законом Мура — эмпирическое наблюдение, изначально сделанное Гордоном Муром, согласно которому (в современной формулировке) количество транзисторов, размещаемых на кристалле интегральной схемы, удваивается каждые 24 месяца [4]. И действительно, спустя годы мы наблюдаем выполнение этого закона. С социологической точки зрения этот закон представляет собой тенденцию прогресса человеческого развития, он указывает на то, с какой скоростью выполнения компьютерных операций увеличивается каждый год, и, следовательно, проецируется на скорость развития человеческой цивилизации в целом. Благодаря этому закону и многим другим человечество в последнее время демонстрирует колоссальные тенденции развития технологий и техники, по сравнению с тем, чем мы могли довольствоваться 50 лет назад. Это позволило в разы упростить анализ социальных и культурологических связей, стабилизировать работу социальных институтов и различных организаций, занимающихся различными аспектами человеческого бытия. Рассмотрим более подробно эти направления деятельности.

Вместе с развитием техники развивались и возможности, которые она могла предоставить. Цифровизация охватила практически все, что создал человек, и объемы данных начинают работать на человека, создаются все более технологически развитые машины и компьютеры, включающие в себя миллионы сложных в создании и установке деталей. Благодаря этому медицинские организации получили возможность отслеживать, своевременно ли врачи и медсестры проводят необходимые процедуры; многие банки видят и устраняют проблемы еще до того, как их клиенты заметят проблему; городские транспортные службы могут настроить длительность работы светофоров в зависимости от концентрации потока автомобилей, что помогает избежать заторов трафика; рестораны могут отслеживать количество посетителей и отталкиваться от этого

для своевременного приготовления блюд во избежание очередей. Этот список можно продолжать, и он коснется почти любой сферы деятельности.

Создание мировой сети Интернет повлекло за собой ряд необратимых изменений в жизни человека. Самое важное из них — мгновенная коммуникация, доступная каждому и в любом месте. Сети имеют тенденцию активно расширяться и обновляться. Именно благодаря сетям человечество настолько далеко шагнуло вперед за последние 100 лет. Развитие человечества пропорционально скорости распространения информации. Именно сети являются этой высокоскоростной связью человека и информации.

Для того чтобы упростить коммуницирование между сервисами и людьми, были придуманы различные помощники. Сегодня наблюдается повсеместное внедрение помощников в программы и устройства пользователей. Почти все разработчики стараются предугадать желания пользователей для того, чтобы их продукт был более привлекательным для их клиентов. Также наблюдается развитие и массовизация облачных хранилищ информации, когда данные хранятся не на устройствах, а на серверах, называемых облаками. Естественно, такой способ довольно-таки уязвим, поэтому разработчики стараются прибегать к защите данных пользователей. Шифрование и информационная безопасность становится необходимой частью человеческой жизни сегодня. Фактически же в условиях современного общества любой, даже очень юный хакер, обладающий базовыми навыками программирования и инструментами взлома, может беспрепятственно заполучить доступ к почти любому устройству. А если это будет более подкованный хакер? Сможет ли он взломать государственные серверы? Получить доступ к секретной информации? Какие последствия он сможет создать своими действиями для человеческого бытия? Может быть украсть коды запуска ядерного оружия? Эти вопросы также являются важными для философского осмысления, поскольку они касаются каждого человека.

В наше время создатели технологий очень часто обращаются к жанрам научной фантастики, которые вдохновляют их на создание продуктов. Мы наблюдаем рост популярности виртуальной реальности: многие разработчики оптимизируют свои приложения и игры под формат виртуальной реальности. Марк Цукерберг, известный интернет-предприниматель, в октябре 2021 года объявил о создании вселенной под названием Meta, где пользователи смогут перемещаться в другие виртуальные миры, покупать и продавать товары, работать, жить и отдыхать. Сейчас метавселенную создают более 10 тыс. сотрудников. В итоге должен получиться виртуальный мир с виртуальной реальностью и технологиями альтернативной реальности [5].

Многие главы государств уже высказали свое мнение по поводу данной разработки, что не может не радовать, однако следует более глубоко изучить этот вопрос, так как данная технология, безусловно, повлияет на большинство населения нашей планеты. Этот довод подтверждается тем, что ранее Марк Цукерберг уже сумел создать нечто неотъемлемое от бытия почти каждого современного человека — социальную сеть.

Сегодня мы видим, как социальная сеть изменила поведение человека в обществе. Сложно представить жизнь в современном мире без использования этих сетей. Само название указывает на социальный аспект данной технологии, безусловно, она

несет социальную значимость для всего человечества. С социологической точки зрения социальная сеть в современном обществе играет роль инструмента коммуникаций, она упрощает взаимодействие людей на расстоянии и помогает собирать информацию о них [6]. С другой стороны, люди стали зависимыми от этих сетей, каждый пытается проявить себя в этом виртуальном пространстве, обращая большую часть своего времени в сторону увеличения своей популярности, подписчиков, публикаций и т. д. И это не странно, если обратить внимание на название — «социальная сеть». Делаем вывод, что данный феномен носит двоякий характер: с одной стороны, социальные сети помогают нам уменьшить времязатратность на коммуникации, с другой стороны — мы тратим время на увеличение своей популярности, количества просмотров и посещений профиля. Исходя из этого, возникает вопрос: что полезного для социума понесет за собой внедрение метавселенной? Упростит ли она нам жизнь или станет новой зависимостью человека от виртуального мира? Кроме того, стоит задуматься над тем, как одновременно с развитием цифровых технологий возникли серьезные проблемы с конфиденциальностью информации [7]. Эти вопросы в настоящее время приобретают социологическую значимость, и нам следует обращать на них внимание.

Робототехника и производство роботов

С каждым годом область применения роботов расширялась, захватывая кроме производства и другие сферы человеческой деятельности. Особенно хорошо роботы зарекомендовали себя в процессах сборки в самых различных отраслях машиностроения. Начиная со времен Генри Форда, который изобрел конвейерный способ сборки своих автомобилей, роботы, практически не совершающие ошибок, трудятся эффективнее, чем люди. Кроме того, немаловажным фактором применения роботов стало то, что они стоят для работодателя дешевле, чем наемные работники. Обычно производственные роботы работают на программном обеспечении, которое заточено под узкий круг работ, однако сегодня на некоторых производственных предприятиях стали применять роботов с элементами искусственного интеллекта. Более сложное программное обеспечение позволило им решать многозадачные проблемы и выполнять более сложные действия [8].

Безусловно, для человеческого социума применение роботов, с одной стороны, является положительным социологическим аспектом. Уменьшение физического труда, снижение вредных факторов производства, повышение точности исполнения — эти и многие другие показатели положительно влияют на общество в целом. С другой стороны, замещение роботами человека влияет на уровень безработицы в современных социально-экономических системах. Многие люди остаются без работы, кто-то находит в себе силы для поиска новых путей заработка, но большинство, как правило, остаются ни с чем. К большому сожалению, не все страны должным образом заботятся о таких людях, большинство из них больше заботят экономические аспекты, нежели социальные. Хочется верить в то, что человечество придет к некому балансу, и с развитием технологий мы научимся в какой-то степени снижать этот дисбаланс. Мы не говорим об утопическом обществе, мы просто хотим показать, куда может привести людей гонка за новыми технологиями и в то же время обозначить снижение значимости социоло-

гических факторов. Рассмотрим направление развития технологий, которое связано с искусственным интеллектом.

Многие в наше время говорят о создании искусственного интеллекта, который за доли секунды может обрабатывать колоссальное количество информации, проводить расчеты и по задумке призван упростить познание человеком Вселенной, в которой он живет. Однако стоит задуматься над ограничением импульсов к созданию столь сложного механизма, поскольку природа его на сегодня довольно аморфна и неясна для понимания человеческим разумом. Для того чтобы прийти к созданию чего-либо подобного, человек должен четко осознавать, как этим он будет управлять, ведь иначе у искусственного интеллекта будут все возможности и инструменты для того, чтобы поработить человечество: огромная вычислительная мощность, Интернет, роботы и их программное обеспечение, способность мыслить и развиваться. Этот феномен можно приравнять к ряду глобальных проблем, поскольку он так же, как и они, заслуживает тщательного, глубокого философского осмысления.

Генная инженерия

Эпоха современного человека способствовала развитию не только техники. Благодаря Чарльзу Дарвину человечество смогло осознать, что такое эволюция. Эти мысли поколебали старые устои в головах людей, пришло осознание того, что человек является не чем-то первозданным и неизменным, а результатом длительного развития и приспособления к новым внешним факторам. Известно, что конец XIX века стал началом новой индустриальной эпохи, в которую человек со всеми его ценностями и установками забежал, и с тех пор только ускоряется. В то же время появляется столь уникальная, ранее не обсуждаемая теория, которая завоевывает множество последователей.

Уже в конце XX века развитие исследований в области генетики предложило мощные средства воздействия на физическую природу человека вплоть до возможности генетического изменения особенностей человеческого организма и его способностей.

В 1962 году нобелевским лауреатом стал создатель описания молекулы ДНК. В 1973 году впервые удалось отделить друг от друга части генома, а затем соединить их снова. А уже в 2003 году геном человека был расшифрован. Соразмерно с развитием технологий развилась и генетика. В настоящее время уже известен случай успешной пересадки сердца свиньи в человеческое тело, а также много других удивительных по своей природе открытий и преобразований.

Эти открытия, несомненно, позволят справиться со многими болезнями, перед которыми медицина пока бессильна. Однако в результате этих же открытий стала настоящей реальной опасностью изменения человеческой природы. Именно в начале XXI века сохранение природы человека перешло в разряд самых серьезных глобальных проблем.

Человеку на сегодня удалось познать лишь немногие тайны бытия, он только начал свой путь к высокотехнологическому обществу. Многие картины, ранее наблюдаемые только в воображении, сегодня становятся реальностью. Благодаря улучшению санитарно-гигиенических норм, человечество продлило жизнь своих представителей,

многим из которых удалось избавиться от осознания своей беспомощности перед судьбой и приступить к воплощению в действительность своих представлений мира, которые ранее были доступны лишь в их воображении. Бесспорно, с точки зрения общества, увеличение продолжительности общества повлияло на социокультурный аспект. Влияние развития медицины тесно связано с развитием человечества в последнее время. Без ее модернизации и, следовательно, увеличения продолжительности жизни были бы невозможны столь резкие тенденции развития технологий и науки. В жизни человечества все аспекты взаимосвязаны: развитие санитарии повлекло за собой снижение смертности и увеличение продолжительности жизни, что, в свою очередь, повлекло за собой увеличение количества опыта, приходящегося на каждого человека, который, в свою очередь, дал возможность развитию науки и, следовательно, технологий. Эту цепочку можно продолжать, при этом суть взаимосвязи между отраслями не будет изменяться. Сегодня мир глобализирован, развитие технологий, с одной стороны, принесло обществу упрощение во многих сферах, но, если взглянуть с другой стороны, люди оказались в новом состоянии с новыми проблемами.

Человечеству, познавшему некоторые из тайн бытия, законов развития природы и общества, удалось избавиться от гнетущего ощущения беспомощности перед фатальной предопределенностью собственной судьбы и осознать, что оно способно создавать в своем воображении не только фантастические картины будущего [9]. Природа человека довольно проста и предсказуема: мы стремимся обуздать все что видим и подчинить это под свои нужды. Говоря о развитии генетики в контексте социологического акцента, мы замечаем, что в современном обществе многие возможности, которые открываются перед цивилизацией, недоступны для «простого» человека. В современном общественном строе привилегии отданы тем, у кого есть инструмент, являющийся по своей сути единственной его опорой, — деньги. Финансовый инструмент, о котором мы думаем и слышим каждый день, он стал в наше время главным фактором выживания в современной системе. Если посмотреть на общество со стороны, складывается впечатление несправедливости: одним доступны блага общества, а другие ждут годами, чтобы получить желаемое. Возможно, развитие генной инженерии выведет социум на более высокий уровень развития, как это сделала санитария, но для этого сначала необходимо решить другие социально значимые проблемы человечества.

Выводы

Подводя итог, хочется сказать, что развитие новых технологий, робототехники и генной инженерии, безусловно, необходимо для дальнейшего существования человека и общества, однако требуется тщательно и кропотливо изучать новые процессы, явления и технологии, внедряемые в нашу жизнь. Поскольку один, даже довольно незначительный, упущенный из вида аспект может стать фатальным и привести к глобальному краху не только человеческой цивилизации, но и всего живого на нашей планете. Подлинная цель развития — не в высоких технологиях (это лишь инструмент и средство), а в более высоком уровне понимания и воплощения смысла жизни человека и мира [10]. Поэтому наше поколение должно позаботиться не только о том, чтобы у наших потом-

ков была более продвинутой отправная точка, но и о том, чтобы она вообще могла экзистенциально существовать. Трансформационные сдвиги в развитии ключевых процессов мировых национальных экономик сопровождаются волатильностью и неустойчивостью их ведущих индикаторов, вызывают значительные изменения в различных сферах жизнедеятельности [11]. Для того чтобы осознавать, какие последствия повлекут за собой вновь вводимые в общество новшества, необходимо более тщательное и глубокое философское осмысление новых технологий и разработок, каждый человек должен осознавать, чем он пользуется, для этого необходима массовизация философии не только как инструмента определения, но и как мировоззрения, поскольку для выживания человеческого вида необходимы прагматичность и дальновидность [12]. Философия, в свою очередь, является единственным возможным способом достичь этого.

Перспективным решением на сегодняшний день может стать внедрение программ изучения философии не только в университетах, но и в школах, поскольку, как показывает практика, люди в юном возрасте гораздо лучше усваивают материал, и это позволит дать толчок массовизации философии, и тем самым увеличится вовлеченность населения в процессы решения не только проблем, связанных с технологиями, но и всех глобальных проблем.

Другим, не менее значимым направлением в области решения этих задач может стать создание новых и расширение действующих организаций, деятельность которых направлена именно на обсуждение и осмысление данных задач, а также поисков решений проблем. Безусловно, правительственным организациям стоит прислушиваться к мнениям ученых философов и социологов, в противном случае цивилизация может прекратить свое существование уже в ближайшие поколения.

В заключение хочется отметить, что круг заинтересованных лиц в философских вопросах не только в науке и технике, но и во многих других аспектах человеческого бытия растет пропорционально развитию технологий, что не может не радовать, однако, в процентном соотношении это число довольно-таки мало в сравнении с приростом людей, заинтересованных в развитии только науки и техники. Причина игнорирования философии этой социальной группой довольно ясна и лежит на поверхности: они никогда не изучали философию, или если даже и касались ее, то только лишь на поверхностном уровне. Именно для того, чтобы повысить вовлеченность социума в целом в данные вопросы, стоит давать людям понимание: для чего нужна философия, и в чем ее полезность с научной точки зрения.

Философское осмысление развития направлений технологического прогресса, в свою очередь, поможет человеческой цивилизации продолжать свое развитие, не создавая при этом неудобств окружающей среде. Анализируя все положительные и отрицательные аспекты технологий, в частности робототехники, производства роботов и генной инженерии, мы, несомненно, придем к улучшению качества жизни социума, увеличению продолжительности жизни человека, снижению вероятности возникновения глобальных катастроф различного характера. Сейчас наше общество находится на постиндустриальной стадии развития, в нем преобладают инновации и технологии, и, для того чтобы эти новшества закрепились в жизни человека, не погубив его, их осмысление с философской точки зрения необходимо.

Список источников

- [1] Информационно-компьютерные технологии в контексте современного развития философии XXI века в России и мире / В. Е. Скачок, А. М. Демьяненко, Е. А. Демьяненко, Р. В. Меньшугин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 29 (133). – С. 649–651.
- [2] Bostrom, N. The Future of Humanity / N. Bostrom. – DOI 10.1057/9780230227279_10. – Direct text // New Waves in Philosophy of Technology – 2009. – P. 186–215.
- [3] Йонас, Г. Принцип ответственности : Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас ; перевод с немецкого И.И. Маханькова. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 480 с. – Перевод изд.: Das Prinzip Verantwortung / Hans Jonas. Frankfurt am Main, 1979. – Текст : непосредственный.
- [4] McFeatters, A. Fred Rogers gets Presidential Medal of Freedom, Pittsburg Post-Gazette / A. McFeatters. – Text : electronic. – 2002. – URL: www.post-gazette.com.
- [5] Newton, C. MARK IN THE METAVERSE : Facebook's CEO on why the social network is becoming 'a metaverse company' / C. Newton. – Text : electronic. – URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview>. – Published: July, 22, 2021.
- [6] Горохова, А. В. Основные теории медиа-индустрии и коммуникаций в современном массовом обществе / А. В. Горохова. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2009. – № 12. – С. 43–55.
- [7] Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности / Л. В. Чеснокова. – DOI 10.17726/philIT.2021.2.2. – Текст : непосредственный // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства – 2021. – № 2 (20). – С. 22–38.
- [8] Косоруков, А. А. Роботизация в сфере государственного управления / А. А. Косоруков. – Текст : электронный // Социодинамика. – 2019. – № 11. – С. 65–76. – URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.11.30787>
- [9] Понарина, Н. Н. Глобальные проблемы современности в контексте будущего человечества / Н. Н. Понарина. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 274–276.
- [10] Шабатура, Л. Н. Проблема человека в метафизических координатах русского космизма / Л. Н. Шабатура. – Текст : непосредственный // Общество : философия, история, культура. – 2016. – № 3. – С. 9–11.
- [11] Иванова, Т. Л. Концептуальные основы и приоритеты стратегического планирования и управления / Т. Л. Иванова. – Текст : непосредственный // Россия : тенденции и перспективы развития : материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России : приоритеты, проблемы, решения», Москва, 18–19 декабря 2019 г./ Отв. ред. В. И. Герасимов. – Выпуск 15. Часть 1. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 104–110.

- [12] Савин, М. В. Массовизация науки в контексте современности : социокультурный аспект : специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Савин Максим Владимирович. – Нижний Новгород, 2015. – 23 с. – Место защиты: Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Skachok, V. E., Dem'yanenko, A. M., Dem'yanenko, E. A., & Men'shugin, R. V. (2016). Informationsionno-komp'yuternye tekhnologii v kontekste sovremennogo razvitiya filosofii XXI veka v Rossii i mire. *Young Scientist*, (29(133)), pp. 649-651. (In Russian).
- [2] Bostrom, N. (2009). The Future of Humanity. *New Waves in Philosophy of Technology*, pp. 186-215. (In English). DOI: 10.1057/9780230227279_10
- [3] Jonas, H. (1979). *Das Prinzip Verantwortung*. Frankfurt am Main. (In German).
- [4] McFeatters, A. (2002). Fred Rogers gets Presidential Medal of Freedom, *Pittsburg Post-Gazette*. (In English). Available at: www.post-gazette.com
- [5] Newton, C. (2021). MARK IN THE METAVERSE: Facebook's CEO on why the social network is becoming 'a metaverse company'. (In English). Available at: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview>
- [6] Gorokhova, A. V. (2009). The basic theories of the media-industry and communications in the modern mass society. *Voprosy filosofii*, (12), pp. 43-55. (In Russian).
- [7] Chesnokova, L. V. (2021). Lurring the line between publicity and privacy on social media and the privacy paradox. *Philosophical problems of information technology and cyberspace*, (2(20)), pp. 22-38. (In Russian). DOI: 10.17726/philIT.2021.2.2
- [8] Kosorukov, A. A. (2019). Automation in the area of public administration. *Socio-dinamika*. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.11.30787>
- [9] Ponarina, N. N. (2012). Global'nye problemy sovremennosti v kontekste budushchego chelovechestva. *Society and law*, (1(38)), pp. 274-276. (In Russian).
- [10] Shabatura, L. N. (2016). The problem of human being in metaphysical coordinates of Russian cosmism. *Society: philosophy, history, culture*, (3), pp. 9-11. (In Russian).
- [11] Ivanova, T. L. (2020). Kontseptual'nye osnovy i priority strategicheskogo planirovaniya i upravleniya. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy XIX Natsional'noy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Modernizatsiya Rossii: priority, problemy, resheniya"*, Moscow, December, 18-19, 2019. Vypusk 15, chast' 1. Moscow, Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2020, pp. 104-110. (In Russian).
- [12] Savin, M. V. (2015). *Massovizatsiya nauki v kontekste sovremennosti: sotsiokul'turnyy aspekt* Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Nizhniy Novgorod, 23 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

УДК 681.5.622.32

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-67-76

Мотивационный механизм у разных групп вахтового персонала в Арктике

Алексей Михайлович Переладов¹, Анатолий Николаевич Силин²

¹Отдел кадров, ООО «Газпром добыча Надым», Надым, Россия

²Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены концептуальные и практические вопросы использования вахтового труда при освоении Арктических широт России, проявившиеся и латентные проблемы, характерные тенденции и возможности их решения при реализации крупномасштабных проектов освоения месторождений газа. В исследовании представлены результаты анализа социальной ситуации в трудовых коллективах газовых промыслов крупного газодобывающего предприятия, изучены основные потребности вахтового персонала, выделены ключевые мотивационные детерминанты работников газовых промыслов в зависимости от их возраста, дана оценка их мотивационной среды. Изучены социально-психологические условия, стимулирующие персонал на эффективный труд в разрезе поколенческих различий на основе теории X, Y, Z (теория Н. Хоу, В. Штрауса). На основе сравнительного анализа мотивационных предпочтений сотрудников различных поколений предложены меры по повышению мотивационного потенциала и совершенствованию социально-психологических аспектов управления вахтовым персоналом.

Ключевые слова: мотивация труда, вахтовый персонал, удовлетворенность условиями труда, мотивационные детерминанты, газодобывающее предприятие

Для цитирования: Переладов, А. М. Мотивационный механизм у разных групп вахтового персонала в Арктике / А. М. Переладов, А. Н. Силин. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-67-76 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 67–76.

Motivational mechanism in different groups of shift worker personnel in the Arctic

Alexey M. Pereladov¹, Anatoly N. Silin²

¹Human Resources Department, Gazprom dobycha Nadym LLC, Nadym, Russia

²Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article discusses the conceptual and practical issues of the use of shift work in the development of the Arctic, the latent problems that have emerged, characteristic trends and the possibility of their solution in the implementation of large-scale projects for the gas field development. The study presents the results of the analysis of the main socio-psychological characteristics of the labor collectives of the gas fields of a large gas producing enterprise; the basic needs of shift personnel are studied; the key motivational determinants of gas field workers are identified depending on their age, and an assessment of their motivational environment is given. The socio-psychological conditions stimulating personnel for effective work in the context of generational differences were studied on the basis of the X, Y, Z theory (theory of N. Howe, W. Strauss). Based on a comparative analysis of the motivational preferences of employees of different generations, measures are proposed to increase the motivational potential and improve the socio-psychological aspects of shift personnel management.

Keywords: labor motivation, shift worker personnel, satisfaction with working conditions, motivational determinants, gas production enterprise

For citation: Pereladov, A. M. & Silin, A. N. (2022). Motivational mechanism in different groups of shift worker personnel in the Arctic. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (2), pp. 67-76. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-67-76

Введение

Обеспечение стратегических отраслей экономики Российской Федерации квалифицированным кадровым составом традиционно является приоритетной задачей для государства и компаний. Человеческий капитал приобретает все большее значение и оказывает существенное влияние на повышение эффективности деятельности многих отраслей. Нефтегазовая отрасль не является исключением. Территориальная удаленность месторождений, вахтовый метод работы, высокая напряженность труда, оторванность от привычных условий цивилизации, неблагоприятные климатические условия северного региона диктуют необходимость разработки новых подходов к кадровой политике предприятия, основная часть работников которого является вахтовым персоналом и задействована на удаленных месторождениях Крайнего Севера [1; 2]. Проблемы управления вахтовым персоналом, повышение эффективности его труда связаны в основном с недостаточной изученностью социальных аспектов, в том числе в разрезе возрастных и поколенческих групп.

Активное освоение Крайнего Севера пришлось на 70–80-е годы прошлого столетия, когда было начата крупномасштабная реализация сырьевых и инфраструктурных проектов регионов Крайнего Севера. Со всей страны в Арктические широты по комсомольским путевкам ехали люди, увлеченные идеей строительства светлого будущего, открывали месторождения нефти и газа, строили города и поселки в крайне сложных климатических условиях. На этапе освоения месторождений практически отсутствовали какие-либо бытовые и социальные условия: работники проживали в вагончиках и больших железных бочках, которые удобно было перемещать с места на место. Продуктами и необходимыми предметами быта люди были достаточно обеспечены только в периоды навигации, в остальное время доставка осуществлялась по «зимникам» (временным зимним дорогам). Такой мобильный мультилокальный образ жизни не пугал персонал, молодые люди продолжали ехать на Север, привозили свои семьи, устраивали быт, воспитывали детей. Впоследствии, когда среди тундры вблизи каждого крупного месторождения был основан город или поселок, многие продолжали жить во «временках» еще долгие годы. Основными мотивационными факторами того поколения людей были идеи строительства коммунизма, романтика Севера, хороший заработок.

Поколение первопроходцев Севера, согласно теории Н. Хоува, В. Штрауса, авторы назвали бэби-бумеры [3]. Люди, рожденные в послевоенные годы (1944–1963 гг.) готовы были работать «без продыху», во благо государства. Это поколение достаточно рациональных и экономных людей, огромное внимание уделяющих духовным и моральным ценностям. У них был и есть до сих пор собственный моральный кодекс, своя

система взглядов, которой они руководствуются всю жизнь. Пионерия, комсомол, коммунистическая партия, рабочие бригады — все эти общественные «ячейки» развивали у представителей этого поколения склонность к коллективизму, при этом не отрицая наличия лидера и индивидуальности [4].

После снятия пиков активного освоения Арктической зоны встала проблема высвобождения работников с месторождений, прежде всего, строителей, а затем и газовиков из-за постепенной выработки месторождений. На смену традиционной системе организации труда пришел вахтовый метод работ, который практикуется и в настоящее время почти всеми крупными газодобывающими предприятиями региона. Под вахтовым методом принято считать такой метод, в котором выполнение работ осуществляется силами мобильных подразделений с регулярным выездом работников на объекты (газовые промыслы), удаленные от места постоянного жительства работников. При этом ежедневные трудовые поездки нецелесообразны. Во время трудовой деятельности вахтовые работники проживают в специально построенных временных вахтовых жилых поселках (ВЖК), функции которых ограничены удовлетворением базовых потребностей вахтовиков, проживающих в них без своих семей, а в период межвахтового отдыха возвращающихся на место постоянного проживания [5].

Крупные газодобывающие предприятия с каждым годом стремятся улучшать условия труда и социально-бытового окружения работающих, не ограничиваясь удовлетворением только первичных потребностей вахтовых работников. На ВЖК возводятся и активно эксплуатируются спортивные, социально-культурные объекты (спортзалы, бассейны, медицинские комплексы, концертные залы и т. д.). Руководство газодобывающих предприятий стало уделять внимание и социально-психологическим аспектам развития коллективов, на протяжении двух десятилетий систематически проводится мониторинг социально-психологического климата в коллективах, отслеживаются явные и скрытые проблемные зоны, уровень удовлетворенности работой.

За последние 15–20 лет в современном обществе у работников, в том числе и вахтового труда, изменились интересы и потребности в сфере труда: повысились требования к условиям труда, стремление к комфортному окружению на рабочем месте. На смену поколению беби-бумеров пришло поколение X (1964–1982 гг.), которое отличалось от своих родителей самостоятельностью, у них наиболее выражена основа на жизненный опыт, готовность к переменам, расчет на собственные силы. При выборе работы люди этого поколения руководствуются возможностью проявить свои умственные и творческие способности. Такие работники также отличаются высокой работоспособностью. Однако посвятить себя полностью работе они уже не готовы. Поколение X достаточно прагматично, выполняет трудовые обязанности ради своего благополучия и благополучия семьи, уходит на второй план работа на благо Родины.

Новое поколение молодых людей (согласно поколенческой теории Н. Хоува, В. Штрауса — миллениумы или Y) — отличительно новое общественное явление, родившиеся в период с 1983 по 2000 годы, сейчас вступают в фазу активной деятельности. Для миллениумов характерно почти полное отсутствие каких-либо идеалов, авторитетов, административное давление предпочитают сотрудничеству, для общения и поиска необходимой информации используют Интернет и социальные сети. Это поко-

ление технически подкованных людей, которые с ранних лет пользуются мобильными телефонами и другими девайсами. Миллениумов отличает склонность принимать решения очень быстро, так как они считают, что другой возможности может и не быть. «Y» гибки и устойчивы к происходящим изменениям, эгоцентричны и часто упоминаются как эгоистическое поколение «Я». Стоит отметить, что миллениумов отличает склонность к быстрому потреблению и желанию быстро достигать высоких результатов. Для них не характерен длительный процесс труда в работе. Они ценят опыт и с удовольствием тратят деньги на развлечения, идеалом является «американская мечта» — возможность быстро и без усилий достичь успеха и материального благополучия.

Материалы и методы

Исследование проводилось на материалах опросов вахтового персонала ООО «Газпром добыча Надым». Это дочернее предприятие ПАО «Газпром», занятое добычей и подготовкой газа и газового конденсата на территории Арктики. На предприятии занято более 10 тыс. человек, половина которых работает вахтовым методом. В сферу их деятельности входят следующие месторождения: Медвежье, Юбилейное и Ямсовейское в Надым-Пур-Тазовском регионе Ямало-Ненецкого автономного округа, Бованенковское и Харасавэйское на полуострове Ямал и в перспективе Крузенштернское и шельф Карского моря.

Социологическое исследование проводилось по оригинальной авторской методике, опираясь на методологию, изложенную в работах [6; 7].

Опросы вахтового персонала, проведенные по репрезентативной выборке под руководством и при участии авторов, начиная с 2010 года, осуществлялись на рабочих местах и в пунктах ожидания транспорта. Ежегодно опрашивалось около 1 тыс. человек, с использованием инструментария, приведенного в работе [5].

Результаты исследования

Важным условием формирования мотивационного механизма работников является определение факторов мотивации труда на конкретном предприятии. Своевременное определение в ходе опросов и последующий анализ факторов внешней и внутренней среды, преобладающие мотивационные детерминанты возрастных поколений позволяют прогнозировать возможные последствия, формировать мероприятия по устранению возможных негативных последствий, продумывать стратегию управления на ближайшую и долгосрочную перспективу [8].

Данные социологических исследований трудовых коллективов газовых промыслов крупного газодобывающего предприятия, проведенных в период с 2005 по 2020 годы, свидетельствуют о наличии существенных отличий в удовлетворенности своим трудом, преобладающих ценностных ориентаций работников разных поколений. На рисунке 1 представлены данные удовлетворенности трудом вахтового персонала.

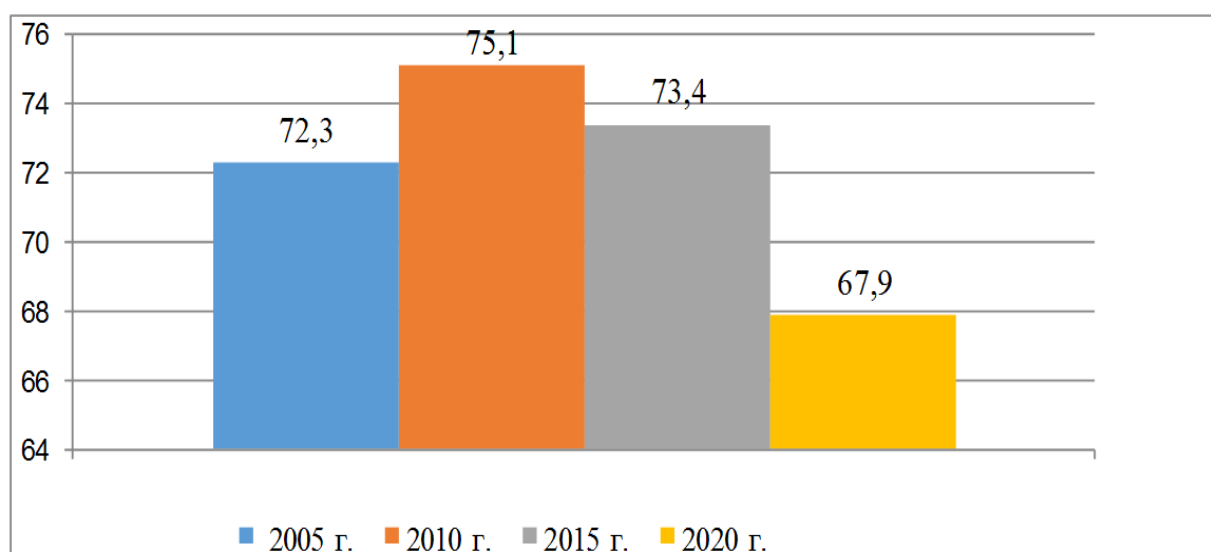

Рис. 1. Удовлетворенность трудом вахтовых работников 2005–2020 гг., %

Анализируя представленные данные удовлетворенности трудом, мы видим, что несмотря на усилия работодателей в улучшении социальных условий, совершенствовании кадровой политики удовлетворенность работников падает, тренд ее снижения очевиден. Проведенный анализ возрастных поколений работников в эти годы констатирует наличие тенденции смены поколений: к 2020 году беби-бумеры заканчивают свою трудовую деятельность, поколение миллениумов активно вступает в фазу расцвета (таблица).

Возрастное соотношение поколений на газодобывающем предприятии, %

Год / Поколение	Беби-бумеры	Поколение X	Поколение Y
2010	24,5	59,7	15,8
2015	12,3	61,2	26,5
2020	2,1	53,7	44,2

В результате социально-психологических исследований удовлетворенности трудом, проведенных на газодобывающем предприятии в 2020 году, констатируем выраженные отличительные особенности поколенческих предпочтений и ценностей вахтовых работников (рис. 2).

Так, работникам поколения X, прежде всего, необходима стабильность работы на предприятии, возможность денежных накоплений, получение социальных льгот и гарантий, доброжелательная атмосфера в коллективе, удобный режим работы. В ходе проведенных опросов работников газодобывающего предприятия поколения Y выявлено, что наиболее значимыми из них стали перспективы карьерного роста, справедливая заработная плата, профессиональное развитие как основа благосостояния.

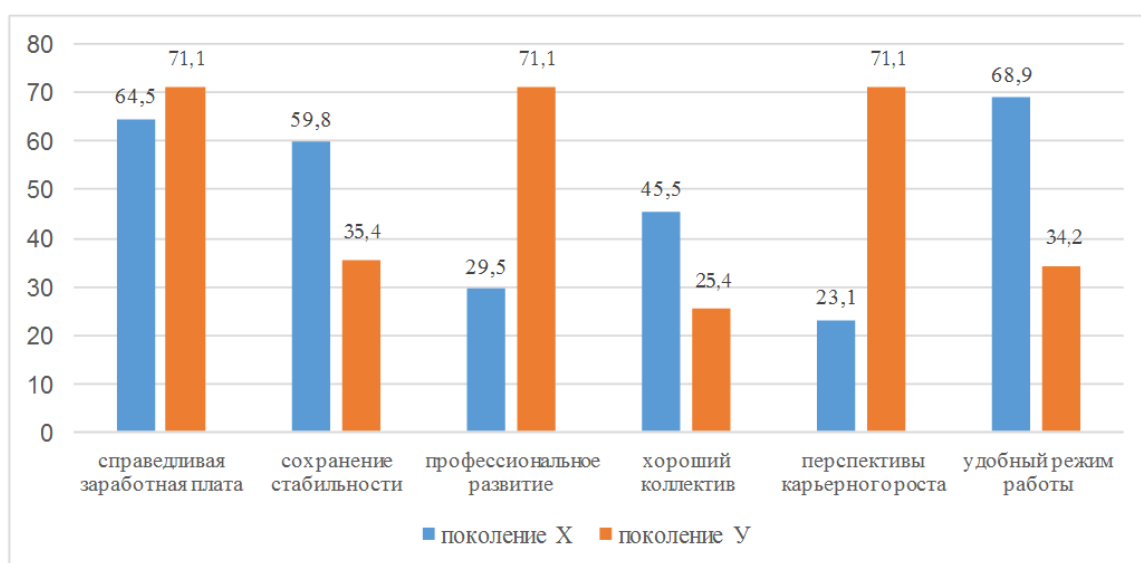

Рис. 2. Предпочтения вахтовых работников в разрезе поколений, %

В результате более детального анализа анкетных данных молодых работников отмечаем следующие тенденции:

- 93,3 % молодых сотрудников довольны тем, что работают на газодобывающем предприятии;
- важными факторами качества труда молодые сотрудники считают: работу в коллективе, не подводя своих коллег (71 %); качественный труд в целях получения категории и разряда (62,2 %); качественный труд в целях получения заработной платы (51,1 %); информированность о проблемах и готовность содействовать их решению (40 %);
- условия, которые привлекают в большей степени: возможность профессионального роста (71,1 %); достойная оплата труда (71,1 %); возможность проявить свои способности и реализовать их (44,1 %); социальные гарантии (36,7 %); хорошая организация труда, удобный режим работы (34,2 %); возможность проявить инициативу (33,3 %);
- в ближайшей перспективе молодые сотрудники хотят: перейти на более высокую должность (66,7 %); продолжить работать на прежней должности (29,2 %); повысить квалификацию, разряд (35,6 %).

Таким образом, для работников, относящихся к поколению Y, наиболее значимы такие факторы удовлетворенности своей работой, как высокая заработная плата, перспективы карьерного роста, профессиональное развитие. Молодые работники в отличие от работников поколения X в наименьшей степени ориентированы на сохранение стабильности, хорошую организацию труда. Также стоит отметить, что в современном мире большое количество возможностей для самовыражения молодых людей привело к тому, что большое количество миллениумов чувствуют себя неповторимой и уникальной личностью. По этой причине они тяжело идут на компромиссы, в том числе и с ра-

ботодателями, не желают довольствоваться малым: низкооплачиваемой работой, отсутствием перспектив продвижения.

Подводя итог по характеристике миллениумов, следует констатировать, что это совершенно новое поколение, которое требует нетривиального подхода в управлении и особой системы мотивации, особенно в условиях работы на Крайнем Севере вахтовым методом. Работодателям необходимо учитывать особенности этого поколения, применять к нему инновационные разработки: гибкий график, возможность карьерного роста, постоянный контроль и выдача точных указаний, интересные нестандартные проекты и задания, возможность проявления инициативы и творчества [9; 10]. Учитывая то обстоятельство, что наиболее важным мотивационным фактором молодых сотрудников крупного газодобывающего предприятия по результатам социально-психологического исследования, задействованных на удаленных месторождениях, является возможность профессионального роста, проявления своих способностей и их реализации, а также определенность профессиональных и карьерных перспектив, основные усилия необходимо направить на положительное воздействие на мотивацию через расширение перспектив профессионального развития и карьерного роста. Кроме того, принимая во внимание индивидуально-личностные особенности современной молодежи (поколения Y), проявляющиеся в высокой готовности к мобильности, мы видим целесообразным внедрение в практику деятельности для данной категории работников инновационных технологий, основанных на практико-ориентированной и интерактивной мобильной деятельности. Предложенные технологии и мероприятия должны удовлетворять потребности молодых вахтовых работников, расширять для них горизонты, развивать личностные и профессиональные компетенции [11; 12].

В качестве одной из таких технологий можно рассматривать программу «Будущее Газпрома», которая ориентирована на перспективную молодежь базовых дочерних газодобывающих обществ ПАО «Газпром» (далее базовые дочерние общества) в возрасте от 22–40 лет и предполагает ротацию перспективных работников между несколькими базовыми газодобывающими дочерними обществами ПАО «Газпром», базирующимися в районах Крайнего Севера. Основные цели реализации программы «Будущее Газпрома» — это привлечение и удержание молодых перспективных работников базовых дочерних обществ и их взаимовыгодное развитие на основе планирования и развития служебно-профессионального продвижения по карьерной лестнице, удовлетворение мотивационных детерминант молодых работников, повышение уровня удовлетворенности трудом вахтовых работников. Основная деятельность по реализации программы предполагает поэтапно разработанное вертикальное перемещение работника между базовыми дочерними обществами и осуществляется в несколько этапов.

Выводы

Эффективность внедрения инновационных кадровых технологий, основанных на дифференцированном подходе в управлении персоналом на газодобывающих предприятиях, мы видим, прежде всего, в повышении мотивации молодых сотрудников-миллениумов посредством создания условий для их профессионального роста

и карьерного продвижения. Для работников поколения X целесообразно обеспечение и поддержание профессионального и личностного развития за счет сохранения социально-психологической и экономической стабильности условий труда, признания значимости их профессионального опыта, привлечения к обучающей и наставнической работе. Такой подход, реализованный с учетом особенностей разных поколений, на наш взгляд, позволит обеспечить бесперебойную работу вахтового персонала газодобывающих предприятий в Арктике [13].

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-29-07355 «Человеческий капитал арктического региона в концепции пространственного развития России»).

Список источников

- [1] Силин, А. Н. Управление персоналом в нефтегазовой компании : учебное пособие / А. Н. Силин, Н. Г. Хайруллина. – Москва : Центрлитнефтегаз, 2008. – 305 с. – Текст : непосредственный.
- [2] Инновационные технологии менеджмента вахтового метода работы предприятия / О. П. Андреев, А. К. Арабский, В. С. Крамар, А. Н. Силин. – Текст : непосредственный // Газовая промышленность. – 2008. – № 9 (622). – С. 25–28.
- [3] Исаева М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува / М. А. Исаева. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290–295.
- [4] Российская Арктика : современная парадигма развития : монография / А. И. Татаркин, Н. Я. Петраков, В. А. Цветков [и др.]. – Санкт-Петербург : ООО «Нестор-История», 2014. – 844 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Силин, А. Н. Вахтовый труд в Арктике : социально-пространственный дискурс : монография / А. Н. Силин. – Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2021. – 88 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования : описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – Москва : Академкнига : Добросовет, 2003. – 596 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Горшков, М. К. Прикладная социология : методология и методы : учебное пособие / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги ; Центр социологических исследований, Институт социологии РАН. – Москва : Центр социологических исследований, 2012. – 402 с. – Текст : непосредственный.
- [8] Елгин, В. В. Повышение мотивационного потенциала у вахтового персонала газодобывающих предприятий / В. В. Елгин, А. М. Переладов. – Текст : непосредственный // Менеджмент в России и за рубежом. – 2020. – № 6. – С. 77–84.

- [9] Шапиро, С. А. Основы трудовой мотивации : учебное пособие / С. А. Шапиро. – Москва : КНОРУС, 2016. – 268 с. – Текст : непосредственный.
- [10] Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова. – Текст : непосредственный // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – № 1 (1) – С. 94–97.
- [11] Управление вахтовым персоналом нефтегазовых компаний в условиях Арктики / В. В. Елгин, И. В. Мельников, А. М. Переладов, С. В. Шляхтин. – DOI 10.33285/1999-6942-2021-1(193)-32-36. – Текст : непосредственный // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2021. – № 1 (193). – С. 32–36.
- [12] Buscher, M. Mobile methods and the empirical / M. Buscher, J. Urry. – DOI 10.1177/1368431008099642. – Direct text // European journal of Social Theory. – 2009. – № 12 (1). – P. 96–106.
- [13] Silin, A. N. Long Distance Communiting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia : sociological analysis of change / A. N. Silin. – DOI 10.5901/mjss.2015.v6n3s5p199. – Direct text // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6, Issue 3 (Special Issue). – P. 199–206.

References

- [1] Silin, A. N., & Khairullina, N. G. (2008). Upravlenie personalom v neftegazovoy kompani. Moscow, Tsentr litneftegaz Publ., 305 p. (In Russian).
- [2] Andreev, O. P., Arabsky, A. K., Kramar, V. S., & Silin, A. N. (2008). Innovatsionnye tekhnologii menedzhmenta vakhtovogo metoda raboty predpriyatiya. Gazovaya promyshlennost', (9(622)), pp. 25-28. (In Russian).
- [3] Isaeva, M. A. (2011). Crisis and rise generations in W. Strauss and N. Howe's Theory. Knowledge. Understanding. Skill, (3), pp. 290-295. (In Russian).
- [4] Tatarkin, A. I., Petrakov, N. Ya., Tsvetkov, V. A., Eliseev, D. O., Naumova, Yu. V., Kuleshov, V. V., ... Zhuk, N. P. (2014). Rossiyskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya. St. Petersburg LLC Publ., 844 p. (In Russian).
- [5] Silin, A. N. (2021). Vakhtovyy trud v Arktike: sotsial'no-prostranstvennyy diskurs. Tambov, Konsaltingovaya kompaniya Yukom LLC Publ., 88 p. (In Russian).
- [6] Yadov, V. A. (2003). Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya: opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noy real'nosti. Moscow, Akademkniga, Dobrosovet Publ., 596 p. (In Russian).
- [7] Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2012). Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya i metody. Moscow, Tsentr sociologicheskikh issledovaniy Publ., 402 p. (In Russian).
- [8] Yelgin, V. V., & Pereladov, A. M. (2020). Improvement of motivational potential at ship staff of gas-producing enterprises. Management in Russia and abroad, (6), pp. 77-85. (In Russian).
- [9] Shapiro, S. A. (2016). Osnovy trudovoy motivatsii. Moscow, KNORUS Publ., 268 p. (In Russian).

- [10] Ozhiganova, E. M. (2015). Straus Howe generational theory. Opportunities of practical application. *Business education in the knowledge economy*, (1(1)), pp. 94-97. (In Russian).
- [11] Yelgin, V. V., Melnikov, I. V., Pereladov, A. M., & Shlyakhtin, S. V. (2021). Shift personnel management by oil and gas companies in the Arctic conditions. *Problems of economics and management of oil and gas complex*, (1(193)), pp. 32-36. (In Russian). DOI: 10.33285/1999-6942-2021-1(193)-32-36
- [12] Buscher, M., & Urry, J. (2009). Mobile methods and the empirical. *European journal of Social Theory*, (12(1)), pp. 96-106(In English).
- [13] Silin, A. N. (2015). Long Distance Communiting in Oil and Gas Production Industry in the Northwestern Siberia: sociological analysis of change. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(3) (Special Issue), pp. 199-206. (In English). DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s5p199

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

УДК 316.77

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-77-89

Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций в системе развития территорий: ценности и направления

**Алена Анатольевна Попкова¹, Игорь Юрьевич Фомичев¹,
Алексей Владимирович Шляков²**

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Аннотация. Некоммерческие организации в последние годы приобретают большое значение не только в системе предоставления социальных услуг населению, но и в качестве полноценного субъекта социально-экономического развития территории. Реализуемые проекты, привлекаемые грантовые ресурсы, работа с целевыми группами, партнерство с властью и бизнесом определяют необходимость не только трансформации функциональной деятельности организаций некоммерческого сектора, но и системы ценностных ориентиров, способствующих их становлению в качестве центров общественного развития на территориях. На современном этапе не у всех некоммерческих организаций существуют реальная возможность и ресурсы для становления в качестве центра общественного развития на территории, но это может быть преодолено в рамках сетевого взаимодействия, в ходе которого происходят расширение ресурсной базы, обмен технологиями и повышение профессионализма некоммерческого сектора. В данной статье приведены результаты исследований некоммерческого сектора Уральского федерального округа, на основании которых сформирована система ценностей и направлений деятельности организаций.

Ключевые слова: некоммерческие организации, сетевое взаимодействие, ценности, центр общественного развития

Для цитирования: Попкова, А. А. Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций в системе развития территорий: ценности и направления / А. А. Попкова, И. Ю. Фомичев, А. В. Шляков. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-77-89 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 77–89.

Networking of non-profit organizations in the territorial development system: values and directions

Alena A. Popkova¹, Igor Yu. Fomichev¹, Aleksey V. Shlyakov²

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Humanities and Technology, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. In recent years, non-profit organizations have become of great importance not only in the system of providing social services to the population, but also as a full-fledged subject of socio-economic development of the territory. Ongoing projects, attracted grant resources, work with target groups, partnership with government and business determine the need not only to transform the functional activities of non-profit sector organizations, but also a system of value orientations that contribute to their formation as centers of social development in the

territories. At the present stage, not all non-profit organizations have a real opportunity and resources to become a center of social development in the territory, but it can be overcome within the framework of network interaction during which there are an expansion of the resource base, technology exchange and professional development of the non-profit sector. This article presents the results of research of the non-profit sector of the Ural Federal District, based on which a system of values and activities of organizations has been formed.

Keywords: non-profit organizations, networking, values, community development center

For citation: Popkova, A. A., Fomichev, I. Yu., & Shlyakov, A. V. (2022). Networking of non-profit organizations in the territorial development system: values and directions. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (2), pp. 77-89. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-77-89

Введение

На сегодняшний день некоммерческий сектор представлен разнонаправленными в своей деятельности организациями, имеющими различный опыт работы. Многие организации являются институциональными для поддержки и развития сектора в регионах, муниципальных образованиях, выступая ресурсными центрами поддержки и развития СО НКО. В России институциональная поддержка развития сектора некоммерческих организаций, ключевые направления государственной политики федерального центра и система мер поддержки, реализуемая в регионах, обеспечили функционирование данных организаций вокруг следующих сфер деятельности: социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан; благотворительная деятельность, деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства; деятельность в области здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни; деятельность в области физкультуры и спорта и содействие указанной деятельности; развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации; деятельность в сфере патриотического, военно-патриотического воспитания граждан РФ; мероприятия по медицинской и социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ; работа с молодежью и лицами пожилого возраста. Подобный охват сфер жизнедеятельности общества, несомненно, определяет некоммерческие организации в качестве значимых субъектов как для отдельных целевых групп благополучателей, так и для региональных и муниципальных территорий.

Более того, анализ социальных практик показал, что многие организации некоммерческого сектора уже накопили существенный опыт по отдельным направлениям, технологиям работы с целевыми группами — опыт, который очень ценен и может быть использован в практике деятельности других организаций, всего сектора. В результате чего четко обозначилась необходимость внутрисекторальных интеграционных процессов, в том числе за счет сетевого взаимодействия, выработки общих разделяемых ценностей и направлений укрепления и развития сектора.

Материалы и методы

Для целей и задач данного исследования в качестве обозначенной проблематики были применены и использованы как общенаучные методы, такие как логико-формализованный и системный анализ, так и специфические, наиболее ярко подсвечивающие значимые стороны исследуемого вопроса, — это социологические методы (контент-анализ, фокус-группа).

Анализ современного состояния развития некоммерческого сектора в России представлен в работах Е. Н. Галкиной, В. Ю. Кульковой, А. В. Ларионова, К. Б. Парфенова, В. В. Прилепского, а также в докладах Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» [1–6]. Оценка значения ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и возможности их сетевого взаимодействия отражена при исследовании публикаций С. В. Белоусовой, М. В. Мамонова, А. Г. Заббарова, А. Ю. Сухаревой [7–9]. Вопрос системы ценностей организаций некоммерческого сектора представлен в исследованиях И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона, Е. Р. Ярской-Смирновой и др. [10–13].

Прикладной аспект исследуемой тематики получен на основе контент-анализа материалов исследования, полученных при проведении групповых интервью с 65 представителями некоммерческих организаций — региональных и муниципальных ресурсных центров Уральского федерального округа, а также проведенного SWOT-анализа.

Результаты и обсуждение

Укрепление значения некоммерческого сектора в трансформации социальных процессов в России, накопление опыта данными организациями и институционализация их структуры привели к пересмотру организаций и их взаимодействия внутри сектора. Фактически на сегодняшний день сложилось несколько форматов внутрисекторного взаимодействия между организациями: конкуренция за грантовые ресурсы, партнерство и обмен технологиями, совместные проекты. Несмотря на разный характер взаимоотношений, ключевым фактором секторального развития являются коммуникации, так как именно они, по мнению С. В. Белоусовой, позволяют общественным организациям «преобразовать социальные эмоции и ожидания, чувства неудовлетворенности или солидарности граждан в определенные требования (артикуляция интересов); выработать общегрупповые цели (агрегация интересов); донести выработанную концепцию до целевых аудиторий (информативная функция) и сформировать успешные каналы обратной связи (функция формирования политических элит)» [7].

Модель сетевого взаимодействия между развитыми некоммерческими организациями была создана в 1995 году Сибирской сетью центров общественного развития. Формирование общей информационно-коммуникативной инфраструктуры, способствующей обмену опытом и практиками деятельности по развитию территории и работе с отдельными группами благополучателей, привело к укреплению некоммерческих организаций и созданию условий трансформации отдельных из них в региональные ресурсные центры.

Принимая во внимание положительные результаты сетевого взаимодействия для развития организаций и укрепления сектора, данная модель была применена в 2011 году в Уральском федеральном округе и создана Уральская сеть ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (табл. 1).

Таблица 1

Результаты деятельности Уральской сети ресурсных центров поддержки СО НКО [14]

	2019	2020	2021	Всего	План
Сотрудники ресурсных центров, принявшие участие в 8 мероприятиях по повышению квалификации: стажировках, семинарах, сетевой встрече, форсайт-сессиях	104	46	134	284	55
Представители НКО, инициативных групп, принявшие участие в 54 образовательных, информационных мероприятиях	1193	1 170	770	3 133	1 620
НКО, инициативные группы — получатели финансовой поддержки в конкурсах социальных проектов	79	230	33	342	150
Предоставлено консультаций	2 948	3 183	2 836	8 967	6 300
Представители местных НКО, органов власти — участники трех межрегиональных мероприятий Уральской сети	68	1	109	178	170
Жители — добровольцы/ благотворители коалиционных акций, организованных РЦ	12 643	16 077	8 485	37 205	12 000

Некоммерческий сектор Уральского федерального округа развивается достаточно активно. Ханты-Мансийский автономный округ, Челябинская и Тюменская области входят в ТОП-10 регионов по уровню и качеству развития некоммерческого сектора (табл. 2).

Таблица 2

ТОП-10 регионов по уровню и качеству развития некоммерческого сектора в РФ [6]

Позиция в рейтинге	Субъект РФ	Рейтинг в 2020 г.	Позиция	Рейтинговое число	Экономическая значимость	Устойчивость существования НКО	Активность деятельности НКО	Поддержка НКО регионом	Онлайн-доступность информации о поддержке СО НКО	Медиаактивность	Результаты экспертного опроса	Социальная значимость	Значимость РОП для НКО	Значимость ресурсных центров СО НКО
1	Москва	1	0	66,048	5,00	5,00	2,70	3,02	4,51	5,00	2,65	4,97	4,13	4,33
2	Вологодская область	14	12	64,436	3,39	4,42	4,96	4,51	3,59	3,67	3,07	4,55	3,08	3,13
3	Республика Татарстан	2	-1	62,348	4,29	4,22	3,70	3,33	3,29	3,46	3,77	3,34	4,88	3,35
4	ХМАО — Югра	4	0	61,854	2,71	4,74	3,12	5,00	3,81	3,19	2,77	5,00	4,80	3,50
5	Челябинская область	11	6	61,709	3,61	3,96	3,91	3,98	3,72	3,52	2,68	3,89	4,89	3,45
6	Тюменская область	3	-3	60,445	2,54	3,99	3,26	3,65	3,02	4,09	3,36	4,96	4,12	5,00
8	Тульская область	9	2	59,046	3,50	4,00	2,60	3,20	4,07	3,10	5,00	2,83	4,68	3,43
9	Санкт-Петербург	5	-3	58,038	3,66	4,16	2,49	3,46	3,40	4,37	2,65	4,82	3,18	3,47
10	Самарская область	10	1	56,979	3,81	4,03	3,53	3,59	3,15	2,77	2,41	4,10	4,67	2,49
11	Краснодарский край	33	23	56,853	2,79	3,45	4,20	4,52	2,66	3,18	2,17	3,44	3,77	3,86

Совместная деятельность в результате сетевого взаимодействия привела к необходимости выработки общих ценностей и направлений развития. Понятие ценностей, особенно ценностей некоммерческого сектора, многогранно и сложно для исследования. В частности, Г. С. Артемьева, К. Н. Куликова, Н. П. Резникова определяют ценность некоммерческих организаций как «способность влиять их на события, входящие в зону воздействия организации, и менять вектор социального, технологического, экономического и т. п. развития внешней среды, а также — собственную структуру и деятельность», что в свою очередь выявляет необходимость структурирования ценностей для внешней и внутренней среды [11]. Так, ценности внешней среды определяются рядом возможностей, позиционирующих некоммерческую организацию в партнерской среде, что для данных видов организации, в условиях привлечения ресурсов является очень значимым. Внутренняя среда определяет ценность как включенность целевых групп и благополучателей принимать участие в деятельности организации с целью повышения ее социальной эффективности.

Результаты исследования показали, что в рамках сетевого взаимодействия ценности некоммерческих организаций формируются по направлениям «действия», «ресурсы» и «принципы».

Ключевым значением для участников сетевого взаимодействия являются развитие компетенции и навыков, координация, совместные действия, обмен опытом и практикой, формирование единого вектора развития. Для более детального анализа системы ценностей сетевого взаимодействия ресурсных центров и их развития в ходе исследования было определено, что основными разделяемыми ценностями являются «поддержка» и «развитие». Именно эти ценности по отношению к Уральской сети были выделены сотрудниками некоммерческих организаций. На втором месте были выделены такие ценности, как «взаимодействие» и «помощь», которые, по сути, являются значимыми для сетевого взаимодействия и показывают его результативность (рис. 1).

Ценности сетевого взаимодействия НКО по направлению «действие»

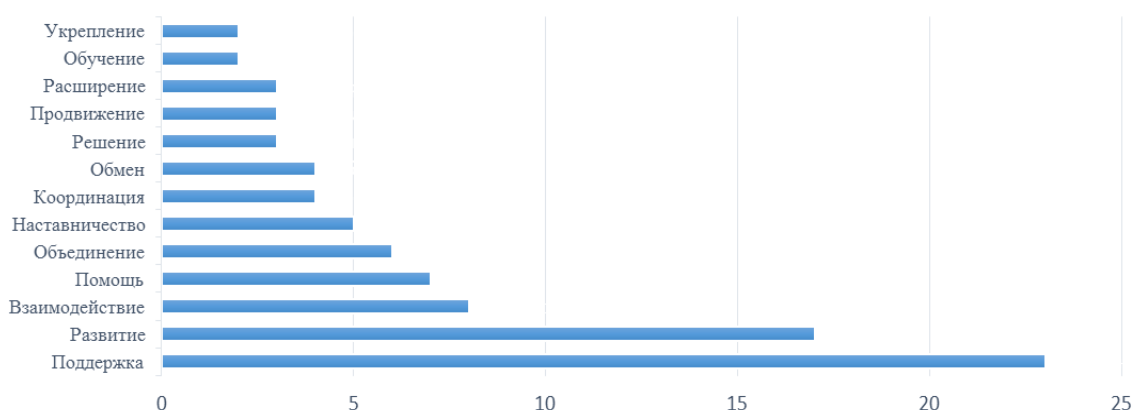

Рис. 1. Результаты контент-анализа ценностей по направлению «действие»

Существенной составляющей в системе ценностей сетевого взаимодействия некоммерческих организаций являются ресурсы. Проведенный контент-анализ показал, что в данном направлении ценностями НКО Уральской сети являются «опыт», «практика», «активность», «информация» и «проекты», совместные с другими организациями, инициативными гражданами. Исходя из этого, можно сказать, что ценностными ориентирами сети является обмен опытом, практиками, ресурсами и активностями, что формируется и усиливается именно в рамках сетевого взаимодействия, так как формируются условия для расширения ресурсной базы деятельности некоммерческих организаций (рис. 2).

Рис. 2. Результаты контент-анализа ценностей по направлению «ресурсы»

Также существенной системообразующей характеристикой сетевого взаимодействия являются его свойства, поэтому была выделена данная смысловая группа кодов в контент-анализе. Участники исследования в своих характеристиках обозначали разные позиции, но наиболее значимыми свойствами сетевого взаимодействия являются «новое» (трансформировано в анализе в свойство «новшество»), «полезность», «единомыслие», «гражданственность», «результативность», «улучшение» и «профессиональность» (рис. 3).

Рис. 3. Результаты контент-анализа ценностей по направлению «свойство»

Таким образом, проведенное исследование показало, что наиболее значимыми ценностями сетевого взаимодействия некоммерческих организаций являются «поддержка», «развитие», «взаимодействие», «помощь», их «опыт», «практика», «ресурсы» и «активность», а также «новшество», «полезность» и «единомыслие». Данные ценности определяют потребность в сетевом взаимодействии организаций некоммерческого сектора, значимость данного взаимодействия для развития организаций и целевые ориентиры для дальнейшей деятельности.

Ценностные ориентиры деятельности некоммерческих организаций, как уже было указано выше, определяются для внутренней и внешней среды. Опираясь на данный факт для определения направлений развития сетевого взаимодействия, в исследовании были выделены сильные и слабые стороны, возможности и угрозы Уральской сети ресурсных центров для поддержки СО НКО.

В результате исследования представителями некоммерческих организаций были выделены сильные стороны сетевого взаимодействия, такие как огромный и уникальный опыт организаций, входящих в сеть, профессионализм организаций, наличие сотрудничества, партнерства, наставничества во взаимодействии некоммерческих организаций, методическая поддержка, обмен знаниями и обучение в сетевом взаимодействии, уникальность технологии работы с благополучателями, обширная география Уральской сети ресурсных центров и разнообразие организаций, входящих в сеть (по масштабу, опыту, направлениям деятельности), тиражирование опыта и узнаваемость сети. Результаты SWOT-анализа в этом направлении подтверждают, что именно в рамках сетевого взаимодействия укрепляется потенциал и развивается эффективность деятельности некоммерческих организаций.

Несмотря на сложившийся позитивный опыт взаимодействия, некоммерческие организации, входящие в сеть, в качестве слабых сторон отмечают недостаточную развитость коммуникаций внутри сети, разный уровень профессионализма, неравность компетенций представителей организаций — членов сети, присутствие эмоционального и профессионального выгорания, недостаточную развитость взаимодействия с благополучателями и НКО в своем регионе, многозадачность деятельности некоммерческих организаций, неразвитость технологий привлечения ресурсов, неуверенность в успехе, неосознанность успеха как самих организаций, так и сети в целом.

Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций в целом, и Уральская сеть ресурсных центров поддержки СО НКО в частности, не являются закрытыми организационными структурами, поэтому существенным для развития сети являются факторы внешней среды, которые формируют возможности и угрозы (табл. 3).

Проведенный анализ результатов исследования показал, что на сегодняшний день сетевое взаимодействие некоммерческих организаций формирует у них преимущества и потенциал развития. Для снижения влияния факторов слабых сторон внутри сетевого взаимодействия, а также угроз со стороны внешней среды необходимо вырабатывать и реализовывать общую систему стратегических направлений деятельности.

Таблица 3

**Оценка возможностей и угроз внешней среды Уральской сети
ресурсных центров поддержки СО НКО**

Внешняя среда	
Возможность (О)	Угроза (Т)
1) Объединение ресурсов, практик и партнеров для развития деятельности организаций-участников сети в территориях 2) Обучающие программы институциональных НКО, входящих в УС РЦ 3) Развитие экспертности в некоммерческом секторе регионов 4) Развитие взаимодействия с органами власти (программы поддержки СОНКО, запрос на ресурсный центр, поддержка — субсидии, гранты) 5) Активизация взаимодействия с сообществом на территории деятельности организации 6) Развитие взаимодействия с бизнесом 7) Развитие партнерства с НКО (взаимодействие с университетами, реализация совместных проектов, обучение у лидеров секторов, тиражирование практик, стажировка/обмен опытом, формирование запросов от НКО, бюджетные организации) 8) Развитие взаимодействия со СМИ (социальная реклама, популяризация деятельности НКО, условная специализация (свой журналист в СМИ), блогеры, социальные сообщества в социальных сетях, растить «молодежь» среди НКО, позиционировать себя как привлекательное лицо НКО) 9) Развитие грантовой деятельности	1) Изменения законодательства в области НКО 2) Изменение приоритетов государственной политики развития некоммерческого сектора 3) Низкая компетенция инициативных граждан и НКО 4) Конкуренция между НКО 5) Незаинтересованность/низкая активность граждан 6) Отсутствие мотивации у бизнеса к взаимодействию 7) Дефицит профессиональных кадров в секторе 8) Высокая активность некоторых НКО при отсутствии соответствующих компетенций 9) Недобросовестность некоторых НКО, как следствие, потеря имиджа 10) Высокая конкуренция за ограниченные ресурсы (в первую очередь финансовые)

Сопоставление результатов SWOT-анализа показало, что они могут быть сконцентрированы вокруг следующих аспектов сетевого взаимодействия:

- систематизация практик и разработка программы стажировок организаций внутри сети;
- активизация работы организаций с местным сообществом, активистами, НКО в территориях, в том числе с использованием опыта других организаций и регионов;
- формирование и реализация благотворительных программ на территориях деятельности НКО;

- развитие имиджа сети и организаций как профессионалов, реагирующих на запросы благополучателей и готовых на конструктивное партнерство с различными секторами;
- создание единого информационного ресурса (портала), объединяющего практики деятельности организаций-участников сети;
- развитие практик проведения общесетевых встреч с образовательными экспертными модулями, проводимыми участниками сети;
- активизация работы с НКО и благополучателями, развитие функций центра общественного развития на территориях деятельности организации;
- организация и проведение совместных акций, мероприятий, обучающих семинаров, формирование координационных советов по развитию территорий с привлечением представителей разных секторов;
- организация и проведение мероприятий на высоком профессиональном уровне;
- транслирование полученного опыта в сетевом взаимодействии в секторе на территориях;
- возвращение кадров внутри сети и в территориях за счет организации и проведения совместных акций, мероприятий, обучающих семинаров.

Реализация данных направлений деятельности в сетевом взаимодействии позволит укреплять потенциал некоммерческих организаций, в том числе в качестве активного субъекта развития территории.

Выводы

В ходе проведения исследования сетевого взаимодействия некоммерческих организаций, входящих в Уральскую сеть ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, было определено следующее.

1. Некоммерческие организации на сегодняшний день стали активными субъектами социальной жизни территории не только за счет предоставления социальных услуг отдельным категориям граждан, но и за счет активизации своей роли в качестве центра общественного развития, создающего условия для выстраивания партнерских отношений между властью, бизнесом и населением.

2. Специфика деятельности некоммерческих организаций определяет недостаточность ресурсов и условий для эффективного функционирования организации в качестве центра общественного развития, что может быть решено в рамках сетевого взаимодействия с другими некоммерческими организациями.

3. Анализ опыта функционирования Уральской сети ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций показал, что сетевое взаимодействие укрепляет потенциал организации за счет повышения профессионализма посредством реализации внутрисетевых образовательных программ, обмена опытом, практиками, технологиями работы, а также общесетевых ресурсов, способствующих продвижению и развитию организаций не только на территории своей непосредственной деятельности, но и всего Уральского федерального округа.

4. Институализация сетевого взаимодействия некоммерческих организаций привела к необходимости выработки единых ценностей для данного сектора, среди которых в качестве определяющих выделяются инновационность, социальная полезность, единомыслие, опыт и практика деятельности, поддержка и развитие организаций.

5. Опыт сетевого взаимодействия некоммерческих организаций в Уральском федеральном округе определил необходимость проработки приоритетных направлений деятельности некоммерческого сектора. В результате проведенного исследования данными направлениями на сегодняшний день выступают:

- активизация работы с местным сообществом, активистами, НКО в территориях, в том числе за счет использования опыта других организаций и регионов;
- формирование и реализация благотворительных программ на территориях;
- развитие имиджа сети и организаций как профессионалов, реагирующих на запросы благополучателей и готовых к конструктивному партнерству с различными секторами;
- организация и проведение совместных акций, мероприятий, обучающих семинаров, формирование координационных советов по развитию территорий с привлечением представителей разных секторов;
- транслирование полученного опыта в сетевом взаимодействии в секторе на территориях деятельности НКО;
- активизация работы с НКО и благополучателями, развитие функций центра общественного развития на территориях регионов и муниципалитетов.

Сформированные в ходе исследования ценности и направления развития внутри сетевого взаимодействия укрепят роль и значение некоммерческой организации в развитии территории муниципалитетов и регионов, сформируют условия для их успешного и эффективного функционирования.

Список источников

- [1] Галкина, Е. Н. Некоммерческие организации : понятие, тенденции развития / Е. Н. Галкина. – Текст : непосредственный // Теория и практика современной аграрной науки. Сборник V национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. Новосибирск, 28 февраля 2022 года. – Новосибирск : Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета «Золотой колос». – 2022. – С. 1383–1387.
- [2] Кулькова, В. Ю. Позиционирование миссии в управлении деятельностью некоммерческих организаций сферы услуг в Российской Федерации / В. Ю. Кулькова. – DOI 10.22394/2304-3369-2020-3-54-64. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2020. – № 3 (64). – С. 54–64.
- [3] Ларионов, А. В. Функции государственных реестров НКО в развитии третьего сектора : российский опыт / А. В. Ларионов. – DOI 10.17323/1999-5431-2021-0-4-90-113. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – №. 4. – С. 90–113.

- [4] Парфенов, К. Б. Современное состояние и основные направления совершенствования законодательства о некоммерческих организациях / К. Б. Парфенов. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_3_31. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (195). – С. 31–34.
- [5] Прилепский, В. В. Гражданское общество в современной России : проблемы становления и развития / В. В. Прилепский. – DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-2-195-200. – Текст : непосредственный // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 2. – С. 195–200.
- [6] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. – Текст : электронный // Общественная палата Российской Федерации : официальный сайт. – Москва, 2021. – URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-oprf2021.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).
- [7] Белоусова, С. В. Актуальные проблемы некоммерческого сектора : коммуникационный аспект / С. В. Белоусова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. – 2014. – № 3. – С. 23–30.
- [8] Мамонов, М. В. Возможности конструирования сетевых структур третьего сектора через формирование повестки дня НКО / М. В. Мамонов, А. Г. Заббаров. – Текст : непосредственный // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4, № 4. – С. 185–192.
- [9] Сухарева, А. Ю. Ресурсные центры как ключевой элемент в системе инфраструктуры сопровождения и поддержки НКО и СОНКО / А. Ю. Сухарева. – Текст : непосредственный // Российский политический процесс в региональном измерении : история, теория, практика. – 2021. – № 14. – С. 110–114.
- [10] Арпентьева, М. Р. Ценности социального служения и НКО в активизации горожан : от иждивенчества к партисипации / М. Р. Арпентьева, С. В. Брайцева. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2017. – № 2. – С. 61–66.
- [11] Артемьева, Г. С. Управление некоммерческой организацией на базе информации о ее ценности / Г. С. Артемьева, К. Н. Куликова, Н. П. Резникова. – Текст : непосредственный // Т-COMM : телекоммуникации и транспорт. – 2016. – Т. 10, № 8. – С. 51–56.
- [12] Мерсиянова, И. В. Негосударственные некоммерческие организации : институциональная среда и эффективность деятельности / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон. – Москва : Высшая школа экономики, 2007. – 170 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Ярская-Смирнова, Е. Р. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг / Е. Р. Ярская-Смирнова, О. А. Бодрова. – DOI 10.31119/jssa.2021.24.1.3. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – Т. 24, № 1. – С. 45–78.
- [14] Уральская сеть ресурсных центров для развития и поддержки СО НКО : от ресурсных центров для НКО к центрам развития местных сообществ УрФО 2018–2021. – Текст : электронный // Благотворительный фонд развития города Тюмени : офици-

альный сайт. – URL: <http://cftyumen.ru/upload/docs/2021/11/ural2021.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

References

- [1] Galkina, E. N. (2022). Nekommercheskie organizatsii : ponyatie, tendentsii razvitiya. Teoriya i praktika sovremennoy agrarnoy nauki. Sbornik V natsional'noy (vsrossiyskoy) nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Novosibirsk, February, 28, 2022. Novosibirsk, Novosibirsk State Agrarian University, Zolotoy kolos Publ., pp. 1383-1387. (In Russian).
- [2] Kulkova, V. Yu. (2020). Positioning the mission in managing the activities of non-profit organizations in the service sector of the Russian Federation. Management issues, (3(64)), pp. 54-64. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2020-3-54-64
- [3] Larionov, A. V. (2021). Functions of state registries of NPOs in the development of the third sector: Russian experience. Public administration issues, (4), pp. 90-113. (In Russian). DOI: 10.17323/1999-5431-2021-0-4-90-113
- [4] Parfenov, K. B. (2021). Current status and main directions for improving legislation on non-profit organizations. Law and State: The Theory and Practice, (3(195)), pp. 31-34. (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1337_2021_3_31
- [5] Prilepsky, V. V. (2021). Civil society in modern Russia: problems of formation and development. State and municipal management. Scholar notes, (2), pp. 195-200. (In Russian). DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-195-200
- [6] Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2021 god. (2021). Moscow. (In Russian). Available at: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-oprf2021.pdf>
- [7] Belousova, S. V. (2014). Current problems of nonprofit sector: communication approach. RUDN journal of political science, (3), pp. 23-30. (In Russian).
- [8] Mamonov, M. V., & Zabbarov, A. G. (2008). Possibilities for construction of the third sector network structures by means of setting NPO agenda. Political expertise: POLITEX, 4(4), pp. 185-192. (In Russian).
- [9] Sukhareva, A. Yu. (2021). Resursnye tsentry kak klyuchevoy element v sisteme infrastruktury soprovozhdeniya i podderzhki NKO i SONKO. Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika, (14), pp. 110-114. (In Russian).
- [10] Arpentieva, M. R., & Braitseva, S. V. (2017). The values of social service and non-profit organizations in the activation of citizens: from dependency to participation. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region, (2), pp. 61-66. (In Russian).
- [11] Artemieva, G. S., Kulikova, K. N., & Reznikova, N. P. (2016). Nonprofit organization management based on information about its value. T-COMM, 10(8), pp. 51-56. (In Russian).
- [12] Mersiyanova, I. V. & Yakobson, L. I. (2007). Negosudarstvennye nekommercheskie organizatsii: institutsional'naya sreda i effektivnost' deyatel'nosti. Moscow, HSE University Publ., 170 p. (In Russian).
- [13] Iarskaia-Smirnova, E. R., & Bodrova, O. A. (2021). Models of legitimation of non-profit organizations as social service providers. The journal of sociology and social anthropology, 24(1), pp. 45-78. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2021.24.1.3

- [14] Ural'skaya set' resursnykh tsentrov dlya razvitiya i podderzhki SO NKO: ot resursnykh tsentrov dlya NKO k tsentram razvitiya mestnykh soobshchestv UrFO 2018-2021. (In Russian). Available at: <http://cftyumen.ru/upload/docs/2021/11/ural2021.pdf>

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

УДК 316.35

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-90-100

Система социального партнерства Российской Федерации: профсоюзный взгляд на пути развития

Никита Дмитриевич Цыганенко

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу актуальной для социологии проблемы функционирования профсоюзных организаций в системе труда как элементов современного российского гражданского общества. Автор исследует проблему функционирования сторон социального партнерства в обществе в целом. Деятельность профессиональных союзов автор рассматривает в условиях развития российского гражданского общества как специфический институт развития этого общества, имеющий определенные социальные функции, а также как компетентного партнера сферы труда, способного формировать основы социального партнерства и отвечать запросам российского трудового общества. В исследовании приведены практически значимые пути совершенствования системы социального партнерства со стороны профессиональных союзов, затронуты их основные функции, приведены практические примеры достижений и проблем взаимодействия профсоюзного движения на рынке труда. Обосновано, что совершенствование системы социального партнерства достижимо только через взаимодействие всех сторон (участников) в формате «Профсоюз — Власть — Работодатель».

Ключевые слова: профессиональные союзы, социальное партнерство, гражданское общество, социальный институт, современные особенности деятельности профессиональных союзов

Для цитирования: Цыганенко, Н. Д. Система социального партнерства Российской Федерации: профсоюзный взгляд на пути развития / Н. Д. Цыганенко. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-90-100 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 90–100.

System of social partnership of the Russian Federation: a trade union view on the way of development

Nikita D. Tsyganenko

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article is devoted to a sociological analysis of the issue of the functioning of trade union organizations in the labor system as elements of modern Russian civil society, which is relevant for sociology. The author examines the problem of the functioning of the parties of social partnership in society as a whole. The author considers the activities of trade unions in the context of the development of Russian civil society as a specific institution for the development of this society, which has certain social functions, as well as a competent partner in the labor sphere, capable of forming the foundations of social partnership and meeting the needs of the Russian labor society. The study presents practical ways to improve the system of social partnership on the part of trade unions, touches upon their main functions, provides practical examples of the achievements and problems of the trade union movement in the labor market. It is substantiated that the improvement of the system of social partnership is achievable only through the interaction of all participants in the format "Trade Union - Power - Employer".

Keywords: trade unions, social partnership, civil society, social institution, modern features of trade union activities

For citation: Tsyganenko, N. D. (2022). System of social partnership of the Russian Federation: a trade union view on the way of development. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 90-100. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-90-100

Введение

Социальное партнерство является ключевым видом взаимодействия задействованных сторон в сфере труда независимо от того, о какой отрасли идет речь. В Трудовом кодексе Российской Федерации социальное партнерство рассматривается с точки зрения процесса взаимодействия ключевых сторон — объединений или представителей работодателя, работника и органов власти или местного самоуправления [1]. На первый план выдвигаются также целеполагание и результаты деятельности, такие как улучшение условий труда или обеспечение занятости. Однако в научной литературе и с недавнего времени в Конституции Российской Федерации понятие социального партнерства истолковывается в аспекте социального института. Контекст социальных наук предусматривает рассмотрение общества через призму процесса функционирования и взаимодействия социальных субъектов, который организуется прежде всего социальными институтами [2]. Социальное партнерство претендует на статус общественного института. Обратившись к категориальному социологическому аппарату, можно сформулировать институционализацию социального партнерства следующим образом: «Социальное партнерство — искусственно созданная система регулирования социально-трудовых отношений, потенциально объединяющая значительную часть населения России и ставящая своей целью регламентирование трудовых отношений, основываясь на сбалансированности интересов сторон партнерства». Человеческий индивид безотлагательно проходит социализацию в общественном пространстве. Учитывая важность развития и улучшения благосостояния гражданского общества, стоит отметить необходимость совершенствования системы социально-трудовых отношений. Представителями группы человеческих индивидов в вопросе развития системы социального партнерства являются профессиональные союзы.

Практический и научный интерес к системе социального партнерства как к общенациональному благу за последние 10 лет актуализируется все больше. В более раннее время социальное партнерство не поспевало за ускоренным переходом Российской Федерации к рыночной экономике [3]. Погоня за доходом и улучшение условий социально-трудовой сферы общества — эти две цели развивались с разной скоростью и различными сторонами трудовых отношений. Сегодня аспект развития системы социального партнерства рассматривается на самом высоком уровне как задача федерального масштаба. Так, Президент РФ неоднократно высказывался о поддержке профсоюзных организаций на федеральном и отраслевом уровнях.

На сегодняшний день система социального партнерства имеет четко выраженные пути развития, продиктованные самой многочисленной общественной организацией, представляющей права рабочего класса — Общероссийским союзом «Федерация

независимых профсоюзов России» (далее ФНПР). Однако на территориальном и локальном уровнях социального партнерства поставленные ФНПР задачи и пути их реализации зачастую не исполняются [4].

Для современной России отмечается высокая дифференциация развитости системы социального партнерства. Особенно различие прослеживается между отраслями производства, находящимися полностью или частично в частной собственности или бюджетном владении.

Данная работа выполнена в рамках социологического диссертационного исследования и позволяет выявить причины дисфункции системы социального партнерства и оценить функциональность инструментов для достижения устойчивого развития социально-трудовой сферы Российской Федерации.

Материалы и методы

В качестве материалов, на которых основывается автор при написании статьи, были использованы научные материалы отечественных ученых, имеющих ряд публикаций по теме исследования [5–8]. В качестве опорного материала также используются нормативные правовые материалы — выдержки из Федерального законодательства, Конституции, Трудового кодекса Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляют традиционные общесоциологические теоретические методы исследования, такие как метод теоретического синтеза, метод сравнительного анализа, диалектический метод и др.

Так, например, диалектический метод лежит в основе рассмотрения проблемы причастности человека к социально-трудовому пространству. При рассмотрении частного случая человеческого индивида за исходное состояние берется отчужденное положение индивида по отношению к каким-либо социальным или трудовым системам. В ходе постоянного взаимодействия индивида с окружающим социальным, а затем и с трудовым пространством происходит стремление к детерминации положения индивида, определенное факторами среды — приобретением социальных ролей и статусов, осваиванием общественного опыта.

С помощью метода сравнительного анализа в данном материале были определены различные характеристики деятельности профессиональных союзов с целью развития социального партнерства: пути и инструменты развития социально-трудовых отношений на различных уровнях социального партнерства, маркеры успешной деятельности общественных организаций; также удалось определить значение и роль профсоюзных организаций для развития гражданского общества.

Метод анализа позволил определить, что социальное партнерство не оставляют без внимания современные отечественные ученые — об этом свидетельствует большое количество диссертационных исследований. Однако остается актуальным исследование роли профессиональных союзов в практическом влиянии на развитие социально-трудовой сферы и использование ими инструментов социального партнерства. Узко профсоюзную тематику раскрывают следующие диссертационные исследования: М. М. Сунарчина «Современные профсоюзы в системе социальной защиты работников

(на примере Республики Башкортостан)» (2016 год); А. А. Барабанов «Профсоюзы России в условиях современной политической системы» (2013 год); А. И. Крестьянинов «Роль профсоюзов в регулировании общественных отношений в условиях социальной напряженности» (2004 год); В. И. Башмаков «Профсоюзы как институт регуляции социально-трудовых отношений» (2001 год) и др.

Результаты и обсуждение

Вопрос социальной защищенности граждан является основополагающим для государства и накладывает на него обязательства проводить специальные мероприятия для улучшения благосостояния населения и развивать систему социально ориентированных направлений и программ. Учитывая отраслевую и региональную специфику сфер производства и прочную корреляцию социальных гарантий граждан и условий труда, сложилась необходимость на федеральном и отраслевом уровнях запустить механизмы регулирования социально-трудовой сферы. Регулированию вопросов социальной и трудовой сферы служит система социального партнерства в сфере труда. Отражая суть социального партнерства, можно заключить, что это система исторически сложившихся методов регулирования социально-трудовых отношений, целью которой является согласование интересов сторон, задействованных в сфере труда. Именно система социального партнерства служит инструментарием в вопросах урегулирования трудовых споров и в общем смысле является основой для улучшения уровня состояния рабочего класса.

Непрерывное развитие современного мира диктует обязанность параллельного развития гражданского общества. Переход от социалистического общества к капиталистическому представил перед государственным строем задачи перестраивать систему трудовых отношений на базисном уровне. Этому в том числе способствовали изменения биполярного мира на многополярный. Изменения коснулись многих сфер госрегулирования: политико-правовых, социальных, административных и экономических. Сфера собственнического производства подразумевает максимизацию прибыли и минимизацию затрат, а также широкие проявления социальной дифференциации во многих производственных сферах. Под категорию затрат попадают затраты на содержание исполнителя труда — обеспечение условий труда, оплата труда, исполнение обязанностей по охране труда. Известный чехословацкий экономист О. Шик писал: «Нельзя примирить интересы людей, когда одни из них владеют всеми материальными благами, всеми средствами производства и предметами потребления, а значит, и удовлетворяют все свои потребности за счет других» [9]. В сложившейся ситуации возникла острая необходимость регулирования системы социального равенства и защиты прав человека труда посредством системы социального партнерства.

Человеческий индивид находится в перманентном процессе социализации, приобретении опыта и взаимодействии с субъектами бытия, то есть обществом, процессами. В системообразующем плане социальное партнерство выступает одним из общественных институтов. Общественным или социальным институтом социальное партнерство можно определить благодаря обширному спектру влияния инструментов регу-

лирования. Достаточным обоснованием является также и то, что труд в широком смысле — это деятельность человеческого индивида. В свою очередь, толкование человеческой деятельности сводится к определению последней как способа взаимодействия человека с внешним миром, отличающегося творческо-преобразующим отношением к внешнему миру. Социальное партнерство распространяет действие своих инструментов на все сферы жизнедеятельности общества. Решение культурных, социальных, политических и трудовых потребностей общества производится прямыми и косвенными путями. Так, пути решения проблемы безработицы часто прямые и узконаправленные (например, контроль органов власти над неправомерными сокращениями работников в организации). Духовная сфера жизни общества задействована опосредованно, через воспитание культуры труда и человека труда, формирование индивида как части общества, приобретение и исполнение социальных ролей [10].

Базисом современного социального партнерства выступает система трипартизма. В основе трипартизма лежит трехстороннее представительство сторон социального партнерства. Интересы человеческого индивида в системе социального партнерства представляют профессиональные союзы. Профессиональные союзы представляют собой объединение группы людей, для которых общим является сфера деятельности или производства, с целью соблюдения, совершенствования условий труда и представления интересов группы перед другими сторонами трудовых отношений. Следующей стороной таких отношений выступает работодатель или объединение работодателей (иногда в частном случае — лично собственник организации). Третьей стороной социального партнерства выступают органы власти и местного самоуправления.

Данные, полученные в результате анализа научной литературы по теме исследования, исчерпывающе показали несовершенство системы социального партнерства. В данной статье автор стремится акцентировать внимание на наиболее важных и эффективных способах взаимодействия внутри системы социально-трудовых отношений с точки зрения профессиональных союзов.

1. Недостаточное участие государства в системе контроля социально-трудовых отношений. По мнению автора, на федеральном уровне социального партнерства роль государства в секторе труда, как третьей стороны, имела тенденцию снижаться вплоть до последних лет.

Однако новейшие вызовы, затрагивающие все сферы жизни общества, послужили индикатором недостаточной защищенности человека труда. Так, основательным фактором послужил санитарно-эпидемиологический кризис, связанный с распространением вируса COVID-19. Активная позиция Российской Федерации в вопросе социальных гарантий во время пандемии усилила влияние органов власти в сфере труда. Стабилизации ситуации наиболее способствовали следующие шаги:

- упор на сохранение рабочих мест, поощрение собственников бизнеса, увольнявших сотрудников не выше установленного максимума;
- предоставление дополнительных нерабочих дней для восстановления/карантина сотрудников и недопущения распространения вируса на производстве;
- материальные выплаты в медицинской сфере;
- облегчение процесса получения социальных выплат и т. д.

Контролирующая роль органов власти и местного самоуправления является одним из путей улучшения в системе социального партнерства. Учитывая, что принципы социального партнерства основываются на равноправии, справедливости и согласовании интересов сторон, усиленный государственный надзор исполнения обязательств сторонами партнерства (работодателем и профессиональным союзом) позволит соблюсти договоренности в исходном виде, то есть такими, какими они описаны в соглашении.

2. Слабая правовая основа социального партнерства. В условиях переходного периода в экономике роль государства в социальном и экономическом диалоге остается значительной. Развитие базисов социального партнерства происходит на федеральном уровне. В начале 1990-х годов были изданы указы Президента РФ «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» и «О создании Российской трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений». На базе этих документов была создана Российская трехсторонняя комиссия по урегулированию социально-трудовых отношений, куда вошли представители работодателей, профессиональных союзов и органов власти. Приняты и действуют Законы РФ «О коллективных договорах и соглашениях», «О профсоюзах, их правах и гарантиях», «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», «Об общественных объединениях», «Об объединениях работодателей» и др., реализация которых влияет на результативность социального диалога. Органы социального партнерства и ответственность сторон закреплены в Трудовом кодексе РФ.

В ходе общероссийского голосования за внесение поправок в Конституцию РФ от 01.07.2020 принято решение внести в текст понятие «социальное партнерство» (статья 75.1 Конституции РФ): «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» [11].

В качестве нормативно-правовой основы для продвинутой системы социального партнерства могут служить следующие решения:

- создание конкретных и недвусмысленных толкований полномочий и обязанностей сторон партнерства на законодательном уровне;
- формирование ячейки в судебной системе государства с направленностью на социально-трудовые отношения (например, независимого арбитражного суда);
- расширение полномочий профессиональных союзов в направлении законотворческой деятельности.

3. Трудности заключения соглашений на всех уровнях социального партнерства. В зависимости от сферы и уровня (значимости) регулирования социально-трудовых отношений соглашения могут быть заключены на следующих уровнях (территориально, от низшего к высшему):

- локальный (коллективный договор);
- территориальный (в пределах муниципального образования);

- региональный (в пределах одного субъекта РФ);
- межрегиональный (в двух субъектах РФ или более);
- отраслевой (в пределах одной отрасли производства);
- федеральный (Генеральное соглашение).

Соглашения по праву считаются ядром современного социального партнерства, так как описывают договоренности, достигнутые двумя или тремя сторонами. Согласно Трудовому кодексу РФ, соглашение — это трудовой акт, направленный на регулирование социально-трудовых отношений и связанных с ними экономических отношений, заключаемый на всех уровнях социального партнерства.

Заключение Генерального соглашения служит важнейшим этапом социального диалога. Большинство положений, описанных в соглашении, направлены на очерчивание текущих проблем общества и предположение путей их решения для достижения социального мира в стране, описаны общие для сторон партнерства мотивы и стремления. Текущее Генеральное соглашение, подписанное между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на период 2021–2023 годы, на федеральном уровне закрепляет позицию сторон — основных участников рынка труда.

Отраслевые трехсторонние соглашения более конкретно устанавливают общие положения оплаты труда работника, льготы, гарантии и компенсации. Существует актуальная проблема заключения данного вида соглашения, к примеру, в настоящее время у Всероссийского Электропрофсоюза уже более года не существует отраслевого тарифного соглашения с объединением работодателей [12], что приводит к ущемлению трудовых прав работников отрасли, лишает их социальной поддержки и может негативно сказаться на общем благосостоянии общества труда.

Локальные трехсторонние или двухсторонние соглашения — самый конкретизированный вид регулирования системы социального партнерства на уровне одной организации. Существует актуальная проблема заключения данного вида соглашения, к примеру, уход работодателя от диалога и отказ вести переговоры в направлении заключения соглашения.

В ряде публикаций по теме исследования [2; 13–16] авторами освещается проблематика недостаточных компетенций соглашений федерального уровня и рекомендательный характер заключения соглашений на локальном уровне. Одним из путей решения может служить закрепление на законодательном уровне обязанности сторон создавать коллективные договоры и следовать их исполнению.

4. Развитие через задачи по обеспечению достойного труда. Социальное партнерство может рассматриваться как любая деятельность внутри социально-трудовых отношений, направленная на согласование интересов сторон. Если брать за основу утверждение о том, что удовлетворенность условиями труда улучшает качество и темпы производства, можно предположить, что отдельные действия сторон, направленные на совершенствование социально-трудовой сферы также реализуются в контексте социального партнерства. Профессиональные союзы компетентны вносить вклад в социально-трудовую сферу, а значит и опосредованно влиять на совершенствование системы социального партнерства через задачи по обеспечению достойного труда.

К ним относятся следующие:

- решение проблемы безработицы, расширение возможностей занятости;
- инициатива в системе социальной защиты населения (исполнение и развитие конституционных и иных мер социальной поддержки);
- содействие основополагающим правам в сфере труда и т. д.

Выводы

Вышеизложенный материал показывает важное значение социального партнерства для гражданского общества, что предопределяет актуальную сферу исследования и повышенное внимание исследователя к проблематике социального партнерства. Экономические изменения за последние 30 лет стали причиной интенсификации отношений сферы труда. Задействованные стороны социального партнерства имеют единую глобальную цель — выстраивание крепкой и продуктивной политики труда с согласованием интересов всех сторон. Однако пути и методы достижения различаются. В отраслях и на локальном уровне и в настоящее время возникают споры, решение которых может быть найдено лишь благодаря многостороннему сотрудничеству профессиональных союзов и собственников производств. В связи с этим активные действия профессиональных союзов расцениваются как стремление к диалогу, к возможности факта достижения консенсуса. В данном контексте особую ценность приобретет формирование и развитие комплексного подхода к формированию отношений в контексте «Профсоюз — Власть — Работодатель».

Перспектива совершенствования системы социального партнерства имеет устойчивый вектор развития, направленный, прежде всего, на улучшение благосостояния гражданского общества. Важность развития гражданского общества в социальном государстве не вызывает сомнений.

Особо перспективными путями достижения более совершенной системы социального партнерства автор считает усиление роли государства, формирование усиленного правового обеспечения и активную политику сторон в направлении формирования соглашений на всех уровнях.

Известный в научном профсоюзном обществе доктор педагогических наук и профессор Академии труда и социальных отношений К. Г. Кязимов пишет: «Социальное государство должно регулировать происходящие в обществе процессы путем борьбы с бедностью, а не с богатством» [1].

Список источников

- [1] Кязимов, К. Г. Социальное партнерство : практическое пособие по созданию корпоративного ресурса знаний юридического лица / К. Г. Кязимов. — Москва : ЭНАС, 2008. — 192 с. — (Безопасность предприятия). — Текст : непосредственный.

- [2] Фомичев, И. Ю. Современные профсоюзы : новые качества старых функций / И. Ю. Фомичев, Н. Д. Цыганенко, И. В. Павлова. – DOI 10.31660/1993-1824-2021-4-101-113. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2021. – № 4. – С. 101–113.
- [3] Авдеев, М. Ю. Актуальность проблемы управления производительностью труда на современном этапе / М. Ю. Авдеев. – Текст : электронный // Вестник Евразийской науки. – 2019. – Т. 11, № 3. – URL: <https://esj.today/44ECVN319.html>.
- [4] Соболев, Э. Н. Социальное партнерство в России : эффективность и перспективы / Э. Н. Соболев. – Текст : непосредственный // Россия и современный мир. – 2014. – № 1 (82). – С. 6–20.
- [5] Барабанов, А. А. Профсоюзы России в условиях современной политической системы : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Барабанов Антон Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с. – Место защиты : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Текст : непосредственный.
- [6] Крестьянинов, А. И. Роль профсоюзов в регулировании общественных отношений в условиях социальной напряженности : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Крестьянинов Алексей Николаевич ; Академия труда и социальных отношений. – Москва, 2004. – 50 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Башмаков, В. И. Профсоюзы как институт регуляции социально-трудовых отношений : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Башмаков Виктор Иванович ; Государственный университет управления. – Москва, 2001. – 382 с. – Текст : непосредственный.
- [8] Сунарчина, М. М. Современные профсоюзы в системе социальной защиты работников (на примере Республики Башкортостан) : специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Сунарчина Мунира Мунировна. – Санкт-Петербург, 2016. – Место защиты : Санкт-Петербургский государственный университет. – 42 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Шик, О. Экономика. Интересы. Политика / О. Шик ; перевод с чешского В. П. Грузинова, под редакцией Я. А. Кронрода. – Москва : Прогресс, 1964. – 508 с. – Перевод изд.: *Ekonomika. Zájmy. Politika* / Ota Šik, 1962. – Текст : непосредственный.
- [10] Петров, А. В. Социальное партнерство как фактор развития современной культуры труда : региональный аспект / А. В. Петров, М. М. Сунарчина. – Текст : непосредственный // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 1 (34). – С. 72–76.
- [11] Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. – Текст : электронный // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. – 2022. – URL : <http://duma.gov.ru/news/48964> (дата обращения: 13.04.2022).

- [12] Программа «Профсоюзы» радио Sputnik : почему Всероссийский Электропрофсоюз и объединение работодателей не смогли заключить отраслевое тарифное соглашение? – Текст : электронный // Общественная организация «Всероссийский Электропрофсоюз» : официальный сайт. – 2022. – URL : <https://www.elprof.ru/about/info/news/5222/> (дата обращения: 01.05.2022).
- [13] Цыганенко, Н. Д. Значимость профсоюзов в формировании устойчивого положения гражданского общества в социальном пространстве / Н. Д. Цыганенко, И. Ю. Фомичев. – Текст : непосредственный // Социология. – 2020. – № 2. – С. 81–86.
- [14] Скрипникова, М. И. Профсоюз и работодатель / М. И. Скрипникова, Ю. И. Смирнов, Е. В. Александрова. – DOI 10.21686/2413-2829-2018-1-204-209. – Текст : непосредственный // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2018. – № 1 (97). – С. 204–209.
- [15] Орешников, И. М. О социально-экономическом назначении профсоюзов и усиления их функции социальной защиты работников / И. М. Орешников, М. М. Сунарчина. – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2014. – № 1. – С. 37–39.
- [16] Уханова, Ю. В. Профсоюзные организации как субъект гражданского участия (опыт Вологодской области) / Ю. В. Уханова. – DOI 10.31857/S013216250008324-9. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 54–64.

References

- [1] Kyazimov, K. G. (2008). *Sotsial'noe partnerstvo: prakticheskoe posobie po sozdaniyu korporativnogo resursa znaniy yuridicheskogo litsa*. Moscow, ENAS Publ., 192 p. (In Russian).
- [2] Fomichev, I. Yu., Tsyganenko, N. D., & Pavlova, I. V. (2021). Trade unions: modern features of their activities. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*, (4), pp. 101-113. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2021-4-101-113
- [3] Avdeev, M. I. (2019). The urgency of the problem of labor productivity management at the present stage. *The Eurasian Scientific Journal*, 11(3). (In Russian). Available at: <https://esj.today/44ECVN319.html>
- [4] Sobolev, E. N. (2014). Social partnership in Russia: efficiency and prospects. *Russia and the contemporary world*, (1(82)), pp. 6-20. (In Russian).
- [5] Barabanov, A. A. (2013). *Profsoyuzy Rossii v usloviyakh sovremennoy politicheskoy sistemy*. Avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk. St. Petersburg, 24 p. (In Russian).
- [6] Krest'yaninov, A. I. (2004). *Rol' profsoyuzov v regulirovanii obshchestvennykh otnosheniy v usloviyakh sotsial'noy napryazhennosti*. Avtoref. diss. ... dokt. sotsiol. nauk. Moscow, 50 p. (In Russian).
- [7] Bashmakov, V. I. (2001). *Profsoyuzy kak institut regul'yatsii sotsial'no-trudovykh otnosheniy*. Diss. ... dokt. sotsiol. nauk. Moscow, 382 p. (In Russian).

- [8] Sunarchina, M. M. (2016). *Sovremennye profsoyuzy v sisteme sotsial'noy zashchity rabotnikov (na primere Respubliki Bashkortostan)*. Avtoref. diss. ... dokt. sotsiol. nauk. St. Petersburg, 42 p. (In Russian).
- [9] Šik, O. *Ekonomika. Zájmy. Politika* (1962). (In Czech).
- [10] Petrov, A. V., & Sunarchina, M. M. (2015). *Sotsial'noe partnerstvo kak faktor razvitiya sovremennoy kul'tury truda: regional'nyy aspekt*. *Society. Environment. Development*, (1(34)), pp. 72-76. (In Russian).
- [11] *Novyy tekst Konstitutsii RF s popravkami 2020*. (In Russian). Available at: <http://duma.gov.ru/news/48964>
- [12] *Programma "Profsoyuzy" radio Sputnik: pochemu Vserossiyskiy Elektroprofsoyuz i ob"edinenie rabotodateley ne smogli zaklyuchit' otraslevoe tarifnoe soglashenie?* (2022). (In Russian). Available at: <https://www.elprof.ru/about/info/news/5222/>
- [13] Tsyganenko, N. D., & Fomichev, I. Yu. (2020). *Significance of trade unions in the formation of the sustainable situation of civil society in social space*. *Sociology*, (2), pp. 81-86. (In Russian).
- [14] Skripnikova, M. I., Smirnov, Y. I., & Aleksandrova, E. V. (2018). *The union and employer*. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, (1(97)), pp. 204-209. (In Russian). DOI: 10.21686/2413-2829-2018-1-204-209
- [15] Oreshnikov, I. M., & Sunarchina, M. M. (2014). *About social and economic appointment of labor unions and strengthenings of their function of social protection of workers*. *Sociopolitical Sciences*, (1), pp. 37-39. (In Russian).
- [16] Ukhanova, Yu. V. (2020). *Labour union organizations as a subject of civic participation: Vologda oblast case study*. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), pp. 54-64. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250008324-9

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

УДК 332.1+316.3

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-101-114

Оценка социально-психологического самочувствия населения Восточного Казахстана

**Валентина Павловна Шеломенцева, Сергей Семенович Донцов,
Елена Васильевна Игнатова**

*Кафедра экономики, Некоммерческое акционерное общество «Торайгыров университет»,
Павлодар, Республика Казахстан*

Аннотация. В числе приоритетных направлений развития Республики Казахстан на первое место поставлено ее комплексное социально-экономическое развитие. Наряду с экономическими индексами, такими как ВРП, среднедушевой доход, напряженность на рынке труда и др., ключевыми параметрами выступают показатели, отражающие социально-психологическое самочувствие населения. При этом мы полагаем, что при планировании важно учитывать реальное состояние социально-экономического развития региона, города, населенного пункта на основе статистической информации, анализа развития территории, а также оценки населением своего уровня и качества жизни, его социально-психологического настроения. В статье использованы качественные и количественные методы социологических исследований, проведенных нами в 2021 году на территории Восточного Казахстана. Анализ научной литературы, отечественных и зарубежных практик исследования социально-экономического развития территорий позволил нам разработать и апробировать инструментарий оценки социально-психологического самочувствия населения Восточного Казахстана и выявить факторы, которые оказывают существенное влияние на оценку уровня и качества жизни населения, что может служить основанием для установления приоритетов в планировании социально-экономического развития территории Республики Казахстан.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие территории, планирование развития территории, уровень и качество жизни, социально-психологическое самочувствие населения, удовлетворенность качеством услуг

Для цитирования: Шеломенцева, В. П. Оценка социально-психологического самочувствия населения Восточного Казахстана / В. П. Шеломенцева, С. С. Донцов, Е. В. Игнатова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-2-101–114 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 101–114.

An assessment of socio-psychological well-being of the population of Eastern Kazakhstan

Valentina P. Shelomentseva, Sergey S. Dontsov, Elena V. Ignatova

Department of Economics, Toraighyrov University, Pavlodar, the Republic of Kazakhstan

Abstract. Among all the priority areas for the development of the Republic of Kazakhstan, its comprehensive socio-economic development takes the first place. It is important to take into account not only economic indices, such as Gross Regional Product, average per capita income, the tension in the labor market, etc., but also indicators that reflect the socio-psychological well-being of the population. At the same time, we believe that it is crucial to take into account the current state of the socio-economic development of the region, city, a settlement

based on statistical information, analysis of the development of the territory, as well as assessments by the population of their level and quality of life and their socio-psychological mood. In the article, we consider the socio-psychological well-being of the population in two aspects. Firstly, socio-psychological well-being reflects the objective parameters of the quality of life associated with the state of the socio-economic system of society, the level of infrastructure development, social security, and the scope of political rights. Secondly, socio-psychological well-being reflects an assessment of subjective well-being, including overall life satisfaction and social optimism. The article uses qualitative and quantitative methods of sociological research, which has been conducted by us in 2021 on the territory of Eastern Kazakhstan. The analysis of scientific literature, domestic and foreign practices of studying the socio-economic development of territories allowed us to develop and test tools for assessing the socio-psychological well-being of the population of Eastern Kazakhstan. It was also possible to identify factors that have a significant impact on determining the population's level and quality of life, which can serve as a basis for establishing priorities in planning the socio-economic development of the territory of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: socio-economic development of the territory, region development planning, level and quality of life, socio-psychological well-being of the population, satisfaction with the quality of services

For citation: Shelomentseva, V. P., Dontsov, S. S., & Ignatova, E. V. (2022). An assessment of socio-psychological well-being of the population of Eastern Kazakhstan. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (2), pp. 101-114. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-2-101-114

Введение

Глобальные изменения в казахстанском обществе актуализируют необходимость исследования компонентов жизнедеятельности людей, в частности социально-психологического самочувствия казахстанцев как одной из движущих сил изменений. Понимание того, что при планировании социально-экономического развития регионов не в полной мере учитывается социально-психологическое самочувствие населения, нами была проведена социологическая диагностика регионов Восточного Казахстана, занимающих 10,4 % территории страны, на которой проживает 7,51 % населения Казахстана. Мы полагаем, что диагностика социально-психологического самочувствия населения необходима и важна при оценке потенциального уровня напряженности не только в исследуемом регионе, но и республике в целом.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена, с одной стороны, оценкой социально-психологического самочувствия и возможного уровня напряженности населения региона, с другой стороны — созданием условий повышения уровня и качества жизни населения на основе принятия управленческих решений по совершенствованию системы социально-экономического планирования. Результаты социодиагностики, выполненные в разрезе административно-территориальных образований, могут использоваться при разработке региональных программ, а также планов социально-экономического развития. В данной работе мы опираемся на выполненные исследования мониторинга социально-психологического самочувствия населения Восточного Казахстана.

В состав Восточного Казахстана входят четыре города и пятнадцать сельских районов, которые характеризуются разным уровнем жизни населения. Эти различия оказывают влияние на уровень социальной напряженности региона и могут привести к

усилению миграционных настроений, а также к снижению доверия населения к органам исполнительной власти. Поэтому оценка социально-психологического самочувствия населения может обеспечить обратную связь для установления приоритетов в планировании социально-экономического развития региона.

Дифференциация общества, вызванная процессами трансформации социальной структуры, проявилась в разных способах удовлетворения основных жизненных потребностей населения. Это обосновывается тем, что осуществляемые социально-экономические и политические преобразования не всегда и не в должной мере учитывают интересы разных слоев населения. Поэтому особо важно изучать влияние проводимых мероприятий на уровень жизни разных социальных групп и оценивать социально-психологическое самочувствие населения в разных регионах. Такой подход позволит местным исполнительным органам власти применять качественные и количественные показатели при планировании социально-экономического развития территории.

Следует отметить, что планирование социально-экономического развития территорий (городов, населенных пунктов) предполагает достижение их устойчивого развития в обозримом будущем. В планировании социально-экономического развития городов и населенных пунктов информация о состоянии и развитии всех отраслей экономики региона (всех производств), развитии производственной и социальной инфраструктуры, состоянии окружающей среды извлекается из официальной статистики, жизненных стандартов, которые должны разрабатываться для всех регионов.

Кроме того, представляется необходимым и ценным иметь информацию об уровне удовлетворенности населения региона развитостью социальной и производственной инфраструктуры, качеством предоставляемых услуг, уровнем дохода и его распределением, о состоянии окружающей среды, об отношении и оценке населением проводимой государственной экономической и социальной политики. Эту информацию можно получить, организовав проведение на регулярной основе Мониторинга по изучению социально-психологического самочувствия населения.

Представляется важным разработка методологии проведения Мониторинга по изучению социально-психологического самочувствия населения. Для этого необходимо сформировать новые способы проведения мониторинга оценки социально-психологического самочувствия населения, а именно определение:

- изменений в социально-психологическом самочувствии населения;
- уровня напряженности населения на определенной территории;
- уровня удовлетворенности населения качеством и доступностью объектов социальной инфраструктуры, обустройством населенных пунктов;
- уровня удовлетворенности экономическим развитием страны, региона и перспективами;
- удовлетворенности населения тем, как складывается у них жизнь в стране, регионе;
- выявление проблемных вопросов.

Анализ научной литературы показал, что в последние годы проводятся достаточно серьезные исследования по оценке уровня и качества жизни населения, рассматривающие их сущностные характеристики, систему показателей, на основе которых

возможно измерить уровень и качество жизни, направление повышения уровня жизни населения, инструменты государственного регулирования. Такие исследования выполнялись как по отдельным странам, так и по регионам [1–4].

Ряд исследований занимают работы по изучению вопросов бедности населения, дифференциации общества. Зачастую в этих работах рассматриваются и меры государственной поддержки тех групп населения, которые не имеют работы либо случайных заработков. В качестве таких мер государственной поддержки можно выделить адресную социальную помощь малообеспеченным, пособия по инвалидности, социальные выплаты и пособия по случаю потери кормильца, жилищную помощь, социальные пособия и выплаты по беременности и уходу за детьми, социальные выплаты на случай потери работы [4; 5].

Особое место занимают исследования по определению уровня обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, степени удовлетворенности качеством объектов социальной инфраструктуры, а также качеством услуг, оказываемых объектами социальной инфраструктуры. Такие исследования проводятся с определенной периодичностью в целом по странам, в разных регионах и зачастую их результаты используются при определении рейтинга регионов по уровню и качеству жизни, оценке их привлекательности [4; 6–8].

Не менее интересными являются научные публикации, исследующие вопросы занятости населения, уровня доходов и покупательной способности. Результаты таких исследований используются при разработке и совершенствовании социальной политики, разработке региональных социальных программ, целью которых является повышение уровня жизни населения [3; 9].

Представляют интерес научные работы, связанные с исследованием проблем бедности и неравенства в сельских территориях, социально-экономической асимметрии регионов в сложившихся условиях, определением направлений региональной экономической и социальной политики, направленной на обеспечение привлекательности регионов и отдельных территорий [5; 10; 11].

Значимыми являются исследования, посвященные оценке социального и психологического состояния общества в целом и его отдельных групп, значимость их определяется тем, что существенно их влияние на общественную и демографическую безопасность в регионе [12–14].

Проблемы устойчивости являются предметом исследования многих авторов. Соотношение социальной, экономической и экологической составляющих на определенных территориях в значительной степени влияет на оценку человеком привлекательности этого населенного пункта для проживания на постоянной основе. При этом очень часто человек, определяя степень привлекательности региона для проживания, делает сравнение со своими ожиданиями, тем как живут его родственники, друзья, коллеги, однокурсники, а также с условиями и уровнем жизни населения в развитых странах, где респондент, по его мнению, может быть востребован [15–19].

Существенное место занимают исследования, направленные на измерение уровня социального настроения, социального самочувствия и социального благополучия населения, рассматриваемых в качестве факторов общественной и демографиче-

ской безопасности, инструментов оценки эффективности на региональном уровне [10; 12; 18; 20; 21]. Измерение уровня социального настроения, социального самочувствия и социального благополучия населения, проживающего на определенной территории, позволяет местным исполнительным органам власти принимать и реализовывать решения, направленные на развитие предпринимательства, социальной инфраструктуры, природоохранной деятельности, развитие здравоохранения, образования, местного самоуправления.

Следует отметить, что проводимые исследования не в полной мере уделяют внимание оценке социально-психологического самочувствия населения. Проведение такого рода исследований важно для регионов. Полученные результаты позволят разработать механизмы по обеспечению социальной и экономической безопасности территории. На основе полученных показателей возможно осуществлять планирование повышения уровня жизни и социально-экономического развития территории. Качественные и количественные показатели станут ориентиром при разработке и реализации региональных экономических и социальных программ.

Материалы и методы

Исследование особенностей и направлений оценки социально-экономического развития территории на социально-психологическое самочувствие населения рассматривалось нами в дискурсе методологии проведения социологических исследований [12]. Идентифицировались позиции и диспозиции социальных групп населения, различающихся по полу, возрасту, социальному статусу, уровню образования, уровню дохода на одного члена семьи. Для получения необходимой и качественной информации нами был разработан и использован качественный социологический инструментарий: массовые опросы населения региона с выделением интересующих признаков респондентов, проведение фокус-групп, контент-анализ СМИ и социальных сетей. Опросы и другие исследования проводились квалифицированными и ответственными интервьюерами, имеющими специальную подготовку в этой сфере.

Используемая в исследовании методика экспертной оценки позволила проводить опрос по структурированной, формализованной анкете, вопросы выстраивались в строго определенной последовательности в соответствии с четко выстроенной логикой переходов.

В качестве генеральной совокупности было выбрано взрослое население области старше 18 лет, постоянно проживающее на данной территории. В исследовании использовалась маршрутная случайная квотная выборка. Выборочная совокупность опроса составила 1 000 респондентов. Отбор респондентов проводился в соответствии с заданными квотами. Применялась связанная квота по полу и возрасту.

В числе опрошенных 50,5 % — мужчины, 49,5 % — женщины, представляющие разные социальные категории. 48,4 % имеют высшее образование, 34,8 % — среднее специальное образование.

Национальный состав: 61,5 % опрошенных — казахи; 20,5 % — русские; 5,6 % — украинцы; 0,8 % — узбеки; 11,6 % — представители других национальностей.

Методический инструментарий разрабатывался и корректировался нами с тем, чтобы была возможность анализировать происходящие изменения во времени и в территориальном разрезе.

Анализ результатов социологического опроса фиксировался отдельно по городам и районам Восточного Казахстана с тем, чтобы исполнительные органы государственной власти могли получить достоверную информацию:

- уровня удовлетворенности качеством жизни;
- деятельности местных исполнительных органов власти;
- о социально-психологическом самочувствии населения.

В этой связи было выделено три группы вопросов, позволяющих:

- оценить удовлетворенность своей жизнью, уровнем жизни, материальным положением семьи, уровнем и качеством жилищных условий семьи, уровнем здравоохранения и образования, качеством инфраструктуры, уровнем благосостояния;
- выявить степень ощущения населением политических перемен и преобразований: выявление проблем, с которыми сталкиваются жители населенных пунктов области, оценка деятельности государственных органов по решению проблем;
- определить социально-психологическое самочувствие населения: измерение основных показателей социального и экономического самочувствия населения региона.

Результаты и обсуждение

В исследовании нам удалось выявить представление населения региона об уровне жизни. Прежде всего, нас интересовала удовлетворенность респондентов тем, как складывается их жизнь, на что мы получили следующие ответы: основная часть населения в целом удовлетворена своей жизнью, при этом 3,5 % респондентов скорее не удовлетворены, 0,6 % — совершенно не удовлетворены и 0,2 % — затруднились ответить. Следует отметить, что в числе неудовлетворенных своей жизнью есть те, у которых действительно низкий уровень жизни, но могут быть и те, ожидания которых на свое будущее не подтвердились (табл. 1).

Таблица 1

**Удовлетворенность респондентов тем, как складывается их жизнь,
в % к общему числу опрошенных**

Вариант ответов	Ответы респондентов (%)
Полностью удовлетворен	16,4
Скорее удовлетворен	43,3
Все нормально, жить можно	36,0
Скорее не удовлетворен	3,5
Совершенно не удовлетворен	0,6
Затрудняюсь ответить	0,2

Примечание: таблица 1 составлена по результатам социологического исследования

Важным параметром, определяющим уровень жизни, являются доходы семьи. Материальное положение жителей региона не вызывает каких-либо опасений — вариант «мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования (холодильник, телевизор, мебель), но испытываем затруднения в приобретении более дорогих вещей (автомобиль, квартиру)» отметили 66,3 % респондентов. 33,7 % респондентов полагают, что «могут позволить себе достаточно дорогостоящие вещи (автомобиль, квартиру и многое другое)», при этом в городах областного значения 18 % респондентов, и в сельских районах — 15,7 %.

Следует подчеркнуть, что при опросах населения зачастую респонденты дают заниженную оценку своим доходам, поэтому разница в оценке материального положения определяется субъективными факторами: состояния (пол, возраст, уровень образования, социальный слой общества, семейное положение, размер населенного пункта) и ожидания (оценка материального положения своей семьи, социальный статус, уверенность в завтрашнем дне, собственное настроение). Исходя из этого, можно предположить следующее: с повышением возрастного ценза снижается оценка материального состояния; население с более высоким образовательным уровнем дает менее негативные оценки материального положения; на наиболее позитивные оценки материального состояния влияет семейное положение; негативная оценка материального состояния дается пенсионерами, безработными.

Степень удовлетворенности человека качеством жизни в значительной степени определяется возможностью реализовать свои потребности в удовлетворенности жилищными условиями, обеспеченности и удовлетворенности коммунальными услугами. Половина респондентов (53,4 %) имеет отдельную квартиру (дом); 35,1 % — живут с родными, но имеют отдельную комнату; 3,3 % — живут с родными и не имеют отдельной комнаты; 6,3 % — живут на съемной квартире; 1,9 % — живут в общежитии. В съемном жилье проживают в основном респонденты городов. К лицам, снимающим жилье, относятся те, кто недавно переехал в этот населенный пункт, и молодые семьи, пожелавшие жить самостоятельно. Подавляющее большинство респондентов удовлетворены своими жилищными условиями — 92,6 % (полностью удовлетворяют и скорее удовлетворяют), наибольшую неудовлетворенность жилищными условиями высказывают респонденты городов — 7,4 % (скорее не удовлетворяют и совершенно не удовлетворяют).

Удовлетворенность качеством получаемых коммунальных услуг (полностью удовлетворен, скорее удовлетворен) достаточно высокая. Обеспеченность коммунальными услугами, такими как центральное отопление, горячая вода и канализация, составляет 100 % для жителей городов. Респонденты сельских районов проживают в частном секторе и не имеют центрального отопления, горячей воды и канализации. Пользователи центрального отопления сельских районов высказывают неудовлетворенность качеством горячей воды, что связано с тем, что горячего водоснабжения в населенных пунктах не существует и пользование горячей водой из отопительной системы запрещено. Неудовлетворительные оценки качества горячего водоснабжения в городах вызваны его отключением на длительное время в летний период.

Результаты опроса показали, что у подавляющего большинства опрошенных питание качественное и сбалансированное. А именно, 23,3 % респондентов считают, что в нем есть все продукты, которые они хотят, 52,7 % — в нем есть все продукты, но без изысков, 21,4 % — есть только необходимые продукты и сезонные овощи и фрукты, 0,9 % — наша «продовольственная корзина» однообразна и бедна, 1,1 % — есть только самое необходимое, 0,2 % — не всегда есть даже самое необходимое, 0,4 % — затрудняюсь ответить.

Кроме того, качество жизни определяется доступностью медицинских услуг и медикаментов, оценка этой составляющей представлена следующим образом: доступны все виды медицинской помощи — 36,6 %; доступна медицинская помощь, за исключением лечения в дорогих частных клиниках — 43,3 %; доступна медицинская помощь в платных отделениях государственных больниц — 12,3 %; доступна только гарантированная бесплатная медицинская помощь — 6,0 %; затрудняюсь ответить — 1,8 %. Безусловно, люди хотели бы видеть гарантированную медицинскую помощь в более широком наборе медицинских услуг, чем есть сейчас. При этом удовлетворенность респондентов качеством здравоохранения достаточно высокая — 88,3 % (полностью удовлетворяет и скорее удовлетворяет). Оценка «скорее не удовлетворяет» не является в полной мере отрицательной, поскольку содержит элемент сомнения респондента.

Наряду с этим оценивалась удовлетворенность качеством образования в регионе, по результатам опроса она достаточно высокая и составляет 91,9 %.

Интересным является сопоставительная оценка жизни в месте проживания с другими регионами Казахстана. 5,4 % респондентов считают, что однозначно лучше, 17,3 % — скорее лучше, 68,7 % — такая же хорошая. Некоторая часть опрошенных (3,8 %) считает, что такая же плохая, как и в других регионах Казахстана; 1,3 % — что хуже, чем в других регионах; 3,5 % — затруднились ответить.

При оценке материального достатка и распределения доходов важно установить, какая доля получаемых доходов тратится на питание, коммунальные услуги, образование, лечение, отдых и развлечения (табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов о распределении доходов, в % к общему числу опрошенных

	5–10 %	11–20 %	21–30 %	31–40 %	41–50 %	Более 50 %	Затрудняюсь ответить
Питание	4,0	26,2	43,7	4,5	12,1	8,4	1,1
Коммунальные услуги (тепло, свет, вода, газ)	51,6	24,3	14,9	6,3	1,0	0,3	1,6
Образование	47,7	27,8	17,1	2,5	1,2	0,2	3,5
Лечение	45,9	37,8	13,2	0,4	0,4	0,2	2,1
Отдых и развлечения	43,7	43,0	8,7	1,4	1,0	0,2	2,0

Примечание: таблица 2 составлена по результатам социологического исследования.

Результаты опроса по распределению средств показали, что у большей части респондентов на питание расходуется от 20,0 до 30,0 % дохода; на коммунальные расходы — от 5 до 10 %; на образование — от 10 до 15,0 %; на лечение — от 5 до 10 %; на отдых и развлечения — от 5 до 20 %. Расходы на коммунальные платежи значительны у лиц, проживающих в наемном жилье, и у тех, кто имеет ипотечное жилье (плату по ипотеке люди учитывают вместе с коммунальными расходами).

При измерении уровня и качества жизни населения важно учитывать изменения условий жизни респондентов в 2021 году по сравнению с 2017 годом (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка респондентов изменений условий жизни за последние 5 лет,
в % к числу опрошенных**

Изменения условий жизни	Оценка респондентов, %	
	Лучше	Хуже
Материальное положение	62,7	1,2
Возможности для заработка	44,1	0,8
Возможности купить одежду	61,3	0,4
Питание	56,0	1,6
Жилищные условия	43,9	0,8
Перспективы жизни	48,1	1,4
Получение хорошего образования	39,5	0,3
Получение квалифицированной медицинской помощи	39,9	0,9
Поддержание достойного уровня жизни	36,7	0,7
Работа пассажирского транспорта	38,9	0,2
Жизнь в целом	55,3	0,1

Примечание: таблица 3 составлена по результатам социологического исследования.

Как видно из таблицы 3, основные условия жизни в 2021 году стали лучше по большинству позиций. Ухудшение основных условий жизни в целом по области составляет от 1,9 до 4,1 %. Респонденты сельских районов ухудшения основных условий жизни в 2021 году по сравнению с 2017 годом почти не отмечают.

В ходе опроса респондентов выяснилось, что может послужить таким раздражителем для жителей региона (табл. 4).

Таблица 4

**Проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются жители региона,
в % к числу опрошенных**

Вариант ответа	Ответ респондентов, в %
Жилищные (отсутствие собственного жилья, улучшение жилищных условий)	64,0
Рост цен и тарифов на коммунальные услуги	22,7
Рост цен на продукты питания и товары первой необходимости	19,1
Экологические проблемы	13,5
Безработица, сложности с трудоустройством	6,0
Плохое состояние дорог	8,4
Отсутствие постоянного доступа и низкое качество питьевой воды	2,6
Недостаточная помощь социально уязвленным слоям населения	3,1
Низкое качество медицинского обслуживания	1,8

Примечание: таблица 4 составлена по результатам социологического исследования.

Из данных, представленных в таблице 4, к наиболее важным проблемам респонденты относят жилищные условия (64,0 %). Каждый пятый отмечает рост цен и тарифов на коммунальные услуги (22,7 %) и рост цен на продукты питания и товары первой необходимости (19,1 %). К менее значимым проблемам относят экологические проблемы (13,5 %), безработицу, сложности с трудоустройством (6,0 %), а также плохое состояние дорог, отсутствие постоянного доступа и низкое качество питьевой воды, недостаточную помощь социально уязвленным слоям населения, низкое качество медицинского обслуживания (от 2,2 до 4,6 %).

Населению любого региона важно, как решаются беспокоящие их проблемы государственными органами, насколько их деятельность эффективна и соответствует ожиданиям жителей. По результатам социологического опроса выявлено, что преобладающее большинство респондентов ответили положительно — решаются (20,5 % — да; 67,1 % — скорее да, чем нет); предпринимаемые действия со стороны государственных структур имеют эффективный характер (18,5 % респондентов ответили — «эффективно», 68,1 % — скорее эффективно); работа местных исполнительных органов на местах оценивается достаточно высоко и в основном соответствует ожиданиям людей (30,1 % — в полной мере соответствует; 58,2 % — скорее соответствуют).

Каждому человеку важно быть уверенным в защищенности себя и своей семьи. С этой целью был проведен опрос по выявлению уверенности населения в своем будущем. По результатам опроса уверенность в разной мере продемонстрировали подавляющее число респондентов региона: полностью уверены — 37,2 %, частично уверен — 30,1 %, больше уверен, чем нет — 27,4 %. Наряду с этим 16,3 % респондентов верят,

что улучшения произойдут, но не очень скоро, а 44,0 % надеются, что в ближайшее время ситуация улучшится. Вместе с тем 25,3 % опрошенных предпочитают жить сегодняшним днем, «не забивать себе голову». Пессимистические настроения, ожидания (особых изменений не предвижу) наблюдаются у респондентов городов областного значения. Согласно нашему исследованию, у более трех четвертей респондентов (82,9 %) нет желания покинуть постоянное место жительства. Такой процент можно объяснить несколькими причинами: 61,5 % респондентов — это представители казахского этноса, регион не относится к трудоизбыточным, что дает населению шанс беспроblemно решать вопросы занятости.

Выводы

Полученные результаты социологического исследования подтверждают рабочую гипотезу: уровень социально-психологического самочувствия населения в регионах Восточного Казахстана позитивный. Каждый второй респондент (59,7 %) удовлетворен тем, как складывается жизнь. Треть населения региона (36,0 %) считают нормальным свое положение. В числе неудовлетворенных есть жители, у которых действительно низкий уровень жизни, но есть и те, у кого не подтвердились ожидания на свое будущее.

По оценкам респондентов отмечается достаточно высокий уровень жизни населения. Так, 93,0 % респондентов оценивают уровень своей жизни как высокий, и 5,0 % опрошенных определили его как низкий.

Наряду с этим большая часть респондентов (62,7 %) считает, что материальное положение за последние пять лет улучшилось, и каждый второй опрошенный (55,3 %) отмечает, что жизнь в целом стала лучше. Те, кто отметили ухудшение, из предложенных вариантов причин ухудшения своего благосостояния назвали предикаты: болею (1,9 %), рост цен опережает рост зарплаты (1,7 %), потерял хорошо оплачиваемую работу и работаю неполную неделю (по 0,9 %).

Следует отметить, что по результатам опроса большая часть респондентов выражает собственное желание участвовать в процессах улучшения благосостояния населения регионов. Полученные результаты исследования и конкретные рекомендации по региону и населенным пунктам переданы исполнительным органам власти для выработки и принятия мер.

Список источников

- [1] Гаврилова, И. А. Качество жизни населения : стратегия повышения, государственное регулирование / И. А. Гаврилова, А. Д. Макаров. — Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. — 2017. — № 4—1. — С. 133—137.
- [2] Дендак, Г. М. Уровень и качество жизни населения в России : региональный аспект / Г. М. Дендак. — Текст : непосредственный // Политика, экономика и инновации. — 2016. — № 5 (7). — С. 22—30.

- [3] Каримова, М. Уровень жизни населения РК : рейтинги, показатели и дифференциация / М. Каримова. – Текст : электронный // Стратегия 2050 : сайт. – URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/52056/>. – Дата публикации: 27.09.2018.
- [4] Силин, А. Н. Уровень жизни и социально-экономическая ситуация при проведении рыночных реформ в Республике Казахстан / А. Н. Силин, С. Г. Симонов, В. П. Шеломенцева ; Тюменский государственный нефтегазовый университет, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова. – Тюмень : Вектор Бук, 2003. – 319 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Rodríguez-Pose, A. Addressing poverty and inequality in the rural economy from a global perspective / A. Rodríguez-Pose, D. Hardy. – DOI 10.1016/j.apgeog.2015.02.005. – Direct text // *Applied Geography*. – 2015. – Vol. 61. – P. 11–23.
- [6] Zheleznyakov, S. Reduction of social and economic asymmetry of territories in new economic conditions / S. Zheleznyakov, I. Risin. – Direct text // *Economic Annals-XXI*. – 2017. – Vol. 166, Issue 7–8. – P. 80–85.
- [7] Талалушкина, Ю. Н. Социально-экономический подход к изучению качества жизни населения региона / Ю. Н. Талалушкина. – Текст : электронный // Региональная экономика и управление : электронный научный журнал. – 2015. – № 4 (44). – С. 11–20. – URL: <https://eee-region.ru/article/4402/>. – Дата публикации: 14.11.2015.
- [8] Мартынов, А. П. Уровень и качество жизни населения в регионах Приволжского федерального округа : современное состояние и динамика развития / А. П. Мартынов, С. С. Богословская. – Текст : непосредственный // *Вопросы статистики*. – 2018. – Т. 25, № 1. – С. 25–33.
- [9] Кузнецов, С. В. Рейтинговая оценка качества жизни в российских регионах / С. В. Кузнецов, Ю. И. Растова, М. А. Растов. – DOI 10.17059/2017-1-13. – Текст : непосредственный // *Экономика региона*. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 137–146.
- [10] Ферару, Г. С. Мониторинг качества жизни населения как инструмент оценки эффективности управления на муниципальном уровне / Г. С. Ферару. – Текст : непосредственный // *Современные технологии управления*. – 2015. – № 9 (57). – С. 49–53.
- [11] Fabry, N. Attractiveness of territories and territorial intelligence : Indicators / N. Fabry, S. Zeghni. – France : Paris Est Marne-La-Vallée University, 2013. – Direct text.
- [12] Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. – Москва : Academia, 1996. – 195 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Корнилова, М. В. Социальное самочувствие : понятие и основные показатели / М. В. Корнилова. – Текст : непосредственный // *Евразийское научное объединение*. – 2015. – Т. 2, № 3 (3). – С. 135–137.
- [14] Машуков, В. И. Социальное самочувствие как индикатор общественной безопасности / В. И. Машуков, М. В. Жукова. – Текст : электронный // *Вестник Евразийской науки*. – 2018. – Т. 10, № 2. – URL: <https://esj.today/67ECVN218.html>. – Дата публикации: 19.06.2018.
- [15] Pearsall, H. Urban sustainability and environmental justice: Evaluating the linkages in public planning/policy discourse / H. Pearsall, J. Pierce. – DOI 10.1080/13549839.2010.487528. – Direct text // *Local Environment*. – 2010. – Vol. 15, Issue 6. – P. 569–580.

- [16] Davidson, M. Social sustainability : a potential for politics? / M. Davidson. – DOI 10.1080/13549830903089291. – Direct text // Local Environment. – 2009. – Vol. 14, Issue 7. – P. 607–619.
- [17] Sustainability in an urbanizing planet / K. C. Seto, J. S. Golden, M. Alberti, B. L. Turner. – DOI 10.1073/pnas.1606037114. – Direct text // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). – 2017. – Vol. 114, Issue 34. – P. 8935–8938.
- [18] Cowell, M. M. Bounce back or move on : Regional resilience and economic development planning / M. M. Cowell. – DOI 10.1016/j.cities.2012.04.001. – Direct text // Cities. – 2013. – Vol. 30. – P. 212–222.
- [19] Костина, Е. Ю. Социальное благополучие населения как основа демографической безопасности региона / Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова. – Текст : непосредственный // Управление экономическими системами. – 2017. – № 4 (20). – С. 35–36.
- [20] Салимова, Ф. Н. Социальное самочувствие населения как критерий эффективности бюджетной политики в социальной сфере / Ф. Н. Салимова, Л. А. Ахатова. – Текст : непосредственный // Конкурентоспособность в глобальном мире : экономика, наука, технологии. – 2017. – № 12 (часть 7). – С. 869–872.
- [21] Ферару, Г. С. Методические подходы к формированию и реализации региональной экологической политики / Г. С. Ферару, А. Ф. Растворцев, А. М. Благадырёва. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – № 1. – С. 27–36.

References

- [1] Gavrilova, I. A., & Makarov, A. D. (2017). The quality of life of population: strategy of increase, state regulation. Fundamental research, (4-1), pp. 133- 137. (In Russian).
- [2] Dendak, G. M. (2016). Standards of living and quality of life of the population in Russia: regional aspect. Policy, economy and innovations, (5(7)), pp. 22-30. (In Russian).
- [3] Karimova, M. (2018). Uroven' zhizni naseleniya RK: reytingi, pokazateli i differentsiatsiya. (In Russian). Available at: <https://strategy2050.kz/ru/news/52056/>
- [4] Silin, A. N., Simonov, S. G., & Shelomentseva, V. P. (2003). Uroven' zhizni i sotsial'no-ekonomicheskaya situatsiya pri provedenii rynochnykh reform v Respublike Kazakhstan. Tyumen, Vektor Buk Publ., 319 p. (In Russian).
- [5] Rodríguez-Pose, A., & Hardy, D. (2015). Addressing poverty and inequality in the rural economy from a global perspective. Applied Geography, (61), pp. 11-23. (In English). DOI: 10.1016/j.apgeog.2015.02.005
- [6] Zheleznyakov, S., & Risin, I. (2017). Reduction of social and economic asymmetry of territories in new economic conditions. Economic Annals-XXI, 166(7-8), pp. 80-85. (In English).
- [7] Talalushkina, Yu. N. (2015). A socio-economic approach to the study of life quality in the region. Regional economy and management, (4(44)), pp. 11-20. (In Russian). Available at: <https://eee-region.ru/article/4402/>

- [8] Martynov, A. P., & Bogoslovskaya, S. S. (2018). Level and quality of life in regions of the Privolzhsky (Volga) federal district: current state and development dynamics. *Vo-prosy statistiki*, 25(1), pp. 25-33. (In Russian).
- [9] Kuznetsov, S. V., Rastova, Y. I., & Rastov, M. A. (2017). Rating evaluation of the quality of life in Russian regions. *Economy of Region*, 13(1), pp. 137-146. (In Russian). DOI: 10.17059/2017-1-13
- [10] Feraru, G. S. (2015). Monitoring the quality of life of the population as a tool to assess the effectiveness of management at the municipal level. *Modern management technology*, (9(57)), pp. 49-53. (In Russian).
- [11] Fabry, N., & Zeghni, S. (2013). Attractiveness of territories and territorial intelligence: Indicators. France, Paris-Est Marne-La-Vallee University. (In French).
- [12] Toshchenko, Zh. T., & Harchenko, S. V. (1996). *Sotsial'noe nastroyenie*. Moscow, Academia Publ., 195 p. (In Russian).
- [13] Kornilova, M. V. (2015). *Sotsial'noe samochuvstvie : ponyatie i osnovnye pokazateli. Evraziyskoe nauchnoe ob"edinenie*, 2(3(3)), pp. 135-137. (In Russian).
- [14] Mashukov, V. I., & Zhukova, M. V. (2018). The social mood of youth as an indicator of public safety. *The Eurasian Scientific Journal*, 10(2). (In Russian). Available at: <https://esj.today/67ECVN218.html>
- [15] Pearsall, H., & Pierce, J. (2010). Urban sustainability and environmental justice: Evaluating the linkages in public planning/policy discourse. *Local Environment*, 15(6), pp. 569-580. (In English). DOI: 10.1080/13549839.2010.487528
- [16] Davidson, M. (2009). Social sustainability: a potential for politics? *Local Environment*, 14(7), pp. 607-619. (In English). DOI: 10.1080/13549830903089291
- [17] Seto, K. C., Golden, J. S., Alberti, M., & Turner, B. L. (2017). Sustainability in an urbanizing planet. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*, 114(34), pp. 8935-8938. (In English). DOI: 10.1073/pnas.1606037114
- [18] Cowell, M. M. (2013). Bounce back or move on: Regional resilience and economic development planning. *Cities*, 30, pp. 212-222. (In English). DOI: 10.1016/j.cities.2012.04.001
- [19] Kostina, E. Yu., & Orlova, N. A. (2017). *Sotsial'noe blagopoluchie naseleniya kak osnova demograficheskoy bezopasnosti regiona. Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, (4(20)), pp. 35-36. (In Russian).
- [20] Salimova, F. N., & Akhatova, L. A. (2017). Social wellbeing of the population as a criterion of effectiveness of budget policy in social sphere. *Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technologies*, (12(7)), pp. 869-872. (In Russian).
- [21] Feraru, G. S., Rastvortsev, A. F., & Blagadyryova, A. M. (2011). *Metodicheskie podkhody k formirovaniyu i realizatsii regional'noy ekologicheskoy politiki. Public administration issues*, (1), pp. 27-36. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 06.06.2022.

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного
каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,
а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:
https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Подписано в печать 23.06.2022. Формат 60х90 1/8.
Уч.-изд. л. 7,82. Усл. печ. л. 14,37. Тираж 500. Заказ № 2454.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.